

470920

А. И. ГЕРМАНОВИЧ

МЕЖДО-
МЕТИЯ
РУССКОГО
ЯЗЫКА

А. И. GERMANOVICH

Не выдается

МЕЖДОМЕТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

ПОСОБИЕ ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

470920

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РАДЯНСЬКА ШКОЛА»
КИЕВ — 1966

ФУНД. БИБЛИОТЕКА
ГОС. ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА
г. Чернь

Г
Г
:
-
Г
:
-
я
з
-
Г
Г
-
е
з

4Р
Г38

Книга представляет собой итог многолетней научной деятельности автора в области изучения междометий. Автор собрал и обработал богатый и разнообразный материал о междометиях, бытующих в различных местностях нашей родины, изучил употребление междометий в различных стилях русской художественной литературы. На основе применения учения акад. И. П. Павлова о второй сигнальной системе, глубокого анализа материала исследования автор доказал несостоятельность различного рода предрассудков, связанных с междометиями, а также ошибочных теорий об их происхождении. Книга содержит много ценных сведений, которые могут быть использованы учителями русского языка в их практической работе.

ХАРЬКОВСКАЯ КНИЖНАЯ ТИПОГРАФИЯ «КОММУНИСТ»

6—5
279—65

I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖДОМЕТИЙ В РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ

Несмотря на то, что разговорная речь не обходится без междометий, эта категория слов менее всего изучена. Академик Л. В. Шерба назвал междометие «неясной и туманной категорией», «досадным недоразумением», имея в виду путаницу взглядов на эту часть речи (1)*. Лингвистами междометия часто не включаются в состав частей речи, они остаются, по меткому выражению А. П. Романа, «лингвистическими лишенцами» (2).

Такие крупные исследователи русского языка, как В. А. Богородицкий, А. М. Пешковский, Д. Н. Овсянко-Куликовский, не считают междометия словами, подчеркивают их неспособность вступать в какие-либо отношения со словами (3).

Чем объясняются такие взгляды?

Многие русские и зарубежные языковеды и философы придерживались идеалистических теорий о происхождении языка из рефлекторных криков или звукоподражаний, которые назвали междометиями. Междометная и звукоподражательная теории, возникшие еще в античной философии и филологии, получили широкое распространение в XVII, XVIII, XIX, XX вв. (4). Звукоподражательная теория связывает происхождение языка с имитацией, междометная доказывает, что язык развился в первобытном обществе из инстинктивных криков.

Основная ошибка этих теорий заключается в смешивании биологического и социального факторов. Никто не мог сказать, как природный, неосознанный выкрик или перво-

* Цифры в скобках тут и далее показывают, где в «Указателе литературы» подаются сведения о том или ином авторе.

бытное подражание превратилось в слово. Даже такой видный языковед, как проф. Д. Н. Кудрявский (1867—1920), называл междометиями нечленораздельные звуки, общие у человека с животными. Некоторые звуки животных: блеяние овцы [передаваемое им буквами *be*], мычание коровы [*my*] — он считает членораздельными (5).

Попытки доказать, что из имитации звуков образовался язык, также несостоятельны, хотя на эту тему написано много книг и статей (6). Авторы этих работ иногда не учитывали социальной природы языка, смешивали поэтические звукоподражания, имеющие свою природу, с звукоподражаниями народного языка, а главное — не принимали во внимание, что звуки языка, его формы, как и представления человека об окружающей действительности, с веками менялись. Окончательно разбить эти теории можно только путём точного определения свойств междометий и звукоподражаний, их структуры, изучения истории их возникновения и развития.

Недостаточное исследование междометий объясняется и другими причинами.

Не все одинаково определяли слово. Многие языковеды считали, что слова выражают понятия или представления (К. Аксаков, А. Потебня, Ф. Фортунатов, Д. Ушаков, А. Пешковский, Г. Санжеев и др.). Естественно, что эти ученые считали, что междометия не являются словами, что они «лежат вне системы средств языкового общения» (7), что они вроде «пули, попавшей в организм» (Пешковский, 3, стр. 174).

Мешал изучению междометий и разнобой в понимании самого термина «междометие» (*interjectio*). До сих пор, как в XVIII в., некоторые грамматики и словари в категорию междометий включают изолированные от предложений неосознанные выкрики, рефлекторные процессы вроде чиханья и смеха. До сих пор сохранился предрассудок, обусловленный термином «междометие» — вметаемое в речь, чуждое её синтаксическому строю.

Затрудняла изучение и необыкновенная пестрота, сборность групп, разрядов, относимых традиционно к междометиям. Кроме разноструктурных, разнообразных по значению и этимологиям эмоциональных междометий, к этой категории относили также резко отличные побудительные слова — императивные междометия: разные профессиональные приказы, слова, обращаемые к детям, слова клича и от-

гона животных, слова этикета и т. п. К междометиям относятся богатый словарь звукоподражаний, звуковые жесты, песенные припевы и даже глаголы типа «толк», «шашть».

Серьезно тормозило изучение междометий общее отставание в изучении разговорной речи, звучащего языка. Правда, в последнее время по этому вопросу в русском языкознании появились монографии Н. Ю. Шведовой, А. Б. Шапиро, статьи Л. П. Якубинского, Б. А. Ларина (8). Однако ещё мало изучены вопросы грамматики и стилистики междометий, не определено их место в структуре языка, остаются неясными многие их этимологии. Между тем междометия — это прежде всего факт произносимого языка, связанного с жестом, мимикой, с интонацией. Ещё М. В. Ломоносов указывал, что значение междометий выражается не столько в звуках, сколько в тоне речи. Недаром, характеризуя в разделе фонетики интонацию, он писал: «Посему вымышленные от Голберга в земли живущие люди, когда бы действительно были, и имели бы вместо органов, к произношению слова служащих, на груди своей струны, то могли бы оными свободно изображать и с другими сообщать свои мысли» (9). Ломоносов писал, что экспрессивная интонация находится в обратном отношении к количеству слов логической речи. Удивление можно выразить сложным предложением: «Я удивляюсь, что тебя здесь вижу» и одним междометием «Ба!» (Там же, стр. 407), произнесенным с своеобразной интонацией (долгое понижающееся *a*) и мимикой (расширение глаз, поднятие бровей). Первое может быть выражено письменным языком, второе употребляется только в устной речи. Через 166 лет подобный пример для подтверждения такой же мысли приводил Ш. Балли (10):

1. Se suis étonné de vous rencontrer ici.
2. Tiens! Vous êtes ici?
3. Comment! Vous ici?
4. Vous!
5. Oh!

Взгляды Ломоносова развивали А. Х. Востоков, Ф. И. Буслев и особенно А. А. Шахматов, который чётко определил своеобразие междометий — отсутствие у слов этой категории номинативного (лексического) значения («выражают, обнаруживают внутренние или внешние ощущения говорящего, а также его волеизъявления, не являясь, однако, их названиями»). Шахматов признаёт

междометие частью речи, подчеркивает своеобразие его внешней формы (выкрики, звукоподражания, междометия, образовавшиеся из других частей речи) (11).

Взгляды советских лингвистов на междометия наиболее полно отражены в книге акад. В. В. Виноградова «Русский язык» (Учпедгиз, 1947, стр. 745—761).

В противовес традиционной недооценке междометий В. В. Виноградов утверждает, что междометия «составляют в современном языке живой и богатый пласт чисто субъективных речевых знаков... служащих для выражения эмоционально-волевых реакций субъекта на действительность, для непосредственного эмоционального выражения переживаний, ощущений, аффектов, волевых изъятий» (стр. 745).

Раскрывая особенности междометий, В. В. Виноградов высказывает важное положение: они «несут на себе яркий отпечаток влияния интеллектуального языка» и «функционально сближаются с разными частями речи» (стр. 746).

В. В. Виноградов наметил и пути дальнейшего исследования междометий: «Семантический анализ междометий, выяснение сущности тех языковых явлений, которые формируют и расширяют категорию междометий, раскрытие закономерностей в переходе разных частей речи и модальных слов, разных экспрессивных предложений-идиоматизмов в междометия, исследование синтаксиса междометий». Особенно важно указание Виноградова, что изучение междометий необходимо для исследования синтаксиса живой устной речи (стр. 760).

В последние годы советские лингвисты стремятся преодолеть отставание в изучении междометий. О междометиях написаны статьи и диссертации в ряде наших республик.

Г. В. Дагуров опубликовал три статьи и автореферат кандидатской диссертации (12). Автор поставил своей задачей уточнить специфику междометий, отделяя от них глагольные междометия, звукоподражательные слова, побудительные слова типа *брысь!*, *цыц!*, *кыш!*, *на!*, *тпру!* и т. п., «звательную форму» типа *цып-цып*, *уть-уть*, «безродные слова» — *баста*, *лафа*, *алло*, *бис* и др. Однако в работе Дагурова много спорного. Стоило ли отделять от императивных междометий побудительные слова? Так, Н. В. Касаткин (13) доказывал, что и в императивных междометиях есть элементы эмоций, в них выражается характер взаимоотношений между говорящими...». В противоречии с верным утверждением Г. В. Дагурова о решающей

роли в междометии интонации находится его определение междометия как с и г н а л а, а сигнал, как известно, лишён интонации*.

Субъективность подхода некоторых исследователей при определении междометий, недостаточное внимание к интонационной стороне восклицаний можно показать на отдельных примерах. Восклицание *Ужас!* Г. В. Дагуров не считает междометием. Другой же автор — Р. П. Рогожников — пишет, что этим словом выражается не только страх, испуг, изумление, но и восхищение, удовольствие (примеры общеизвестны). И наоборот: восклицание *Дудки!* Г. В. Дагуров считает междометием, а Р. П. Рогожников — восклицанием с номинативным значением (14).

Неправомерно считать все слова, обращаемые к животным. «звательной формой» существительного. Г. В. Дагуров для доказательства этого положения приводит такие слова, как *уть-уть, кис-кис*, в которых сохраняются следы наименования. Но подобных слов сравнительно немного. Да и они качественно изменились и не могут, например, принимать определений — как обычные вокативы. Утрачивается лексическое значение и других многочисленных слов этого рода (ср. *бер-бер, выч-выч, тпрусь-тпрусь* и т. п.).

Исследованию междометий помогают труды по интонации. Положения, например, проф. В. А. Артёмова о связи интонации с содержанием высказывания, с жестом (15) используются А. И. Бельским, который в работе «Побудительная речь» (16) показывает, как связаны между собой тон речи и характер волеизъявления, как императив при экспрессивном приказе превращается в междометие, как интонация иногда становится важнее слов.

Наблюдения З. Р. Разлово́й (17) также показали, что чем ярче обнаруживается волевое значение, тем лаконичнее предложение. Но автор ошибочно считает, что эмоциональные междометия лишены мысли. Это положение резко критикует И. О. Степанян (18). В последней работе элементарно описываются типы эмоциональных и императивных предложений. Вызывает возражение употребляемый автором термин «структурно-неоформленные» предложения. Языковеды старшей поры тоже называли а м о р ф н ы м и такие языки, как китайский, тибетский, бирманский.

* В своих ранних работах я также склонен был считать междометие сигналом (А. Г.).

Д. С. Светлышев, описывая структуру частиц и их функции, поставил перед собой задачу отграничить частицы от междометий (19).

Автором настоящего очерка также написано 14 статей и автореферат докторской диссертации о междометиях и звукоподражательных словах русского языка (20).

О междометиях в украинском языке написаны статьи и защищена диссертация Ю. Ф. К а с и м о м (Одесса, 1953). Диссертация богата конкретным материалом, интересна анализом структуры междометий, особенно богат раздел выкриков, обращённых к животным. Приложен впервые составленный словарь междометий (21).

В Одессе же разработана тема о глагольно-междометных формах в русском и украинском языках (22).

В 1952 г. в Москве С. А. Г р и г о р ь е в ы м защищена кандидатская диссертация о междометных глагольных формах в витебских и смоленских говорах (23). Богатая конкретным материалом, работа уточняет положения предшествующей литературы. Недостатком её является порочный тезис: «включать в разряд междометных глагольных форм не только формы чисто глагольные, но и формы одинакового с ними синтаксического употребления», формы, от которых можно образовать глаголы. В связи с этим к данной группе отнесены и эмоциональные междометия (*ай, ой, ух* и др.), и слова, с которыми обращаются к животным (*апсик* — отгон кота), и звукоподражания (*гав* — лай собаки) и др. Такое же смешение разнообразных по значению, форме и функции, по историческому происхождению слов представляет и прилагаемый к диссертации словарь.

О неизменяемых сказуемых, по терминологии автора, о *вербоидах* написал работу С. Я. Л у р ь е (24). В этой работе даётся интересная сводка таких индоевропейских «вербоидов» (с опытом этимологий), как *на, ну, бац, хлоп*. Кроме индоевропейской, автор привлёк и материалы языков других систем (тюркских, финских) и показал, что в моделях вербоидов много общего.

Началось изучение современными методами междометий языков других, кроме индоевропейской, систем. В 1959 г. вышла книга Ш. Ш. С а р ы б а е в а (25) — первая работа о казахских междометиях. В ней даётся критический обзор литературы, раскрывается специфика междометий, на основе значения и формы устанавливаются их разряды и

группы, учитываются слова и выражения, переходящие в междометия.

По примеру русских языковедов тюркологи стали выделять звукоподражательные слова в особую категорию. Написаны статьи о туркменских, киргизских звукоподражаниях (26).

История изучения междометий показывает две противоположных концепции наших языковедов. Первая, положившая начало научной трактовке междометий, связана с именем М. В. Ломоносова. Она продолжена А. Х. Востоковым, Ф. И. Буслаевым, А. А. Шахматовым и в наши дни В. В. Виноградовым. Эти ученые а) считают междометия словами, а категорию, объединяющую их, признают частью речи; б) не делают резкого разграничения между словами, выражающими эмоции, и словами, выражающими мысли, не отрывают междометия от общей системы языка; в) подходят к изучению структуры междометий, их функции в речи, истории их образования.

Вторая, связанная с именами Н. И. Греча, Д. Н. Кудрявского, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, А. М. Пешковского и др., а) не считает междометия словами и исключает их из состава частей речи; б) смешивает биологическое с социальным — животный выкрик с междометием — фактом членораздельной речи, актом сознательного речевого творчества; в) отказывается от изучения структурной и синтаксической стороны междометий, иногда просто снимает вопрос об изучении междометий.

Подобное резкое расхождение взглядов на междометие наблюдаем и в зарубежном языкознании. Приведём некоторые примеры.

Известный немецкий языковед Д. Вильманс (D. Wilmans, *Deutsche Grammatik*, Strassburg, 1896, стр. 656 и след.) называет междометия словами, средством общения. Непроизвольные звуки (плач, смех, кашель) словами не считает. Граница между другими частями речи и междометием текуча и непостоянна, междометием может стать любая часть речи в зависимости от условий. Особенно часто в качестве междометий выступают имена богов и невидимой силы (Gott!, Herre!, Ach Gott!, Bei Gott!, o Jesus, Jesus Maria, Teufel! и т. п.). С течением времени эти обращения к богам принимают сокращенную форму, теряют связь со словами, от которых они образовались. Так, вместо «o Jesus domine!» говорят «O Jemine!» или «O Jesse», «oje», «o jegum» и т. п.

Большое внимание междометиям уделяет Г. Гирт (Hermann Hirt, Indogermanische Grammatik, T. III, 1927). По его утверждению, междометия составляют важнейшую, до сих пор недостаточно разработанную главу языкознания, основу для словообразования. Одни из междометий образовались из флективных форм (оје из о Jesus), другие никогда не имели флексий и возникли из выкриков. Есть междометия, закономерно превращающиеся в другие языковые категории (готск. wai дало weipen, ach — achzen, ein — диал. eipen и др.). Вот почему обзор частей речи Гирт начинает с междометий.

Для ряда зарубежных лингвистов характерен эклектизм. Наряду с прогрессивными взглядами на междометия, сохраняются и традиционные: в состав междометий включаются и произвольные выкрики.

Вильгельм Вундт (Völkerpsychologie, Die Sprache. Vierte Auflage, Leipzig, 1922), критикуя междометную и звукоподражательную теории языка, выдвигает свою теорию жестов. Непосредственным выражением психического процесса, по утверждению Вундта, являются артикуляционные движения. Жест, артикуляция неразрывно связаны со звуком, со звуковым жестом. А звуковой жест является источником языка. С междометиями Вундт связывает:

А. Природные звуки (Naturlaute) — рефлексорные звуки животных и человека. К ним относятся и доречевые звуки детей. Но и взрослый обращается к природным звукам при сильных аффектах. Мост между природными звуками и языком образуют

Б. Первичные междометия (Primären Interjektionen). Первичными Вундт их называет потому, что они первоначальны (ursprünglichsten sind), и потому, что они сохранили характер природных звуков. С обычным языком они ни в какой связи не стоят, образуя отдельные обломки предъязыковой ступени, прерывающие связную речь. Такими междометиями являются немецкие och, ach, ah, au, weh, ha, he, ei, латинские io, iu, ha, evae, vae, heu и др. В современных языках число таких междометий незначительно. Только язык примитивных народов или поэтический язык, которому доступны моментальные образования, богат ими. Мы находим у греческих трагиков такие, например, первичные междометия, как *απαταϊ*, *παπαππαπαππαπαππαπα*, *ππαπαϊ*, *ίω*, *αϊαϊαϊ*, и т. п. (Софокл, Филоктет). Сове-

менный переводчик не в состоянии точно передать эти звуки выражения тоски. Он вынужден перевести их такой фразой, как о weh mir Armen, о Schmerz и т. п. Так, по мысли Вундта, происходит постепенный отход от первичных междометий ко вторичным (В. Sekundäre Interjektionen), при помощи которых мы выражаем наши чувства, но одетые уже в языковые одежды. Такими междометиями являются: Zeṽ, me Hercle, apage, mein Gott, mein Himmel, Jesus Maria, Donnerwetter, Blitz и др. Число вторичных междометий все увеличивается.

Несмотря на то что Вундт собрал немало интересных фактов, высказал ряд остроумных догадок, его междометная лестница (природные звуки, первичные и вторичные междометия) дала новую пищу междометным теориям. Основными его ошибками являются:

а) смешение биологического и социального. Звуки, издаваемые животными, и произвольные выкрики человека не являются фактами языка и, следовательно, не могут быть предметом изучения в языкознании. Междометия даже по форме отличны от животных криков, они членораздельны. Труд, способствовавший образованию особого качества высокоорганизованной материи, послужил предпосылкой того скачка, который отделил человека от животного;

б) деление междометий на первичные и вторичные, которое было принято лингвистами Запада и оказало влияние на русских ученых, для нас неприемлемо. При историческом подходе то, что признается первичным, оказывается плодом долгого исторического развития, результатом сложного языкового процесса.

Г. Пауль (Hermann Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte, 2-е изд., Halle, 1886) останавливается на междометиях в связи с вопросом о происхождении и развитии языка (глава «Urschöpfung»). О междометиях Пауль высказал ряд прогрессивных положений. Так, он говорит об образовании ряда междометий из языкового материала: звуковые изменения могут пойти настолько далеко, что первоначальные слова могут оказаться неузнаваемыми, herrje произошло из Herr Jesus, Jemine, — из Jesu domine.

Верно положение Пауля, что современные междометия передаются по традиции и говорящий должен обучиться им как простейшим элементам языка. И наряду с этим Пауль говорит о междометиях как об абсолютных новообразованиях, которые рефлекторно выражают чувства и пере-

живания. Подобные выкрики (Naturlaute) являются общими у человека с животными. Они могут послужить материалом для междометий, выражаемых фонемами. К природным звукам Пауль относит и нерасчлененные звуки детей. С годами эти звуки превращаются в междометия.

Такую же непоследовательность во взглядах на междометия (включение в категорию междометий и рефлекторных актов) находим и в специальных работах о междометиях. Э. Швентнер (Ernst Schwentner, Die primären Interjektionen in den indogerm. Sprachen, Heidelberg, 1924) поэтому и не ставит вопрос об изучении этимологии первичных междометий, рассматривает структуру междометий только по формальным признакам: междометия, состоящие из одного гласного, междометия из гласного с согласным и т. д.

Другие языковеды Запада (Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, пер. А. М. Сухотина, М., 1933; Э. Сепир, Язык, пер. А. М. Сухотина, 1934) высказывают такие же взгляды, как и Макс Мюллер, который писал, что междометия «только опушки настоящего языка. Язык начинается, когда кончаются междометия... не должно забывать, что «хм», «ух», «фу», «ба» так же мало могут быть названы словами, как и выразительные жесты, обыкновенно сопровождающие эти восклицания» (Лекции по науке о языке, перевод с 4-го англ. изд., СПб, 1865, стр. 281 и сл.).

В дальнейшем кратком изложении ставится задача определить основные группы эмоциональных и императивных междометий (с посильными этимологиями), их морфологию и синтаксис.

В последней, шестой главе на некоторых фактах языка литературы делается попытка показать рост категории междометий, их стилистическую ценность, функции в системе речи, их связь со стилем писателя.

II. МЕЖДОМЕТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ

Этот разряд междометий наиболее типичен, и из него следует исходить, характеризуя разнообразные восклицания, традиционно относимые к междометиям.

Общие признаки междометий следующие:

- а) отсутствие лексического значения;
- б) отсутствие обычных форм словообразования и словоизменения;
- в) выражение содержания (значения) междометий разнообразной и богатой интонацией;
- г) сопровождение интонации междометий всегда соответственной мимикой, жестом (Мимику можно рассматривать как жест лица).

Таким образом, то, что не раскрыто словами (*горюю, радуюсь, торжествую, сомневаюсь, сочувствую, упрекаю, удивляюсь* и т. п.), выражается не столько фонемами, сколько интонацией и мимико-жестом. Наше современное междометие — факт непосредственно живого общения — совсем не первобытное реликтовое слово, оно концентрированно, кратко, звуковым и линейным жестом осознанно выражает отношение человека ко всему, с чем он может столкнуться. Языковеды мало обращали внимания на связь между языком и жестом. Наиболее убедительно, кажется, написал о междометиях проф. Л. П. Якубинский. Он доказал, что интонация и жест изменяют значения слов, придают речи тот или иной оттенок, часто противоположный привычному. Наблюдения над диалогом дали основание Л. П. Якубинскому сделать вывод, что в живом общении «в зависимости от наличия восприятия интонации, тембра и т. п. умалывается значение слов» (8, ук. соч., стр. 130).

Междометия, как непосредственные реакции на раздражение среды или на речь собеседника, естественным образом

связаны с движением тела, с жестом лица (мимикой). Если междометием выражается наше отношение к действительности, то жестом подкрепляется выражение этого отношения, в междометии органически слиты звук с жестом. Теоретики художественного слова говорят, что слово и жест — это те окна, сквозь которые зритель приходит в соприкосновение с психикой актёра. Каждый может легко убедиться, как трудно, энергично топнув о пол ногой, сказать приветливо «здравствуйте» или, махнув безнадежно рукой, произнести восторженное «ах!» Таким образом, и жест как средство общения должен интересовать не только актёра, оратора, но и языковеда, учителя. Часто и без слов узнаём, каковы отношения между встречающимися, в каком настроении пришёл человек, каково его отношение к обстановке действия, предугадываем интонацию его приветствия. Мы читаем этот зрительный язык, как картины художников-реалистов. Если внимательно посмотреть, например, на три фигуры охотников Перова, то можно «услышать» и их интонации, даже угадать употребляемые ими междометия, выражающие удивление молодого охотника, недоверие, скептицизм, иронию среднего, восторженные, хвастливые восклицания охотника-старика. Точно так же показывают нам определённые жизненные ситуации картины Репина, Маковского, Крамского, Сурикова, Божия и других мастеров кисти. Еще прогрессивный французский философ периода Возрождения Мишель де Монтень (1533—1592) видел огромное количество «говорящих» жестов головы, руки (27). О языке жестов имеются авторитетные высказывания выдающихся деятелей театра К. С. Станиславского, Ф. И. Шаляпина, С. М. Михоэлса, С. А. Кочаряна и др. (28).

Шаляпин вдохновенно писал, что «жест есть не движение тела, а движение души» (29).

К. С. Станиславский выдвинул важное положение о взаимодействии жеста, интонации и слова в процессе общения. Проводя эксперимент, Станиславский лишал актёра жестов рук, пальцев, завязывал глаза. После этого актер, чтобы общаться, усиливал интонацию. Но лишённый и речи, привязанный к креслу, актёр усиливал мимику, движения головы, шеи, туловища. Эксперимент убедил актёров, как для общения важен каждый орган. После описания опыта великий артист пишет: «Да сгинет навсегда со сцены пустой актёрский глаз, неподвижные

лица, глухие голоса, речь без интонации, корявые тела с заостренным спинным хребтом и шеей, с деревянными руками, кистями, пальцами, ногами, в которых не переливаются движения, ужасная походка и манеры!» (30).

О том, как жест изменяет значение слов, еще раньше писал С. М. Волконский*: «Достаточно бывает одного движения глаз, чтобы опрокинуть целое здание уверений и обещаний. Мягким, вкрадчивым голосом и с успокаивающим жестом вы говорите собеседнику: «Я вас ценю»; но переведите при этом глаза на третье лицо,— и всякому ясна ложь ваших уверений» (31).

Без интонации, без жеста (лица, рук, головы и т. д.) мы не представляем себе живой речи. Особенно повышается роль интонации и жеста в междометии, лишённом лексического значения. Ф. Дельсарт утверждал, что междометию по богатству мимики и интонации принадлежит первое место среди всех частей речи (32).

Вот поэтому в письменной речи, в художественной литературе мы очень часто находим пояснение интонации междометия или описание при нём жеста. Чаще всего указывается на жест, производимый рукой, затем описывается характер покачивания головой, пожимания плечами, почёсывания в затылке, всевозможные сокращения мышц лица:

— Хорошо вы живёте в колонии! Такая досада, что мне не пятнадцать лет. *Эх!* (Слова А. М. Горького).

Он, действительно, с досадой махнул рукой (А. С. Макаренко, Флаги на башнях).

На одном из заседаний Плеханов, собираясь ответить кому-то, скрестил руки на груди и громко, презрительно произнёс:

— *Х-Хе* (А. М. Горький, В. И. Ленин).

Тронько, припав к уху Золототысячника, восторженно прохрипел:

— А у тебя, Назарович, Мироновна — *У!* Политик! (И. Рябокляч. Золототысячник, пер. с укр. «Сов. пис.», 1949, стр. 62).

В «Майской ночи» Гоголя голова любит поговорить о себе:

* С. М. Волконский — видный теоретик сценической речи конца XIX — начала XX в., горячий сторонник педагогической системы сценического действия и декламации знаменитого французского актёра и теоретика Ф. Дельсарта (1811—1871).

«Слышите ли?» говорил голова с *важною осанкою*, оборотившись к своим спутникам: «комиссар сам своею особую придет к нашему брату, т. е. ко мне, на обед. *О!* «Тут голова *поднял палец вверх и голову привёл в такое положение, как будто бы она прислушивалась к чему-нибудь* (Н. В. Гоголь, Майская ночь).

Разговорный язык не обходится без междометий. Они нужны и для интонационного оформления фразы, для выражения при помощи интонации отношений между людьми. Акад. В и н о г р а д о в пишет, что наиболее прямым и непосредственным выражением отношения к предмету сообщения является интонационно-мелодическая сторона речи (33). В помощь этой стороне речи и приходят междометия. Любопытно и показательно, что наши выдающиеся актёры и чтецы обогащают интонационную сторону речи, вводя в тексты художественных произведений наиболее естественные для разговорного языка междометия. Так, И. М. М о с к в и н, исполняя басню Крылова «Ворона и Лисица», перед словами «какой носок» произносит междометие *у!* Таким образом, стих читается так:

Какие пёрушки! У! какой носок! (См. грампластинку Апрельского завода Б-5380).

Таким приёмом повышается притворная похвала лисицы. Если перевести это междометие и интонацию фразы в слова номинативного значения, можно сказать: «носок необыкновенной, удивительной красоты».

В басню «Осёл и Соловей» Москвин вставляет два междометия: *О!* и *Ох!* (пластинка Б-5379):

О! Еще б ты более навострился,
Когда бы у него немножко поучился.

Заключительный стих басни Москвин читает так:

Ох! Избави, бог, и нас от этаких судей.

Стихи эти выразительны сами по себе (Ср. подбор слов: «навострился», «этаких»), а междометия, интонация усиливают издёвку автора над тупым и высокомерным чиновным ослом, углубляют высказанное им сожаление, что оценку мастерству соловья даёт осел.

Вставляет от себя междометия при исполнении басен Крылова и А. Н. Г р и б о в. Если сравнить грамзаписи басен «Стрекоза и Муравей», «Лисица и Осел», «Две собаки» (пластинки Д-5222, Д-5223) с текстом, то можно убедиться, что наш выдающийся исполнитель усиливает выразитель-

ность речи звуковым (а значит, и зрительным) жестом. Того же эффекта артист мог достичь, усиливая интонирование, но междометия, жесты снижают напряженность исполнения, давая возможность кратчайшим путём достичь выразительности.

Еще больше междометий вставляют актеры при исполнении драматических произведений. Возьмём для примера пьесу А. Н. Островского «Горячее сердце». Великий мастер живого разговорного языка, автор — драматург-«слуховик», как не раз называла его критика, щедро вводит в речь своих персонажей междометия. В первом действии в тексте Островского находим 40 междометий. Однако артисты Московского Художественного академического театра при исполнении пьесы прибавляют ещё 21 междометие, не считая звуковых жестов (вздых, свист, покашливание, мычание и т. п.). Часто повторяются следующие междометия: *А!*, *Ай-Ай!*, *Ох!*, *Ну!*, *Ха-Ха!*, *У!*, *Го-го-го!*, *Господи!* Они естественны и творчески найдены исполнителями. Подобных примеров можно привести очень много (пл. Д-13552).

Мы строго блюдём чистоту авторского текста, в особенности таких чародеев слова, как А. Н. Островский. Замены, вставки в его пьесы слов лексического значения недопустимы. Но для междометий делается исключение, которое обусловлено самой природой этой категории слов.

В театре им. В. Ф. Комиссаржевской, играя «Дикарку» Островского, актёры вводили в своё исполнение междометия, которых нет в тексте драматурга. И это нам показалось вполне оправданным, междометия не «выпирали» из текста, не казались лишними.

Недооценкой роли интонации объясняется и то, что до настоящего времени междометия смешивают с рефлекторными выкриками (реакцией на боль, испуг, неожиданность и т. п.). Пользуясь терминологией И. П. Павлова, рефлекторный выкрик представляет собой акт первой сигнальной системы и лишен интонации (ее мелодии, в особенности выразительного тембра), а наше междометие — несомненный факт второй сигнальной системы и является средством общения. В связи с междометиями в «Руководстве к преподаванию по «Родному слову» (ч. II) К. Д. Ушинский писал: «...в ином крике, в ином восклицании человека выражается так много, что и словами сказать трудно». Приходится возразить против того, что «Словарь современного русского литературного языка» (изд. АН СССР, М.—Л.,

470920

◆ УНД. БИБЛИОТЕКА
гос. педагогического
института
г. Пермь

1948, т. I, стр. 66), определяя слово *ай* как междометие, первым его значением считает: I. Невольное восклицание, выражающее неожиданность, испуг, страх и т. п. Можно принять, что *ай! ай!* в третьем примере [*Ай!, ай! — отчаянно закричал один, повалившись на лавку в ужасе* (Гоголь, Сорочинская ярмарка, VIII)] действительно является рефлекторным выкриком. Но нельзя согласиться с тем, что это — междометие*. Подобные выкрики не передаются точно орфограммами, это лишь условное обозначение обычным способом письма.

Второй и третий раздел этой словарной статьи дают подлинные междометия — факты второй сигнальной системы.

Различные языковые факты объединены в статье: А, м е ж д о м е т. (там же, стр. 10—11). Сопоставим такие предложения: *А-а! каблуками бить да ещё браниться!* — закричал Серёжа (Л. Толст. Детство, XIX). *А! Прохор Порфирыч! Доброго здоровья!* (Гл. Усп., Нравы Растер. улицы, III). В первом случае имеем выражение негодования, угрозы; во втором — узнавания, приветствия. В обоих случаях — факты второй сигнальной системы.

Третий пример: *Крик избиваемых сливался в гулкий и протяжный стон... А-а-а-а!* (А. М. Горький, 9 января). Условное изображение стона — результата массовых криков ужаса — факт первой сигнальной системы.

Несмотря на указанные выше общие признаки эмоциональных междометий, они различаются а) по форме, б) по значению и по функции в предложении, в) по истории образования и этимологии. Понятен поэтому и разницей во взглядах исследователей на слова данной категории.

В состав эмоциональных междометий включаются односложные междометия: А, О, У, Э, И, Ай, Ой, Уй, Ах, Ох, Эх, Их, Ух и некоторые другие. Значение их определяется не столько составом фонем, сколько интонацией. Подобно тому, как прямоугольник даёт основу для разнообразных рисунков — дома, стола, конверта и т. д., фонемы данных междометий, лишённые интонации (естественно, и жеста), могут быть основой для выражения разнообразных отношений.

* Доктор педагогических наук, проф. Е. В. Шорохова традиционно называет междометиями эти безусловные речевые реакции человека («Материалистическое учение И. П. Павлова о сигнальных системах», изд. АН СССР, М., 1955, стр. 163).

А!, например, выражает догадку, восторг, удивление, укор, страх, боль, недовольство, досаду, решимость, угрозу, насмешку, иронию, злорадство, гнев и др. Примеры:

«*А! заплатанной, заплатанной!*» (Крестьянин на вопрос Чичикова о Плюшкине. Гоголь, М. души) — выражение догадки; долгое *а* с постепенно понижающимся тоном.

«*Когда выставили «Последний день Помпеи» (К. Брюллова) и все кругом кричали: «А! А! А!..», я чувствовал себя таким несчастным дураком. Мне она не нравилась — не нравились эти застывшие классические позы... Так я думал, но когда меня спрашивали о впечатлении, я тоже кричал: «А! А! А!»*» (1880 г. Д. Садовников, Встречи с И. С. Тургеневым. «Русское прошлое», сб. 3, 1923, стр. 107). Здесь *А! А! А!..* выражает восторг. Тон ровный, произносится отрывисто (*staccato*), обычно с покачиванием головы.

«*Ах, боже мой, какие ты, Антоша, слова отпускаешь!..*» (Городничий, с неудовольствием) «*А, не до слов теперь!*» (Гоголь, Ревизор). Здесь *А* выражает досаду, упрёк, произносится кратко, отрывисто.

Иногда при ударе карт по столу вырывались выражения: «А! была не была, не с чего, так с бубен!» (Гоголь, М. души, I, гл. I). Здесь *А!* выражает решимость, произносится с понижением и с отрывом.

«*Я вот уж пятнадцать лет сижу на судейском стуле, а как загляну в докладную записку — а! только рукой махну. Сам Соломон не разрешит, что в ней правда и что неправда*» (Гоголь, Ревизор, д. I, 3). Здесь *а!* вместе с описанием жеста выражает бессилие, нежелание высказать своё мнение. Произносится ровным тоном и с отрывом, производимым одновременно со взмахом руки.

«*... Нет, братцы, так любить, как русская душа, любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал бог, что ни есть в тебе — А! ...*» — сказал Тарас и махнул рукой, и потряс седую головою, и усом моргнул и сказал: «*Нет, так любить никто не может!*» (Гоголь, Тарас Бульба, IX). Здесь *А!* вместе с жестами подчёркивает преклонение Тараса перед высоким чувством русской души, гордость за свой народ. Энергично произнесённое вместе с повышением тона *А!* мгновенно обрывается вместе со взмахом руки.

(Влюблённый мстит обольстителю, поджидая его с винтовкой):

«*Чу! близкий топот слышится...*

А! это ты, злодей!» (Лермонтов, Свиданье).

Очень долгое *А!* с понижающейся интонацией и тембровой окраской, выражающей злорадство.

Аа! *вот я тебя!* — выражение угрозы. Второе *а* резко повышается и обрывается (Словарь русск. яз. АН. СПб, 1895, т. I, стр. 1).

«— *Ааа!* — *промычал* Вронский, схватившись за голову, — *Ааа!* *что я сделал!* — *прокричал он* (Л. Н. Толстой, Анна Каренина, II, гл. 25) — выражение раскаяния, испуга.

Чёрт в споре с Янкелем из символической сказки Короленко «Судный день» начинает свои возражения междометием *А!*:

«А! еще неизвестно, кто выиграл! Что мельник тебя не пожалел, это правда, а остальное ещё посмотрим, ещё надо у людей спросить, может, он и не думал открыть шинок».

(Чёрт решил нарядиться в одежду и выпросить о мельнике у молодца).

«Янкель ткнул ему какую-то рвань. Чёрт кинул её на землю и ухватился за узел. А! что ты мне даёшь, как нищему, что стыдно будет показаться. Давай получше». Интонация *А!* ровная, произношение энергичное, как бы ударное.

«А! Трусы! Подлецы! Пришёл ваш час, выродки из вырождков! Ага-а!.. — кричала Любка, не в силах повернуться на окровавленном топчани и яростно стуча ногами» (А. Фадеев, Молодая гвардия, гл. 60).

А! усиливает выражение торжества возмездия, угрозы. *А* — долгое, тон ровный, своеобразно окрашенный.

«Знаешь ли, что этот Пигасов, который с таким озлоблением всё и всех ругает, и на философию нападает, и на женщин, — знаешь ли ты, что он, когда служил, брал взятки, и как ещё! А! Вот то-то вот и есть» (Тургенев. Рудин, XII). *А!* способствует выражению легкого упрёка, удовлетворения доказательством; тон ровный, *А* — долгое.

При виде старика кучер Ерофей осклабился, закивал головой и воскликнул:

«А, Касьянушка, здорово!» (Тургенев, Касьян с Красивой Мечи). Тут *А* употребляется при приветствии, тон понижающийся, *А* — долгое, тембровая окраска соответствует приветствию.

В художественной литературе часто встречаем ремарки, пояснения, раскрывающие настроение говорящего, тон

всего предложения и междометия, связанного с ним. Например:

«А, вот чьи куры! — с торжеством воскликнул помещик: Ермила-кучера куры» (Тургенев, Два помещика).

«А-а... — облегченно вырвалось у Вари» (Леонов, Русский лес, I, 62).

«Ну, для препровождения времени, держу триста рублей банку!»

Но Чичиков прикинулся, как будто и не слышал, о чём речь, и сказал, как бы вдруг припомнив:

«А! чтобы не позабыть: у меня к тебе просьба» (Гоголь, М. души, IV).

«А! так ты не можешь, подлец? когда увидел, что не твоя берёт, так и не можешь! Бейте его!» — кричал он (Ноздрёв) исступленно, обратившись к Порфирию и Павлушке, а сам схватил в руку черешневый чубук (Там же).

Так же многообразны и другие одно- и двухсложные эмоциональные междометия.

Но многозначны и многосложные междометия, происшедшие путём переходности (интеръективации) из других частей речи — существительных, глаголов, наречий, местоимений, а также фразеологизмов. При интеръективации важную роль играет изменение интонации, изменяющей (как и в односложных междометиях) значения междометий. Например, слова *Господи! Батюшки! Скажите!* могут иметь десятки значений, оттенков значения в зависимости от интонации. Если сравнить интонацию существительного *Комиссия!* — радостного восклицания при приезде долгожданной комиссии и междометия *Комиссия!*, выражающего недоумение, затруднение или удивление, то станет очевидным, что значение новообразованного междометия выражается интонацией. Интонация этого междометия сравнительно с существительным в первом случае имеет значительное повышение и долготу на втором слоге. Точно так же будет выделен второй слог в слове *история* при его переходе в междометие.

В предложении «*Скажите, какая новость?*» императив и вопросительное местоимение выражают интерес к случившемуся.

В предложении же «*Скажите! Какая новость!*» выражается не вопрос, а удивление. *Скажите!* выступает уже в значении междометия. В нём наблюдается резкое повышение тона на втором слоге вместе с увеличением его долготы.

Эти интонационные модели характерны и для других эмоциональных междометий.

Можно привести и другие интонационные рисунки, которые являются общими для ряда эмоциональных междометий.

Другой пример. В прошлом «Здравствуйте!» было императивом с соответствующей интонацией. Слову приписывалась таинственная сила. Впоследствии «Здравствуйте!» превратилось в приветствие при встрече. В разговорном языке «Здравствуйте!» может выражать и удивление, недоумение, досаду, упрёк, насмешку, чаще всего реакцию на неожиданный поступок или на несуразную речь:

(Мать) *«при всех ругала его, а он — нате, здравствуйте, явится!»* (Ляшко, Сладкая каторга. Пример из Акад. сл., т. IV, 1180). Естественно, что новообразованный омоним будет отличаться от прежнего слова интонацией. Первый слог у него будет иметь очень высокое долгое А, последующие будут произноситься с резким понижением.

Эти модели характерны и для таких междометий, как *Нате!*, *Господи!*, *Батюшки* и др. Оттенки смысла создаются тембровыми изменениями.

Не всякое знаменательное слово переходит в междометие. Среди существительных мы выделяем слова, которые принимают переносное значение, эмоциональны и непременно насыщены высокой экспрессией (34). Таковы существительные *беда, дело, дудки, канальство, комиссия, история, пропасть, смерть, страх, шутка, крышка, чёрт, дьявольщина, матушки, батюшки, святители*, обращения к воображаемой высшей силе, имевшие флексию звательного падежа — *боже, господи*. Из глаголов образовались такие междометия, как *поди, помилуй, подумаешь, скажите, смотрите*. В роли междометий выступают и некоторые наречия (*полно, куда*), местоимения (*да что, да чего, то-то*).

В «Письмах к тётеньке» С.Щедрин эзоповским языком разоблачил методы созданной по приказу царя террористической «Священной дружины». В седьмом письме показывается, как шпионы вылавливают либералов, какие «штуки» подстерегают на каждом шагу обывателя. Рассказ обычно начинается восклицанием: *«Представь, какая штука со мной случилась!»*, *«Вот так штука со мной сегодня была!»* или *«Какова штука!»* и т. д. «Словом сказать, образовалась целая теория вколачивания «штуки» в человеческое существование...»

«Штука»—сама по себе вещь не мудрая, но значительная тем, что обыкновенно её вколачивает «мерзавец»...

Как бы то ни было, но ужасно меня эти «штуки» огорчили. Только что начал было на весёлый лад мысли настраивать — глядь, ан тут целый ряд штук».

Слово «штука» повторяется у писателя на пяти страницах одиннадцать раз. Естественно, что обыватель выражает этим восклицанием разнообразные переживания: удивление, неожиданность, неуверенность в будущем и страх, возмущение, протест: «*Приходит пятый — вот те штука! Еду я сегодня на извозчике...*» «*Приходит восьмой; но этот ничего не говорит, а только глазами хлопает.*

«— *Штука!* — наконец восклицает он, переводя дух» (Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 392—393).

Так естественно происходит процесс превращения экспрессивного слова разговорного языка в междометие, характеризующее нравы, порядки царской России. Писатель показывает и жест междометия, его интонацию (*глазами хлопает, восклицает он, переводя дух*).

Интеръективация полнозначных слов — процесс не мгновенный. Наблюдаются случаи переходные. В связи с этим в грамматиках и словарях нет строгой последовательности в пометах. Например, «Здравствуйте!» в Академ. словаре определено как м е ж д о м е т и е, а аналогичное «подумаешь, подумать только!» — как в о с к л и ц а н и е (т. X, стр. 666).

В четырёхтомном Академ. словаре (1959 г., т. III, стр. 311), подающем те же примеры, относительно слова *подумаешь* читаем помету: «в знач. междом. Разг.». Ближе к истине четырёхтомный словарь. Кроме потери номинативности, налицо и выпадение данного восклицания из системы спряжения. Достаточно образовать другие глагольные формы, чтобы убедиться, что это не глагол, а междометие.

Переходный случай имеем в реплике Софьи из «Горя от ума» Грибоедова: «*подумаешь, как счастье своенравно!*» (Д. I, явл. 5).

Нельзя согласиться и с грамматиками, которые такие восклицательные предложения, как *Горе! Беда! Страх! Ужас!*, взятые вне контекста, но с восклицательным знаком, считают междометиями, хотя в этих предложениях не утрачено назывное значение, выражающее представление.

Надо отличать и такие формы, в которых обращение

выражает и отношение (недовольство, упрёк, мольба, предостережение). Они встречаются, например, в пьесах Чехова:

Соня (тоном упрёка): Дядя! (Дядя Ваня, III).
Треплев (умоляюще и с упрёком): Мама! (Чайка, I).

К междометиям, значение которых обусловлено интонацией (и, само собою разумеется, соответствующим жестом), относятся и такие, как *ага* (аһа), *ишь*, *гм*.

Ага выражает догадку, удивление, угрозу, насмешку, злорадство: *Ага! вспомнил!* (Из разговора). *Ага!* — промолвил Базаров: — у твоего отца, видно, губа не дура (Тургенев, Отцы и дети). *Теперь ты наш, ага, дрожишь!* (Пушкин, Руслан и Людмила).

Интересно, что междометие может являться средством характеристики персонажа. В романе Тома́са Ма́нна «Будденброки» (ГИХЛ, 1953, перевод с немецкого Наталии Ман) этим междометием пересыпает свою речь Кессельмейер. Так он, «скорчив нелепейшую гримасу, одним взмахом насадил пенсне на нос, окинул взором чету Грюнлих и проговорил: «Ага!»

Господин Кессельмейер то и дело прибегал к этому междометию, а потому необходимо сказать, что бесчисленные «ага» произносились им всякий раз по-другому и достаточно своеобразно. Он умел восклицать «ага», сморщив нос и закинув голову, с разверстым ртом и махал в воздухе руками, или, напротив, произносил его в нос, протяжно, с металлической ноткой в голосе, так что это напоминало гуденье китайского гонга. Иногда он пренебрегал разнообразием оттенков и просто бормотал «ага» быстро, ласковой скороговоркой, что, пожалуй, выходило ещё смешнее, ибо печальное «ага» звучало в его устах как-то гнусаво и уныло. На сей раз пресловутое междометие, сопровождаемое судорожным кивком головы, было произнесено так приветливо и весело, что явно должно было свидетельствовать об отличном расположении духа г-на Кессельмейера. Но тут-то и надо было держать ухо востро, ибо чем коварнее были замыслы почтенного банкира, тем веселее он казался. Когда г-н Кессельмейер подпрыгивал на ходу, непрерывно бормоча «ага», насаживал пенсне на нос и вновь его ронял, махал руками, неумолчно болтал, словно одержимый приступом шутовства, можно было с уверенностью сказать, что душу его снедает злоба» (гл. VI, стр. 153—154).

Многозначность междометия, как видим, обусловлена многообразием интонации и характеристических жестов персонажа.

ишь (из *видишь*, *вишь*) — просторечное междометие, выражающее укор, изумление или недоумение, насмешку, издёвку, иногда поощрение. Часто *ишь* сочетается с местоимением *ты*, выражая насмешку, укор, злорадство. Такое именно значение имеет *ишь ты* в рассказе Горького «Вор». Торговец укоряет семилетнего мальчика, которого голод заставил украсть кусок мыла:

«Прости, дяденька» — тоскливо сказал вор.

«— Про-ости-ить? Скажи на милость! Ишь ты! Как же так, сынок, я тебя могу простить? Ты, вор, украл у меня товару. Значит, следовало тебя уечь в тюрьму».

Здесь *ишь ты*, как и синонимичное ему междометие-идиом *скажи на милость*, выражает злорадство торговца, насмешку:

«Ишь ты, бежать захотел... Куда тебе мыло?

— Купил бы... фунт весового... хлеба... Н-ну?

Баварского... квасу... полбутылки...

— Ишь ты! — усмехнулся торговец. — А ещё?»

Другое значение (гордость, самодовольство) выражает *ишь ты* в реплике Пантелея Мелихова, увидевшего дочь Григория и Аксиньи:

«Пантелей Прокофьевич деловито оглядел чернявую голловку, торчавшую из вороха пелёнок, и не без гордости удостоверил:

— Наших кровей... Э-э-м... Ишь ты! (Шолохов, Тихий Дон, кн. I, ч. II, гл. 21).

Значительным многообразием функций отличается в речи междометие, представляющее собой носовой звук разной длительности, неизменно сопровождаемый разнообразными жестами (пожиманием плеч, кивком головы, многозначительной или иронической улыбкой и др.). На письме это междометие условно изображается, как *гм*, *гем*, *мм*. Им выражается догадка, ирония, недоумение, сомнение, нерешительность, колебание, заминка, упрёк, недоверие, двусмысленный намёк, многозначительное умолчание и другие реакции человека на речь собеседника и на различные ситуации*.

* Э. Германн (E. Hermann, Über die primären Interjectionen Indogerm. Forschungen, В. XXI, 1912), ссылаясь на опыты Сиверса, приводит около пятнадцати различных значений для немецкого hm.

Многозначно *гм* (недоумение, удивление, возмущение) членов комиссии, которая увидела, что Корейко, взявшийся строить электростанцию, строил для своих выгод фотографию. Жулик скрылся до приезда комиссии: «— *Гм!* — сказал председатель, ковыряя палкой в трещинах фундамента. Где же электростанция?»

Он посмотрел на членов комиссии, которые в свою очередь сказали «*гм*». Электростанции не было» (И. Ильф, Е. Петров, Золотой телёнок, V).

Междометие-жест *гм* имеет самые разнообразные оттенки в творчестве Гоголя. Им в мире чиновников устрашают, намекают, унижают, предупреждают. В «Утре чиновника» «его превосходительство после каждого слова говорил: «*гем*». В «Повести о том, как поссорился...» читаем: «... секретарь пустил сквозь губы густой «*гм*» и показал на лице своём ту равнодушную и дьявольски двусмысленную мину, которую принимает один только сатана, когда видит у ног своих прибегающую к нему жертву». Комизм, ирония, переходящая в сарказм, усиливается не только описанием мимики междометия, но и аллитерацией звуков *с, г*.

Гм помогает не высказать суждения, скрыть пустоту под маской глубокомыслия. Майору Ковалёву, потерявшему нос (повесть «Нос»), медик «сказал, что это ничего и... велел ему перегнуть голову сначала на правую сторону, и пощупавши то место, где прежде был нос, сказал: «*Гм!*» Потом велел ему перегнуть голову на левую сторону и сказал: «*Гм!*» Подобные повторы *гм* как средство юмора встречаются и в других произведениях Гоголя.

Выражает «высокие» соображения *гм* у Яичницы, который старательно учитывает приданое невесты: «...Две лильских шубы... *Гм*. Четыре больших пуховика и два малых (Значительно сжимает губы)» («Женитьба», I).

Гм выявляет иногда и полное отсутствие мысли или желания отвечать на сообщение. Собакевич сообщает жене, что он познакомился в городе с Чичиковым, «преприятным человеком». «На что супруга отвечала: «*Гм!*» и толкнула его ногою» (М. души, I).

Повторяемое *гм* обнаруживает утончённое сладострастие дьяка или его заигрывание с Солохой, к которой он пришёл «погулять» (Ночь перед Рождеством). Звуковым жестом *хм...хм...хм* почтмейстер пытается скрыть смущение и пропустить слова в письме Хлестакова, где гово-

рится, что он «пьёт горькую» (Ревизор). Иногда *гм* заменяется *м...*, как, например, у Жевакина, заигрывающего с «девчонкой» Агафьи Тихоновны (Женитьба). Сердитым *гм* «с выражением жёлчного сарказма в лице» и плевком выражает своё негодование по адресу политических экономов Костанжогло (М. души, II, 2).

Таким образом, мы видим, что интонационных вариантов *гм* много, только у Гоголя их насчитывается около пятнадцати.

Акад. Шахматов выделяет группу междометий, «выражающих определённые чувства» (II, ук. соч., § 591) и имеющих относительно устойчивое значение. Однако не было ещё попытки раскрыть причины этой устойчивости. А эти причины коренятся в истории образования подобных междометий, в их структурных особенностях. В прошлом это или рефлекторные акты, жесты, или заимствованные из других языков знаменательные слова, иногда это русские слова, употребляющиеся только в определённой ситуации.

Небольшую такую группу составляют междометия, получившие своё значение в результате определённых действий, физиологических или рефлекторных актов: *тьфу*, *брр*, *ха-ха-ха*.

Звуковая сторона этих междометий своеобразна и выходит за рамки фонетической системы языка. На письме они передаются приближённо и весьма условно.

Тьфу, известное десяткам языков (в самых разнообразных транскрипциях), — не что иное, как звук плевка, сплёвывания, выражающего отвращение, пренебрежение, негодование, досаду, иногда указывающего на ничтожность факта или повода к какому-нибудь действию. Слово это связано с плевком — древним обрядовым «чудодейственным» средством, как это показывают и авторские наблюдения (над русскими, украинскими, белорусскими диалектами, над диалектами Казахстана, Дагестана) и многочисленная литература по этнографии, по фольклору, по истории религий (35).

Тьфу употреблялось суеверными людьми при всевозможных заклинаниях. Так, А. М. Горький в «Деле Артамоновых» описывает заклинания при бракосочетании:

«Барская, идя впереди, бормотала, поплёвывая во все стороны: Тьфу, тьфу! ни горюшка, ни зависти, ни бесчестьяца, тьфу! Огонь, вода — во время, не на беду, на счастье!»

В рассказе Горького «Вечер у Сухомяткина» кухарка плевками оберегается от сглазу:

«Гляди, Ефимовна, не перевари!»

— Ну, что это вы, о, господи! — глухим басом тревожно отзывается старуха и трижды плюёт к порогу:

— *ТЬфу, тьфу, тьфу!*»

В драме Чехова «Иванов» Авдотья Назаровна, чтобы не сглазить Бабакину, отплёвывается:

«...Вот радость! Дай же я на тебя погляжу, лебедь белая! ТЬфу, тьфу, тьфу... чтоб не сглазить!» (д. II).

ТЬфу часто сопровождается проклятиями, тоже превратившимися в междометия:

(Русаков): *ТЬфу ты, прах побери... Провались ты совсем!*» (А. Н. Островский, Не в свои сани не садись, II).

При сильных аффектах *тьфу* сопровождается плевком, что свидетельствует о связи данного междометия с плевком:

«ТЬфу! — сплюнул с негодованием Ярмол. — Вот ещё добро нашли» (Куприн, Олеся).

«А дивчина в лаптях, со смыслёными глазами, расплывшись в каких-то своих мечтах, досадует на нашу непонятливость.»

— Я вас проведу. Да с такой силой я бы до самого Бреста дошла. А что Туров? *ТЬфу!* — и смачно плюёт на пол» (П. Вершигора, Люди с чистой совестью, ч. I, гл. 18).

И в наши дни, по традиции, и атеисты иногда употребляют это междометие:

Хорошо, что мы тут пришли к двору — промолвил он (Решетов) и, полушутя, поплевал: — ТЬфу, тьфу, в добрый час сказать, но сработались...

— А вы к чему это: *«тьфу, тьфу?»* Сглазить боитесь?

— Да как вам сказать... Не суеверен, нет, но мнительностью не обделён (А. Коптяева, Дерзание. Сов. пис., М., 1959, стр. 70—71).

Операция прошла блестяще. ТЬфу, тьфу! — на всякий случай поплевала через плечо вовсе не суеверная Софья (Там же, стр. 435).

В современном языке процесс превращения в междометие культового действия-плевка закончился. Закрепились в этом междометии и новые синтаксические отношения, со-

относительные с другими междометиями. *Тьфу* употребляется теперь не только как самостоятельное предложение, но и в роли разных членов предложения. Например:

А седок-то мне — *тьфу!*..
Коли скажет: «легче!»
Нет, мол, сел, так седи
Да держись покрепче

(Никитин, Выезд ямщика).

Да ещё какой из тебя генерал-то? Горь! Раньше были генералы — на него аж радостно глядеть: сытые, пузатые, важные! А то ты зараз... Так, тьфу и больше ничего (слова деда Гришаки Григорию Мелехову, Шолохов, Т. Дон, кн. III, ч. VI, гл. 46).

Нашёл жену — тьфу! (Горький, Трое). *Лысый, губы мокрые — тьфу!* (Горький, Мужик).

Подобные связи, конечно, образовались не сразу. Можно думать, что эллипс возник на основе более ранней конструкции: Нашёл жену такую, что только скажешь «тьфу». Лысый, губы мокрые, такие, что только скажешь «тьфу». Но эта эволюция показывает, что и в междометие вкладывалось определённое смысловое содержание.

Брр! первоначально было рефлексом человека на холод, сырость, и в этом смысле оно и известно разговорному языку: «*В соседней лодке встал другой мой спутник, приподняв дохи и шкуры, которыми он был покрыт... — Брр... — сказал он. — Мороз, братцы...*» (Короленко, Мороз. Пример из словаря совр. русск. яз. АН СССР, т. III, 648).

От данного губно-губного вибранта, вызываемого холодом, образовалось и переносное значение — эмоциональная констатация чего-либо отталкивающего, вызывающего нервическую дрожь. Например:

(Елена): **Брр!** *Не люблю говорить о смерти* (Горький, Мещане, I).

(Шарлотта): **Бррр!** *Эти умники все такие глупые, не с кем мне поговорить* (Чехов, Вишнёвый сад, II).

Ах, об ошибках я уж и не говорю! Кричит бедная грамматика! Что ни строчка, то личное для неё оскорбление! Ни запятых, ни точек, а ять... Бррр (Чехов, Розовый чулок).

Насмешка, сарказм, подбострастие, отрицательное отношение к чему-нибудь выражается междометием **ха-ха**

и его вариантами *хе-хе, хи-хи, хэ-хэ-хэ, ги-ги, га-га*, также представляющими рефлекс смеха, употребляемый в речи.

Мы различаем смех рефлекторный, смех как проявление первой сигнальной системы и смех как средство выражения каких-либо настроений или переживаний. Художественная литература широко изобразила тот и другой вид смеха. Известен смех неудержимый — смех генерала Бетрищева (Гоголь, *М. души*, II, гл. 2), смех казаков из «Тихого Дона» Шолохова. Но есть и другой смех: смех Чичикова у генерала Бетрищева, у помещика Леницина, смех чеховского тонкого при встрече с толстым, смех Иудушки Головлёва (С.-Щедрин, *Господа Головлёвы*) или смех Коршунова (А. Н. Островский, *Бедность не порок*). Такой смех нужно отнести к проявлениям второй сигнальной системы. К нему, собственно, и применим термин «междометие», тогда как передача смеха рефлекторного в литературе является звукоподражанием. Словари не различают этих столь различных фактов действительности. Приведём хотя бы по одному примеру, иллюстрирующему тот и другой смех.

С м е х р е ф л е к т о р н ы й (первая сигнальная система):

Иван Авдеич Синилин, по прозвищу Брѣх, рассказывает на сходе казаков, как он по просьбе царя шпиона поймал. Возвратился во дворец в полночь. *«Слышу, сам кричит: «Марья Фёдоровна, Марья Фёдоровна! Вставай скорей, ставь самовар, Иван Авдеич приехал!»*

Гролом лопнул в задних рядах смех... Атаман гусаком вытянул шею, рассматривая колыхнувшуюся в хохоте толпу.

Авдеич дёрнул папаху, — хмурясь, растерянно перебежал глазами с одного на другого.

— *Погодите!*

— *Охо-ха-ха-ха!*

— *Ох, сме-е-ертынь-ка!..*

Гык-гык-гы-ы-ык!

— *Авдеич, кобель лысый, ох-охо!..*

«— Ставь само-о-вар. Авдеич приехал!» Ну и ну!» (Шолохов, *Т. Дон*, кн. I, ч. II, гл. 7).

С м е х к а к с р е д с т в о в ы р а ж е н и я о т н о ш е н и я к ч е м у - л и б о (вторая сигнальная система):

Спорят Варавка и Лютов (Горький, Жизнь Клима Самгина, ч. I, гл. I):

«Было что-то голодное, сладострастное и, наконец, даже смешное в той ярости, с которой эти люди спорили.казалось, что они давно искали случая встретиться, чтобы швырять в лица друг другу иронические восклицания, исхищряться в насмешливых гримасах и всячески показывать взаимное отсутствие уважения...

— *Хэ-хэ-хэ!* — смеялся Лютов гнусавым, дразнящим смехом.

Клима изумлял этот смех, в котором не было ничего смешного, но ясно звучало дразнящее нахальство».

К данной группе междометий относятся и различные звуковые жесты, не взятые на учёт ни одной грамматикой, ни одним словарём. Некоторые из них отражены в нашей реалистической литературе. Примеры:

(Платонов): ***В-в-в-в...** Как ты отвратителен, тварь! Я исковеркать тебя готов, негодяй!*

***В-в-в..** Мерзавец* (Бьёт его по щеке). *Гадость* (Чехов, Пьеса без названия).

Староста вылезает из-за стола, зажигает о колено спичку и почтительно подносит ее к трубке жандарма.

— ***Ффф...*** — сердится жандарм. — *Серы полный нос напустил!* (Чехов, Суд).

Значительно отличаются от фонетической системы языка всевозможного рода покашливания, пощёлкивания языком, причмокивания, посвистывания, связанные с определённым значением. Так как и они являются своеобразным средством общения, то мы и их относим к рассматриваемой группе междометий. В литературном языке они часто только описываются. Однако в стиле Л. Н. Толстого, М. Горького подобные звуковые жесты передаются и буквами: щелчок — «тц», свист — «фью», чмокание — «ще-цце».

Щелчок в результате резкого отрыва языка от нёба и удара его о нижние альвеолы также является своеобразным высказыванием и может обозначать игривость, лёгкую иронию, выражение превосходства. От четырёхлетней девочки нам пришлось услышать такое «сложное» предложение: «А у нас была ёлка — *щелчок*», который я понял так: «У нас была восхитительная ёлка, а у вас такой не было». Щелчок сопровождался кивком головы налево и некоторым расширением век, что явно поддерживало такое толкование.

Взрослые подтвердили, что Ёлка была действительно превосходной и Мариночка очень гордилась ею.

Особую группу эмоциональных междометий с относительно устойчивым значением составляют происходящие из знаменательных частей речи (иногда иностранных языков) восклицания приветствия, радости, благодарности. Это междометия с неполной интеръективацией, несложные по этимологиям: *спасибо* (из «спаси бог»), народно-поэтическое устарелое приветствие *гой*, от корня, известного всем славянским языкам (ср. древнерусское *гоити* — жить, *гои* — мир, спокойствие, дружба, *гойный* — обильный и т. д. (36), тоже народно-поэтическое *исполать* из древнегреческого языка («на многие лета») — εἰς πολλὰ ἔτη. Возглас хорошо был известен на Руси из архиерейского служения. Сюда же можно отнести театральные *браво* (ит. bravo), *бис* (лат. bis).

Если обычное приветствие «здравствуй» выражает упрёк или неожиданность, то оно выступает уже как несомненное междометие:

Здравствуйте! Этого только недоставало (из разговора). «... я услышал очень издали порохание дятла, звук этот всё нарастал, нарастал и вот... *здравствуйте!* — появляется и садится на вершине моей сосны (Пришвин, Лесные загадки).

Ура служит массовым выражением радости, приветствия, солидарности и восторженного одобрения. Вместе с тем это и военный клич, с которым бросаются в бой, которым приветствуют полководцев, вождей, руководителей. Слово известно ряду славянских и других индоевропейских языков. Лишённое лексического значения, оно, однако, связано с лучшими патриотическими порывами народа, особенно с защитой родины.

Достоверной этимологии слова мы ещё не имеем. Ф. Клюге возводит *ура* к средневерхненемецкому (hugren — sich schnell bewegen — 37) — быстро двигаться. Хотя эту этимологию принял «Краткий этимологический словарь русского языка» (38), она не выдерживает критики. Ряд этимологических словарей (39) без особых доказательств возводит это слово к тюркскому игтак — бить, иг — бей.

Имеются сторонники производить *ура* от древнерусского *уразити* — ударить, убить, уничтожить, победить, опечалить.

Многочисленные лингвистические и этнографические материалы показывают, что *ура* пришло к нам от народов

нашего Востока. Словарь якутского языка акад. Пекарского приводит «*уруй* (алт. *куруй*, монг. *хуру*) — 1) восклицание в шаманских стихах, возглас (клич), коим выражается мольба о благополучии, заклинание против зла и в то же время призыв, угроза, союзный боевой клич, восклицание, которым шаман заключает свой сеанс, на что всё собрание в один голос отвечает тем же; 2) *уруй-ура!*, подай (свыше)!, даруй!, ниспошли!, благоволи! 3) *уруйу олохто!* — даруй счастье — обращение к Айы Тойону» (стр. 3070).

Этнограф Кулаковский (40) рассказывает, что убой скота у якутов сопровождается некоторыми обрядами: «пожилая хозяйка (в крайнем случае хозяин) прокрикивает троекратное «уруй!» (ура). Затем обращается к обречённой скотине... с речью». Кулаковский говорит также и о культовом кличе *уруй* в честь Айы (стр. 14—15).

Коренное *ур* служило и именем тотема. Сами якуты называют себя *ура(я)нхайцами*, *уранхай саха* (Пекарский, Сл., 3061). Род, родственник по крови, свадьба, приплод также имеет корень *уру* (там же).

Якутскому языку известно *ура* и в современном значении. В бурятском языке *ура* — пароль на общественной облаве, а также слово приветствия, восторга, боевой клич.

Тюркским языкам широко известно и нарицательное существительное *уран* (41).

Известны широкие связи русских с Востоком. Слово пришло к нам не через письменность, а устно от народа. Словарь Академии Российской... 1806 года определял *ура* как слово простонародное.

Имеются материалы о том, что *ура* через русских переходило в Западную Европу. Известно, что победоносную русскую армию в 1813 году встречали в Западной Европе русским *ура*. Немецкий писатель Карл Вебер, вспоминая эти дни, писал о «моде на русских» и о русских словах, вошедших в то время в немецкий язык: «Наши мальчики прекрасно научились говорить ура вместо прежнего виват». Парады русских войск собирали толпу, приветствующую освободителей русским *ура*.

Широко известны бранные междометия, переходящие часто путём резкого изменения интонации в междометия высшей похвалы.

Устойчивы значения эмоциональных междометий, выражающих горе, тоску, печаль.

Увы — наиболее употребительное междометие в языке старшего периода русской литературы. Оно известно многим индоевропейским языкам, что проливает свет на его этимологию. Можно считать, что *увы* восходит к существительному (ср. лат. *vae*, нем. *weh* и др.), хотя некоторые этимологи считают, что *увы* происходит от естественного выкрика или, что ещё менее вероятно, от звукоподражания (37, стр. 677 и 38, стр. 347).

Сокрушение или сожаление выражается также просторечно-народными *эхехе*, *эхма-хма-хма*, *эхо-хо*, *эхти*, *эхтихти*.

Догадку, неожиданность, удивление выражают междометия *ба*, *ого*, *эге*, *те-те-те* или *тэ-тэ-тэ*, *эка история*, *камуфлет* (фр. *camouflet*).

К группе междометий с устойчивым значением относятся: *дудки*, *атанде* (фр. *attendez*), *накося*.

В отдельную группу следует выделить близкие к междометиям эмоциональные восклицания, выражающие какое-либо утверждение и дающие эмоциональную оценку. По значению они принадлежат к экспрессивно выраженной категории состояния (См. В. В. Виноградов, ук. соч., 755). В отличие от таких слов, как «холодно», «жарко», эти восклицания лишены конкретного лексического значения и состоят из иноязычных или русских знаменательных слов, получивших переносное значение:

а) *каюк* (тюркское, северное — *кауик* — долблённый чёлн, лодка-«душегубка»), *лафа* (арабск. *ulufe* — корм, пища), *амба* (ит. *ambo*), *капут* (нем. *kaputt*), *швах* (нем. *schwach*), *шабаш* (из древнееврейского), *баста* (ит. *basta*);

б) *крышка*, *страх*, *смерть*, *труба*, *точка*, *табак*, *добро*, *беда*, *хреновина*. Подобные восклицательные предложения связаны с историей быта, с развитием системы разговорной эмоциональной речи. Слово *табак*, например, объяснено Д. К. Зелениным (42). Иногда контекст речи раскрывает условия образования междометия. Например: «А как заехали на такой участок, что тридцать центнеров, пшеница стеной стоит, комбайн на полный хедер не берёт, — вот тут и завязли! Полнормы за день не выработаешь. Да пережог горючего. Да если ещё дождики, поляжет хлеб.

«Труба!» (В. Овечкин, На переднем крае).

«Распалился казак, плюнь на него — зашипит. Беда!» (Шолохов, Т. Дон, кн. II, ч. 5).

Сюда же относятся и упомянутые *тьфу, фью, ай-ай, ох, у* и др., когда они характеризуют состояние говорящего или обстановку.

Особую группу эмоциональных междометий с устойчивым значением составляют междометные идиоматические сочетания. К этой группе относятся:

а) экспрессивные утверждения или отрицания, иногда соединённые с угрозой, выражение удовлетворения чем-нибудь: *еще бы!, то-то!, вот то-то и оно!, ни боже мой!, вот еще!, черта с два!, держи карман!, куда тебе!, кой чёрт!, натко выкуси!* и др. Примеры общеизвестны, этимологии этих междометий прозрачны, некоторые объяснены (См. о выражении «держи карман» статью В. И. Чернышева (43);

б) перешедшие в междометия фразеологизмы, выражающие неожиданность, удивление, иногда недоумение: *вот на!, вот те на!, вот так так!, вот тебе раз!, вот так раз!, вот это да!, вот как!, вот ты куда!, ишь ты!, на тебе!, вот так штука!, вот так фунт!, вот так клюква!, штука какая!, вот те и здравствуй!, скажи пожалуйста!, скажите на милость!, мать честная!, вот поди ж ты!, шутка сказать!, ну и ну!, подумать только!* Примеры:

(Мирон): «*Ох, догулялся! Вот так раз! Всё похмелье соскочило*» (А. Островский, Невольницы, III, 5).

(Сетловидов): «*Вот так фунт! Вот так штука! В уборной уснул. Спектакль давно уже кончился, все из театра ушли, а я преспокойнейшим манером храповицкого задаю*» (Чехов, Лебединая песня).

«*Всем хорош человек, но одна беда! пьяница!*

Вот так клюква! — подумал Посудин» (Чехов, Шило в мешке).

«*Что стало с людьми — подумать только! Птичица из Мелехова Пелагея Васижевна Мызникова выступает с трибуны районного совещания...*» (И. Рябов, В чеховских местах. «Правда», 14 июля 1954 г.);

в) выражение решимости, иногда безнадёжности: *была не была!, пропадай моя телега!, Эх, пропадай моя голова!*

г) выражение насмешки, презрения: *футы, ну-ты!, поди-кась!, вот еще!, моё почтение!, на тебе!* и др.

д) брань: *чёрт возьми!, чёрт дери!, в рот те дышло!* и т. п.

Итак, наблюдения над разными сторонами междометий в свете учения академика Павлова о сигнальных системах дают основание утверждать, что в советском языкознании преодолены традиционные ошибки — смешение рефлекторных выкриков с междометием. В связи с этим даже данный первичный научный подход к изучению междометий разрушает основы идеалистической теории о происхождении языка от междометий.

Современные грамматики бесспорно включают междометие в состав частей речи, признают, что междометие — необходимое звено в системе разговорной речи. Интонация междометий (изменение высоты, силы, темпа и ритма, и особенно, тембра, органически связанного с жестом лица, руки, головы и т. д.) выражает различные отношения к речи собеседника, усиливает модальность высказывания. Специфические особенности эмоциональных междометий в том и заключаются, что их значения выражаются интонацией. Именно поэтому актёры иногда включают в тексты литературно-драматических произведений односложные междометия, усиливая модальность высказывания, выразительность речи.

Потребность выразить различного рода отношения обусловила живой процесс интеръективации разных частей речи, фразеологизмов, даже некоторых действий (плевок, смех, дрожь). История образования междометий и определила их структурные различия, затрудняющие классификацию. Кажется, целесообразнее всего признать отделение многозначных междометий, значение которых определяется интонацией, от междометий с относительно устойчивым значением, как это установил ещё академик Шахматов.

Ещё сложнее раскрывать этимологии междометий, так как слово, превратившееся в междометие, изменяет часто и звуковую форму. И это естественно: внимание к интонации ослабляет чуткость к фонеме — опоре словарного значения.

III. ИМПЕРАТИВНЫЕ (ПОВЕЛИТЕЛЬНЫЕ) МЕЖДОМЕТИЯ

Императивные междометия резко отличаются от междометий эмоциональных по своему значению, по функции в речи и часто по структуре. Междометия эмоциональные, как мы видели, служат для выявления отношений человека к действительности, к речи собеседника (эмоции). Междометия императивные — средство волеизъявления: это команды, приказы, запрещения. Иногда их сближают с повелительным наклонением глагола. Но необходимо иметь в виду смысловое и структурное отличие междометий этого рода от императива и других слов с лексическим значением.

Основанием для объединения эмоциональных и императивных междометий послужило то, что и те и другие междометия:

а) лишены номинативного значения; это не слова названия, а слова отношения, своеобразные побудители;

б) формируются они в основном одинаково — путём переходности из знаменательных частей речи, в том числе иногда из слов заимствованных, хотя пути этой переходности не всегда совпадают;

в) эмоциональные и императивные междометия не имеют обычных форм словообразования и словоизменения;

г) как эмоциональные, так и императивные междометия имеют общее в грамматике — повторы (*ай-ай-ай*, *цып-цып-цып*), хотя цели этих повторов различны;

д) как эмоциональные, так и императивные междометия иногда выходят за рамки фонетического строя языка (ср.: *тыфу*, *бррр*, *тпру*, *фью*);

е) и главное — императивные междометия содержат и элементы эмоциональности, вместе с побуждением выражают и отношение к окружающему. Различные формы отно-

шения, модальности (просьба, увещание, призыв, совет, предупреждение, предложение, требование, запрещение, приказ) выражаются и междометиями-синонимами и оттенками интонации. Мы различаем *цщ!* и *тсс! ну!* и *нуте-с* и т. п. Интонация, как писал проф. В. А. Артёмов (44), выражает эмоционально-волевые отношения людей в процессе общения, придаёт высказыванию необходимую по условиям общения определённую модальность. Даже такое междометие, как *эй*, содержит элемент модальности. «Междометие *эй!*, которое мы слышим от человека, знающего вас, но не желающего назвать вас по имени, звучит уже как оскорбление», — метко заметил Н. В. Касаткин (13, ук. соч., стр. 137).

Есть междометия, которые можно назвать и эмоциональными и императивными. Таковы слова, которыми успокаивают или убаюкивают детей, — *баю-бай*, *агу*. Первым призывают ко сну, но оно вместе с тем выражает (интонацией) ласку и нежность. Точно так же слова призыва животных часто выражают не только волю, но и ласку. Односложное *ну* может иметь десятки оттенков эмоций и побуждений. Таким образом, и в области императивных междометий диапазон интонации обширен. Выдающийся военный специалист М. Драгомиров писал: «Скажи мне, как ты отдаёшь приказание, и я тебе скажу, каково будет исполнение» (Из статьи А. И. Бельского, см. 16).

Таковы соображения, которыми руководствуются для объединения эмоциональных и императивных междометий в одну категорию.

Императивные междометия по значению и по функции в речи делятся на ряд групп:

1. Междометия призыва: *эй*, *ау*, *алло*, *караул*.

Если междометием *эй* привлекают внимание человека, находящегося вблизи, то *ау* — средство переклички на далёком расстоянии, чаще всего в лесу: *Эй, Дуня! — закричал смотритель, — поставь самовар, да сходи за сливками* (Пушкин, Станционный смотритель). (Мороз): *Ау, дружки! Лешутки, Лесовые! Заснули что ль? Проснитесь, отзовитесь на голос мой!..* (Леший): *Ау!* (А. Островский, Снегурочка).

Эти междометия имеют и вторичные значения. *Эй* употребляется при предостережении кого-либо: *Эй, дочь, смотри; не будь такая дура, Не прозевай ты счастья своего* (Пушкин, Русалка).

Ау при определённой интонации — средство эмоционального сообщения о каком-нибудь тяжёлом положении или о какой-нибудь безвозвратной потере: *Стало быть, наш департамент — ау?* — машинально произнёс он упавшим голосом (С.-Щедрин, Пошехонские рассказы. Вечер третий). *Уж ау, брат, прежнего не воротишь* (А. Островский, На бойком месте).

Алло (англ. hallo) — теперь при телефонных разговорах обозначает «слушаю» или «слушайте». Первоначально это морской окрик с одного судна на другое. Об этом говорят словари: Н. Янковского, В. И. Даля, Сл., С. П. Неустроева (45).

Караул (из тюркских языков — karasol) встречается уже в старейших русских памятниках. Корень слова находим в существительном (*караул*), в прилагательном (*караульный*), в глаголе (*караулить*), в междометии: *И опять пошла тревога: «Помогите, ради бога! Караул: лови, лови...»* (Пушкин, Сказка о царе Салтане). *Караул! Бежим!* — закричал он (ямщик, Чехов, Верб).

2. Междометия, выражающие требование соблюдать тишину, покориться.

Категорический приказ молчать, который даётся в условиях, не позволяющих пользоваться обычными словами (например, чтобы не нарушить тишины), выражается междометием, графически изображаемым так:

с!.. сс!.., сс!.., ш-ш! ш-ш-ш!, тсс!, тссс!, чш!, чшш!, псс!, цссс!

Генетически это междометие восходит к слову *тише*, у которого опущены гласные и иногда изменяются согласные. Синонимичность *тссс* и *тише* подтверждается тем, что и в быту и в художественной литературе мы эти слова встречаем рядом. В стихотворении Маяковского «Париж» (Разговорчики с Эйфелевой башней) читаем:

*Т-ш-ш-ш,
башня,
тише шлёпайте! —
увидят!*

Этим междометием часто усиливается императив: *Молчать! Молчать! дьяк думный говорит: ш-ш — слушайте!* (Пушкин, Борис Годунов).

Данное междометие нередко сопровождается жестом: *Тс! Тс!.. Молчи, — заговорил дядя, махая рукой* (Гончаров, Обыкновенная история). *Цсс!.. — зашипел на*

него (на Захара) *Обломов*, *подняв палец вверх и грозя на Захара*, — ни слова больше! (Гончаров, Обломов).

Стилистическая функция междометий довольно разнообразна. Иногда они играют важную роль при характеристике персонажа, как в «Ревизоре» Гоголя, где часто повторяемое Сквозник-Дмухановским *чи!* свидетельствует о его подхалимстве. Этим междометием оберегается сон «ревизора».

Характерным является *тс-с* для шептунов и сплетников, «завшивевших в мещанстве». Маяковский высмеял таких «путающихся у нас в ногах» в стихотворении «Любители затруднений».

«Тсс!» в рассказе Чехова с таким же названием характеризует обстановку самодурства в доме Краснухина, который ночью пишет, а днём спит.

Это междометие характеризует и внутренний мир Победоносикова, главного героя драмы Маяковского «Баня». Этот «главный начальник по управлению согласованием» с чертами грибоедовского Фамусова междометием *тссс* сдерживал крики своей жены.

Пссс употребляется и с целью усиления иронии. В рассказе Чехова «Длинный язык» болтливая и легкомысленная женщина, возвратившаяся из Ялты, рассказывает своему мужу о прелестях курортной жизни. Увлёкшись воспоминаниями, она выдаёт свои секреты, но противопоставляет себя подруге: «*Я тебе не Юлия какая-нибудь... Я её и не оправдываю, но я... пссс!.. У меня Сулейман не выходил из границ...*»

Глубокую иронию выражает чеховское *тссс* в рассказе «Любовь», где речь идёт о девушке, разыгрывающей свидание в книжно-сентиментальном духе: «*Когда я подошёл к Саше, она стояла ко мне спиной, а в этой спине прочёл я чертовски много таинственности. Казалось, спина, затылок и чёрные крапинки на платье говорили: тссс!*»

Это императивное междометие нельзя смешивать с его омонимом — эмоциональным междометием *тсс*, *ссс*, выражающим удивление, неожиданность. Оно часто встречается в сатирах М. Е. Салтыкова-Щедрина:

— *А у вас хорошо... даже очень прилично... да! Обойцы на стенах, драпри... а внизу на лестнице швейцар! Хорошо. Много за квартиру платите?*

Столько-то.

— *Тсс... скажите! И много комнат занимаете?*

Столько-то.

— Тсс... а я в Подьяческой на три комнаты меньше имею, а почти то же плачу!

...В коридоре повёл носом, учуял, что пахнет жареной печёнкой, умилился и воскликнул:

— Тсс... печёнка! очень, очень приятное кушанье! (слова Дыбы из «Писем к тётеньке»).

В губернском правлении, в строительной комиссии — просто денной грабёж!

— Тсс... так вы полагаете? (слова помпадур Козелкова, IX).

А в храмовые праздники (крестьяне) даже уток резали!

— Ссс... А теперь, вы говорите, одна корова на несколько дворов! (X, 315).

Это же ссс и тсс находим в «Современной идиллии» (XV, 65, 291), в «Помпадурах и помпадуршах» (IX, 123) и других произведениях Салтыкова-Щедрина.

Междометие *цыц* — вульгаризм разговорного языка, которым резко, гневно требуют прекратить разговор, шум, какое-либо рассуждение, иногда действие. Слово известно украинскому (*циць*), белорусскому (*цыц*), польскому (*суц*) языкам. Часто с этим словом обращаются к животным. Так, в современном болгарском языке словом *циц* отгоняют козу.

Ярко выражены значение и экспрессивный оттенок этого междометия в речи разгневанного Агапа Петрова из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», выступившего против помещика:

Цыц! Нишкни!

Крестьянских душ владение

Покончено. Последыш ты!

Иди домой, похаживай,

Поджавши хвост, по горницам,

А нас оставь! *Нишкни!*..

(ч. III, гл. 2).

Синонимом к слову *цыц* является *нишкни* (повелит. форма от забытого глагола *нишкнуть*). Превращение в междометие и потеря связи с глаголом (деэтимологизация) обусловили разновидность междометия: *нишкни* — *нишкни* (см. выше в примере из Некрасова).

Чу! — междометие, призывающее к вниманию, настороженности. В. И. Даль (Сл., IV, 634) приводит народные:

Чу-ка, *цыц*, *смирно*, *молчи-ну*. Костромское *чу* выступает или в значении императива: *чу*, како диво-то! или в значении частицы — *слышь*, *де*, *дескать*: Он-*чу* сказал, что завтра не придет-*чу*. А. И. С о б о л е в с к и й считает *чу* остатком аориста — 2 лица ед. ч. от глагола *чути* — слышишь (46). Более вероятно происхождение *чу* искать в народных говорах, а не в книжной форме аориста. Появилось *чу* в литературном языке только вместе с процессом сближения литературного языка с народным, когда аорист уже давно был мёртвой формой. В народной речи, в сказках *чу* встречается часто; например, в сказке «Лиса-повитуха» лиса обращается к волку, постоянно употребляя *чу*. В «Весенней сказке» А. Островского «Снегурочка» персонаж из народа Бобылиха говорит: *Чу, рожок! Пригнал пастух скотину* (д. I). *Чу* нашло себе место в проникнутых духом народности баснях Крылова (См., напр., Два голубя, Олень и Заяц).

Наиболее характерно *чу* для поэзии Жуковского. Здесь оно получило оттенок таинственности, романтизма, что и вызвало насмешки Гоголя в «Мёртвых душах» (т. I, гл. 8). Именно о такой десемантизации междометия, процитировав отрывок из «Людмилы» Жуковского, заканчивающийся стихами

Бор заснул, долина спит...
Чу!.. полночный час звучит,

писал Белинский: «По наивному рассказу, современников этой баллады особенным изумлением поразило слово *чу!*.. Они не знали, что им делать с этим словом, как принять его — за поэтическую красоту или литературное уродство...» (47). Однако *чу* встречаем не только в произведениях Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Некрасова (очень часто), но даже у Чехова, Горького (в речи персонажей из народа). В советской литературе *чу* не встречаем, оно стало поэтическим архаизмом.

Выходящее из употребления *чур!* в ряде многих других имело и значение требования соблюдать тишину или осторожность, не делать чего-либо необдуманно, неосмотрительно:

Садитесь все вокруг, да чур... уж ни жу-жу (Дмитриев, Сказка).

Ну, милый друг, с тобой не надобно газет,
Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всех повыспрошу; однако, *чур!* секрет
(Грибоедов, Горе от ума, III, явл. 16).

В художественной литературе и в устном языке встречаем случаи, указывающие на старое, культовое значение восклицания *чур*. Некрасовский Яков (Про холопа примерного — Якова верного), решив отомстить барину, кончает жизнь самоубийством;

Крестится: «*Чур* меня, сила нечистая!»

Шепчет: «*рассыпья!*» (мутил его враг).

(Мардыкин): *Чур, чур, сгинь, пропади...*

(А. Н. Толстой, Нечистая сила).

Словари также указывают на культовое значение слова *чур*, употребляющегося как заклинание, запрет переходить черту (Даль, IV; Толк. сл. русск. яз. под ред. Ушакова).

Научной этимологии слова мы не имеем. Готье считает *чур* заимствованным из чувашского языка, где *tsar* значит «остановись, берегись» (48).

Однако Готье не объясняет разнообразных значений слова *чур*, не объясняет, почему он считает слово чувашским. А. Н. Веселовский, а за ним Д. К. Зеленин возводят *чур* к древнегреческому *χῆρ*, *χῆριος* — господь (49), а А. Афанасьев, основываясь на живых поверьях славян, главным образом белоруссов, считает междометие *чур* отзвуком обращения к Чуру — домашнему пенату славян, охраняющему дом, поля, черты и межи, чурбаны, которые служили знаками владений. Через черту, охраняемую Чуром, опасно переходить с недобрый умыслом. Эта черта проводилась зачастую с определённым ритуалом (с огнём, с призывом Чура). Поэтому, по мнению Афанасьева, глагол «чураться» в областных говорах значит не только «клясться Чуром», но и очерчиваться, а слово *чур* получило значение проведённой черты (межи), как это видно из наречия «чересчур» и пословицы «через чур и конь не ступит». Отсюда понятно, — пишет Афанасьев, — и диалектное (б. Тверск. г.) «чурал!» — стой, не трогай! как и выражения: «чур мой!», «чур не трогать!», если принять во внимание поверье о Чуре как хранителе домашнего очага, источнике всякого богатства. Чур является и представителем рода, старшим в роде (отсюда «пра-щур»), его именем называют весь род. Старые белорусские выражения «Чур чуров и чурочков моих!», «Чурочками клянусь, што ня буду!» (Носович, Сл.) свидетельствуют о том, что слово *чур* служило для названия предков и домочадцев (49).

О домашних богах (пенатах) находим свидетельства у ряда других мифологов (50). О чуре есть упоминание и у позднейших историков религии и этнографов. Штернберг, например, говорит, что *чур* означает предка (пращур — предок). Он «был охранителем границ поземельных владений, и слово это означало пограничный знак, между» (35, указ. соч., стр. 436—437).

Если принять во внимание доводы мифологов, то станет понятным и обилие названий населённых пунктов и собственных имён, особенно фамилий с корнем *чур*. А. И. Соболевский приводит тридцать четыре названия деревень с корнем *чур* (51). И. А. Износков даёт их ещё больше (52).

Известны современные фамилии: Чураков, Чуриков, Чуриленко, Чурилков, Чурилович, Чурилов, Чурин, Чуркин, Щуренко, Щурьяков и мн. др. Естественно, что фамилиям предшествуют имена: Чура, Чурак, Чурило, Чур, Щур (53). М. Морозкин приводит древнеславянские собственные имена: Чура, Чуран, Чурач, Чурас, Чурак, Чурило, Чурилко, Чурка, Чур, Чурыня, Чюр.

Таким образом, почти вышедшее из употребления восклицание (54) даёт возможность проследить процесс десемантизации, характерный для образования междометия. Чтобы пришло новое, должно исчезнуть старое в производстве, в производственных отношениях, в мышлении, в языке. Такие выражения дореволюционного крестьянина, как «*Чур меня, господи!*» или «*Чур, Христос!*» (35, Майков, стр. 505), говорят о том, что хотя человек ещё не освободился от мистицизма, но христос уже вытеснил чура. Чур стало просто сигналом о помощи, старое значение исчезло, как и в таких словах, как «чересчур», «чураться».

В современном языке, в играх детей *чур* — условное восклицание, сигнализирующее о неприкосновенности. Иногда оно употребляется для выражения иронии или острой насмешки. На полях книги по истории философии Гегеля В. И. Ленин написал: «Материализм (Гегель боится слова: чур меня) versus атомистика» (В. И. Ленин, Философские тетради, 1947, стр. 249).

3. В профессиональных диалектах оформились команды: морские *майна* (от ит. *ammaina*) — убирай, опускай вниз и противоположное ему *вира* (ит. *viga*) — выбирай, поднимай, тащи.

Полундра (англ. fall under — падать вниз) — окрик, обозначающий «берегись». В дни Великой Отечественной войны моряки с криком *полундра* бросались в атаку:

Грохот, подорвались и свои и чужие. — Полундра! — Сто-о-й! Свои! (Вишневу. Война).

К военным и военно-морским междометиям относится **есть!** (англ. yes! — да) — ответ на команду или приказание вместо «слушаю», «согласен», «хорошо», «сделаю». Здесь мы имеем контаминацию заимствованного yes и русского слова с принесением в русское «есть» значения английского слова.

Товарищи,
не останавливаться!
Чего стали?

В броневики
и на почтамт! —

Есть!
(Маяковский, Владимир Ильич Ленин).

И боец сказал:

— Понятно.

И еще добавил:

Есть!
(Твардовский, Василий Тёркин).

Иногда это междометие, характеризующее высокую дисциплинированность советского военного, становится доминирующим в ряде стихотворений (См., например, «Балладу о моряке» Т. Сикорской).

В военном словаре артиллеристов и пехоты бытует команда **товсь** — будь на чеку, изготовься, образовавшееся путём усечения первых двух слогов (приго-товсь): *Правый — товсь!* — *скомандовал минному аппарату Юрасовский. Акинфов застыл на месте, ожидая команды «пли» (А. Степанов, Порт-Артур). Товсь! начинай! Ать-два, ать-два! и десять молодых здоровых голосов кричали отрывисто и старательно — гау-гау, гау-гау!* (Куприн, Поединок).

4. К производственным междометиям относятся выкрики при выполнении коллективных работ. Цель и смысл их — регулировать усилия. О таких выкриках писал Горький (Фома Гордеев, Дело Артамоновых, Коновалов и др.), изображая радость и красоту труда: *ух, да ух! Ой раз!, Еще раз!, О-ух!* и др. В трудовых песнях такими сигналами

лизирующими словами являются припевы: *ай, ай-да, ай-да-да-да, ах, ой, ой-раз, эх-раз, ух* и др. Иногда вся трудовая песня служит развёрнутым сигналом, регулятором общей работы. Карл Бюхер приводит большое число трудовых песен разных народов, состоящих из одних восклицаний (55).

5. Известны цирковые, акробатические междометия, междометия физкультурников. А. Куприн в рассказе «Allez» приводит цирковое *allez* (фр. вперёд, марш), которое повторяется восемь раз как лейтмотив повествования.

6. К этой группе условно можно отнести и междометия, которыми успокаивают или убаюкивают детей: *агу* и *баю*.

Баю восходит к просторечному глаголу «баять» — говорить, калякать, развлекать. В старину баяли не только детям, но и боярам, князьям. Баянью придавали и магическое значение. «Баять» в языке старшего периода имело значение не только рассказывать (отсюда «баян, прибаутка, краснойбай, байка»), но и колдовать, волхвовать, очаровывать; «баяльник» или «обаянник» — заклинатель, ворожея, «обаяние» — волхование, чародейство (ср. синонимы: обаятельный и очаровательный), «обаять» — обворожить, обольстить (Срезневский, Мат. I, 46—47). Подобную синонимичку находим и в других славянских языках.

7. Слова-команды различных профессий *марш, стоп, шабаш, баста, пас, айда*, перешедшие в бытовой язык, несколько отграничиваются от междометий. Несмотря на иностранное происхождение, эти слова сохраняют остатки лексического значения, но причислять их к императиву нецелесообразно: лексическое значение этих слов всё же ослаблено, из грамматической системы глагола эти слова выпали.

Безусловным междометием этой группы является *фюить* (варианты: *фюйтть, фитть*, из франц. *fuite* — бегство), обозначающее приказ немедленно убежать, скрыться.

Фюить, как и *шабаш, баста*, употребляется и при эмоциональной констатации отсутствия или исчезновения чего-нибудь:

Эх, Анна Сергеевна, станемте говорить правду. Со мной кончено. Попал под колесо. И выходит, что нечего было думать о будущем. Старая штука смерть, а каждому внове. До сих пор не трушу ... а там придёт беспамятство, и фюить! (Он слабо махнул рукой) (Тургенев, Отцы и дети, XXVII).

В произведениях С.-Щедрина, повторяясь десятки раз, *фюить* выступает в роли доминирующего слова-символа (см. гл. VI).

8. Своеобразными словами являются *ну* и *на*. Они находятся на грани между глаголом и междометием и могут выступать в роли частиц. Вопрос истории и этимологии этих слов интересен, материал всех славянских и других индоевропейских языков в этом отношении обилён (56). В рамках данного очерка выделяем случаи, когда *ну* и *на* выступают в роли междометий.

Ну путём изменения интонации и жестов может выражать и волю и различные эмоции (отношения): ...*Сучок, будучи ниже всех нас ростом, захлёбывался и пускал пузыри. — «Ну, ну, ну!» грозно кричал на него Ермолай, — и Сучок карабкался...* (Тургенев, Льгов). *Домна Борисовна порывалась что-то сказать. Секретарь обкома кивнул ей: ну-ну!* (А. Кожевников, Живая вода).

Ну может выражать не столько побуждение, сколько горечь, укор, ненависть, злобу, угрозу: *К калитке, придерживая шашку, шёл Степан. Обгоняя друг друга, скакали к площади казаки. Аксинья скомкала в пальцах занавеску и села на лавку. По крыльцу шаги... Шаги в сенцах... Шаги у самой двери... Степан стал на пороге, исхудавший и чужой.*

— *Ну...*

Аксинья, вихляясь всем своим крупным, полным телом, пошла навстречу.

— *Бей!* — протяжно сказала она и стала боком.

Ну, Аксинья... (Шолохов, Т. Дон, кн. I, ч. I, гл. 14).

Как эмоциональное междометие *ну* выражает удивление, недовольство, иронию, восхищение: *Плясать первая мастерица, а ежели песню заведёт с переливами, ну...* Одним словом, *любота* (Бажов, Дорогое имячко).

— *Да разве вы сами в Тулу поедете?* — осведомился Ермолай.

— *Да сам.*

— *Ну!* — промолвил мой верный слуга и тряхнул головой. — *Н-н-ну!* — повторил он, сплюнул и вышел вон (Тургенев, Стучит!).

Переживания Ермолая, его острое недовольство, которое он выражает потряхиванием головы, плевком и междометием *ну*, станут более понятными, если учесть мотивы, побуждавшие писателя ехать в Тулу: «Я, наученный опытом, плохо надеялся на Ермолая; я послал его однажды в город за по-

С платья
с полуголого.
Эх,
к такому платью бы...
голове
(Маяковский, Красавицы).

9. Междометия воздействия на животных дают ценный материал для изучения самих названий животных. Однако серьёзного лингвистического изучения таких слов не производилось. Этому мешали некоторые ошибочные взгляды на них.

Даже акад. А. А. Шахматов считал, что данные междометия не слова, так как они имеют своим объектом животных, а язык — средство общения людей (11, ук. соч.).

Преувеличивается звукоподражательное происхождение данных междометий. Толковый словарь русского языка под ред. проф. Ушакова призыв голубя, например (*гуль-гуль*), считает звукоподражательным, тогда как большинство этимологов (Преображенский, Бернекер) связывает слово с цветом птицы (ср. лат. *columba*).

Вопреки этому, Г. В. Дагуров подобные слова относит к звательной форме, «образовавшейся путём усе-чения начальной формы существительных, то есть они восходят к полным названиям животных: *цып-цып* (от «цыплёнок»), *уть-уть* (от «утка») и т. д.» (ук. соч.).

В связи с этим следует указать на ошибочные представления зоологов, лингвистов, писателей относительно «животного языка».

Грубо переоценивая степень понимания языка собакой, акад. Н. Я. Марр в статье «Из Пиренейской Гурии» (Избр. работы, т. IV, стр. 5—6) писал: «пастух позвал собачку и дал ей поручение, излагая желание звуковой речью... собачка... побежала доложить ему об исполнении поручения» и др. Проф. С. Н. Боголюбовский, процитировав отрывок из этой работы Марра, заключает: «Из этого отрывка ясно, насколько собака в состоянии понять язык человека, с которым она сроднилась» (57).

Замечательный певец природы, большой мастер слова М. М. Пришвин в очерках «Календарь природы» писал: «Но бывает, собака не только слышит и понимает слова, но даже если охотник, вспомнив что-то, тяжело вздохнёт

на ходу, идущая рядом собака остановится и приглашает глазами поделиться с ней этой мыслью, вызвавшей вздох: вот до чего бывает очеловечена собака...»

Подобные взгляды не могли способствовать развитию верных представлений о сущности общения человека с животным и о словах клича и отгона животных. Поэтому представляется необходимым уточнить особенности данных междометий, отграничить их от слов с лексическим значением. Календарь охоты, изданный Московским обществом испытателей природы (М., 1950), рекомендует для собак только русские слова-команды: *нельзя, тише, возьми, сидеть, ко мне*. Эти слова не перестали быть словами из-за того, что они обращены к животным, не стали они и междометиями. Но для животных они сигналы для образования условных рефлексов. Животное может возвыситься только до понимания тона речи, но ему недоступно человеческое слово-понятие. Акад. И. П. Павлов, всю жизнь посвятивший изучению нервной деятельности собаки, показал, что животное лишено второй сигнальной системы. Процесс дрессировки хорошо объясняет сущность подобного «животного» языка. Всё сводится к привитию животным условных рефлексов на обычные слова речи. Человек не подделывается к голосу животных, как это утверждал ряд лингвистов и психологов, не подражает, а пользуется обычными словами, чаще всего названием животного, глаголом, иногда наречием. Наблюдения над речью людей, общающихся с животными, показывают, что они обращаются к животным на обычном языке. Гоголевский Селифан читает наставления своей тройке, чеховский Иона (рассказ «Тоска») повествует своей кобылке о постигшем его несчастье, Афанасий Иванович Товстогуб (Гоголь, Старосветские помещики) прогоняет гусей словами: *Киш! киш! пошли, гуси, с крыльца!* Подобно этому на Дону гусей призывают словом *гуси-гуси!*, телят отгоняют от коров словами *в закут!* (58).

В некоторых районах Ленинградской области овец призывают словом *овечки-овечки!*, как на юге словом *бараши-бараши!*

А. А. Потеня наблюдал, как при пахоте лошадей понукают налево восклицанием *ближе!* (севск.), *возле!* (тульск.), направо — *вылезь!* (см. ещё А. Прображеский, Этим. словарь, «Труды института русск. яз.», М.—Л., т. I, стр. 48).

Интересен факт образования слова-призыва страусов. В «Литературной газете» за 26 октября 1950 г. в очерке «Аскания-Нова» В. Захарченко писал: «В степях Аскания-Нова можно увидеть вольно пасущиеся стада бизонов, антилоп, оленей. В зоопарке можно встретить полосатых зебр и далёких предков овец — диких муфлонов. Удивительное зрелище представляют собой и группы огромных страусов, которые, совсем как домашние куры, сбегаются со всех сторон к кормушкам на пронзительный и, видимо, привычный здесь крик птичницы: «*Страу-у-сикки! Страу-у-сикки!*»

Г. В. Дагуров прав, когда он говорит о сближении с вокативом таких слов, как *кис-кис* (от «киска»), *чух-чух* (от «чушка»). Но таких слов, которые явно сохранили лексическое значение, сравнительно немного. Преобладают совсем утратившие прежнюю семантику призывы, у которых в корне произошли фонетические и морфологические изменения. Чтобы установить этимологию подобных обращений к животным, нужно исследовать «внутреннюю» и звуковую форму слова. Если междометие призыва связано с названием животного, то это название может быть найдено только в диалектах, и его уже нет в современном литературном языке. Вот почему так важно изучить многочисленные слова призыва и отгона животных, дающие богатый материал для истории названий животных, истории их приручения и распространения.

Продуктивную мысль высказал акад. В. В. Виноградов о «словарном взаимообмене». Некоторые слова основного фонда (термины ткацкого ремесла вроде: *кросно*, *бердо*, *кудель*; обозначение разных степеней родства, как *свесь* — сестра жены, *нетий* — племянник, *стрый*, *уй* и т. п.) «в процессе исторического развития языка отщепляются от основного словарного фонда, переходят в запас словарного состава и отмирают или сохраняются в областных народных говорах, в профессиональной лексике, в арго» (59). Такой была судьба слов *ярка* (овца), *куть* (собака), *кокош* (курица), *потка* (птица), *кур* (петух) и других слов-названий животных старшей поры языка. Именно такие слова и образовали междометия призыва в диалектах (*ярь*, *куть*, *кокиш*, *кур*).

Собака — первое домашнее животное (60). Археологические данные свидетельствуют, что собака была приручена уже в эпоху позднего палеолита. Начиная с раннего неолита, она постоянный спутник человека (61).

Многообразны охотничьи выкрики. В основе их, кроме русских, лежат слова, заимствованные русским дворянством в XVIII в. из французского и отчасти английского языков. Это — *аванс* (фр. *avance* — вперёд), *иси* (фр. *ici* — здесь), *куш* (фр. *couche* — ложись), *пиль* (фр. *pille* — хватай, грабь), *шерш* (фр. *cherche* — ищи), *арьер* (фр. *arrière* — назад), *аппорт* (фр. *apporte* — принеси), *тубо* (фр. *tout beau* — буквально — всё хорошо, будь на месте, смирно, не тронь), *даун* (англ. *down* — ложись). В наши дни эти иностранные слова уступают место русским. В общем курсе дрессировки служебных собак, выпущенном ДОСААФ в 1953 г., находим команды, состоящие в большинстве из русских слов: *рядом*, *сидеть*, *лежать*, *стоять*, *ко мне*, *место* (для возвращения собаки на место), *вперёд*, *гуляй*, *дай* (наряду с *аппорт*), *фу* (прекращение собакой нежелательных действий). Как видим, из десяти слов-команд имеем только одно междометие (*фу*) и французское *аппорт*, вытесняемое русским *дай*.

На русской почве образовалось междометие для натравливания собаки *усь* (общераспространённое, Даль, Сл., IV, 532). А. Л. Булаховский об этом восклицании писал: «междометие *усь*, которым натравливают собаку на кого-нибудь, не является отвлечённым из *наустить*, *наущать*, а произошло как аллегорическая форма из *кусь* (-*куси*). К нему образовано *науськивать*, и, таким образом, совпадение с книжным *наустить* случайно» (62).

Рядом с *усь* бытует *узы* (*взы*), образовавшееся в результате редукции из *возьми* (возможна и контаминация слов *усь*+*возьми*). Встречается и полная форма императива — *возьми: гуж возьми!* Иногда междометия сочетаются с обычными словами и фразами: «*Узы, узы, кусай его, щепи его*» (Н. Лесков, Соборяне).

Не менее распространено в диалектах восточнославянских языков слово натравливания собак (если их много) *гуж!* — взять гужом, дружно. Слово разошлось с существительным, с наречием, образованным от того же корня (енз, аз, жз; ср. *взять*, *узел*, *суживать* и др. Начальное г объяснено Вондраком — *Vergleichende slavische Grammatik*, I, 1906, стр. 120). В связи с исчезновением внутренней формы слова (интеръективация) в южнорусских и украинских говорах образовалось много вариантов междометия: *гужа*, *гуджа*, *гуджга*, *гиджга*, что отмечено словарем Б. Гринченко (63). Ещё больше вариантов собрал Ю. Ф. Ка-

с и м (64): *гудь, гуч, вуж, вужа, джий, джи, джуй, ижа, иджа* и др.

В. Н. Д о б р о в о л ь с к и й (65) приводит *чуй-чуй* — выкрик, которым поощряют гончих к исканию дичи.

Встречаются и такие переходные формы, что мы затрудняемся решить: междометие это или нет. Таким является, например, *отрыць* (от «рыскать») — отойди от лошади (при конной охоте), окрик на борзых, поймавших зверя, употребляется и при отгоне от корма (66).

Аля, аря, улю-лю, ату — несомненные междометия. *Ату* образовалось из усеченного наречия, усиленного начальным *а*: он (зверь) тут. Часто *ату* сочетается с *туга* (Собственные наблюдения в Могилёвской области БССР, литературные источники указывают на южные и западные говоры). Здесь наречное *ту* усилено постпозитивным *га* (г щелевое). Кто наблюдал такие возбуждающие крики охотников, сопровождаемые резкими указательными жестами, может поверить данной этимологии. Надо принять во внимание и то, что синонимичное «здесь» неудобно для выкрика. Сочетание разных выкриков при охоте на крупного зверя — характерное явление. Н. А. Некрасов ярко изображает эти экспрессивные крики:

Пора! Ну, ну! не выдай, конь!
Не выдайте, собаченьки!
Эй, *улю-лю!* родимые!
Эй — *улю-лю!.. а-ту!..*

(«Кому на Руси жить хорошо», ч. I, гл. 5).

Уже от междометий появились и глагольные образования *атукать, атукнуть, улюлюкать*.

Междометием следует считать и неясное *дбруц*, которым разрешается гончей при дрессировке («наганивании») съест зайца (66, С а б а н е в, стр. 147).

Север знает ряд своих слов, употребляющихся при обращении с собаками. Тут распространён окрик на собак *цима, сыма* — прочь, не тронь (Д а л ь, Сл. IV, 384, 592). Это же *сыма* или *сым* в некоторых районах Архангельской и Ленинградской областей употребляется для призыва собаки.

На Камчатке бытует *кей-кей* — окрик на упряжных собак, слово призыва и понукания (Д а л ь, II, стр. 105), а также *ках-ках*, которое употребляется при требовании

к упряжным собакам повернуть направо (Д а л ь, Сл. II, 99).

Самым употребительным в диалектах и бытовом языке словом призыва собак является **куть** с его многочисленными вариантами: *куть-куть-куть*, *кутю-кутю*, *кутют-кутют*, *тють-тють*, *тю-тю-тю*, *цу-цу-цу* и др. Это междометие стоит в несомненной связи с распространённым в диалектах и славянских языках названием собаки, щенка и некоторых других животных. В. И. Д а л ь (Сл., II, 230) приводит восточные *кутенок*, *кутя*, *кутька*, вятское *кутют* — собака-дворняжка. То же слово находим в «Этимологическом словаре» П р е о б р а ж е н с к о г о, который без основания, по традиции, считает это слово звукоподражательным. Тот же взгляд поддерживает и О. Н. Т р у б а ч ё в (60, ук. соч., 25).

В. Г. Б о г о р а з (67) записал *кутика* — крик, которым унимают собак, когда они не находятся на привязи и лезут к пище или в избу.

Словарь С о л о в ь ё в а (58, стр. 37, 50) даёт *кутенок*, *кутик* — собачонка, щенок и слово *цуцик* со значением «маленький щенок». Этого же корня и широко распространённые в западных и южнорусских говорах, в украинском и белорусском языках *тютька*, *тютя* или *цуц*, *цуцик*, *цуценя* (щенок), отсюда и междометие призыва *цу-цу-цу* (68).

Русскому языку известно и собственное имя собаки *Кутька*. В рассказе «Агафья» А. П. Чехова читаем: «..собачонка Савки — *Кутька*». У Гладковых была собака *Кутька* (Ф. Гладков, Повесть о детстве, гл. XXII и др.).

Широкое распространение имеет это слово в южных и западных славянских языках: в болгарском языке употребительны: *куче* — собака, *пёс*, *кучка* — сука, собака, *кученце* — собачонка, щенок, прилаг. *кучешки* — собачий (69); в сербском: *куца*, *кучка* — сука, *куцѐв* — собака, *пёс*, *кучак* — собака, *куче* — щенок, *цуко* — ласк. собака, *цуцак* — фам. собака, *цуки* — междометие отгона собаки (70); в словенском: *kut'o*, *kut'oh*, *kut'oznik* — собака (71); в польском: *kucik*, *kuc* — низкорослая лошадка, пони, *kucziuk* — сука и слово призыва *kuciu-kuciu*, *kuc!* (72).

Данный корень слова в различных значениях и оттенках находим в итальянском, румынском, французском, испанском, в албанском, литовском, в диалектном немецком и греческом языках (Т а м ж е).

Как в русском, так и в других славянских языках, в связи с названием стоят и глаголы, выражающие действие собаки: *выть*, *визжать*, *скулить*. Даль приводит *скучить*, *скучать*: Щенок взаперти *скучит*. Собаки *скучат* перед окнами, не к добру (т. IV, 218). В рязанских говорах *скучить* означает визжать. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова приводит просторечное *скучить*... о собаке: *выть* (IV, 246). В чешском и словацком языках *skuceti* — *выть*, *визжать* (73).

Важно показать не только широкий круг слов, связанных с междометием *куть*. Не менее важно проследить, как слово, связанное с названием собаки, превратилось в слово призыва (а иногда и отгона) не только собаки, но и других (некрупных) животных, птиц. Уже этимологический словарь Преображенского (т. I, 421) приводит *куть-куть* как слово призыва цыплят, индюшат в Сибири (там же цыплёнка называют *кутя*, *кутька*).

Богатый в этом отношении материал дают южнорусские и особенно украинские говоры. Неисчерпаемый материал по этому вопросу находим у Ю. Ф. Касима. Вот некоторые факты.

В Беляинском районе Одесской области словом *кутю-кутю* призывают собак. Этот же вариант слова в Корнинском районе Житомирской области служит для призыва поросят. Бердичевскому району той же области для призыва поросят известен вариант *куцинька-куць-куць*. Словом *куть* в Любашевском и Фрунзенском районах Одесской области отгоняют бычков. В Троицком районе Одесской области словом *куть-куть* призывают индюков. Очень распространён для призыва свиней и поросят вариант *куцю-куцю* (Одесская, Винницкая, Житомирская, Измаильская, Каменец-Подольская, Киевская, Кировоградская области). В ряде районов тех же областей словом *кучу-кучу* отгоняют овец, ягнят, свиней. Словом *а-куть* в Балтском и Кодымском районах Одесской области отгоняют телят.

Слова, обращаемые к собаке, многочисленны и разнообразны. Это обусловлено многообразием службы, которую выполняет собака. Собаки сторожевые, охотничьи, дворовые, домашние, собаки-ищейки, пастухи, санитары, ездовые и т. п. по соответствующей команде выполняют самые разнообразные, необходимые для человека действия. С точки зрения человеческого восприятия — это или специализировавшиеся только для животных сигналы как свист, или

междометия *ату, куш, фу, куть* и др., или, чаще, обычные слова.

Очень распространено слово *на* с соответствующим жестом. Иногда мы наблюдаем это слово с дополнением — *на хлеба*, ещё чаще с обращением — *на, Тузик, на, Трезор*, и т. п. (Краснинский и Монастырщинский районы Смоленской области). Иногда (например, на Севере) *на* произносится с придыханием — *нах*.

Этим же *на* в разных его вариантах (*ня-ня, няг-няг, нях-нях*) в ряде диалектов русского, белорусского, украинского языков призывают лошадей, коров, телят (Д а л ь; К а с и м, см. 64, ук. соч.)*.

В дальнейших наших очерках делается попытка показать природу слов, обращаемых: а) к мелким домашним животным, б) к крупным животным, в) к птицам.

Больше всего слов клича и отгона направляется к овце. Нам известно в разных говорах русского языка двадцать восемь слов для призыва овцы и двенадцать для её отгона. Часто в одном и том же районе одновременно бытует три-четыре слова. Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы (изд. АН СССР, М., 1957, карта № 223) приводит двадцать шесть слов призыва овцы, не считая многочисленных вариантов. Эти варианты, которые нельзя передавать графически, являются закономерными для подобных сигнализаций животному: они в основном только звуковые раздражители, потерявшие внутреннюю форму слова. Важен тон, тембр выкрика, а не внутренняя форма. Некоторые из этих слов призыва овцы обращаются к собаке (*кутяшк*) и служат для призыва лошадей (*кось-кось*), кошек (*кыть-кыть*), отгона свиней (*выть*), птиц (*кыш, кыш*).

Самым распространенным комплексом в диалектах славянских языков для призыва овцы и некоторых других животных является *бар-бор-бер-бир-бр***). Известны многочисленные (до 70) варианты, обычно повторяющиеся, как все слова призыва. Вот, например, варианты говоров украинского языка, собранные в словаре Ю. Ф. К а с и м а:

* Сходное явление мы наблюдали в языках Дагестана: в аварском *ма* (на), в кумыкском *мах* (на) и т. п.

** См. указанную работу О. Н. Т р у б а ч ё в а «Происхождение названий домашних животных в славянских языках» (стр. 75). В ней также отмечается многофункциональность слов, с которыми обращаются к животным, обилие вариантов, выходящих иногда за рамки фонетических законов, факты заимствования из языков других систем.

бар-бар, бир-бир, бер-бер, быра-быра, быри-быри, бириньки-бириньки, бырка-бырка, бырка-бырка-брр, быронька-быр-быр, бырочка-быр-быр, бырца-бырца, бырю-бырю, быря-быря, бырь-бырь, бр-бр, бра-бра (призыв ягнят в Прилуцком районе Черниговской области), *брашка-брашка* (призыв ягнят в Ичнянском районе той же области), *бреш-бреш* (призыв ягнят в Хорольском районе Полтавской области), *бры-бры* (клич овец в Пищанском районе Одесской области), *брышки-брышки* (Беляевский и Первомайский районы в Одесской области), *брысь-брысь, брыц-брыц, брыш-брыш, брышка-брышка, бруш-бруш, брца-брца, бря-бря, брь-брь, бур-бур*. Некоторые из этих вариантов встречаются в западнорусских и южнорусских говорах. Д а л ь записал *бар-бар, быр-быр* как призывной клич овец. Т. С. Ж б а н к о в а в рязанских говорах наблюдала *барь-барь-барь* (73).

В древнерусском языке *боровъ* и *бравъ* — скотина породы 1) овец и коз (pecus, oves), 2) кабан и баран холощенный (vervex). Акад. С р е з н е в с к и й сравнивает это слово с хорватским *brav*, с сербчешским, приводит древнегреческое *προβατον*. (Mat., т. I, стр. 152, 163).

В современном болгарском языке *барак* — пудель. Народное *брави* — головы скота: Той има 50 *брави* добытък — у него 50 голов скота [С. Ч у к а л о в (см. 69), стр. 40]. В чешском языке *brav* — мелкий скот (См. 73, чешско-русский словарь, стр. 37). В сербском языке, наряду с *бравче* — овца, имеем *бравац* — боров, кабан, соответствующее русскому того же корня *боров* — кастрированный для откорма кабан. А слово *брав* означает овца, боров и мелкий скот (*брав* добыток, *брав* овчий, козьи *брав*), *бара* — прозвище, кличка козы, *барак* — род долгошерстных собак, прилагательное *бараст* — имеющий белую и чёрную шею (овца) (М и ч а т е к, ук. сл., стр. 13, 29, 30). В словацком языке *braska* — тощая овца или корова, *brav* — боров, *bravnik* — 1) седоголовый дрозд, 2) свиной хлев (М и ч а т е к, ук. сл., стр. 11).

В русских диалектах, кроме овцы, барана, борова, данным корнем обозначаются: *боровчак* (восточносиб., вятское) — годовалый телёнок, выросток, бычок или яловка, *боровчаніха* — восточносиб., корова, которая доит с присосом, из-под телёнка, подпускная, *баранок* — бирюк, медведка; *барашек, баранчик* — болотная птица из сем. куликов, бекас (Д а л ь, Сл., I, стр. 117, 47).

От областного названия овцы *бырка*, *бирка* (курско-воронежское *борька*) произведено распространённое в говорах *бырчатый* тулуп, *бырка* или *бирька* также шкурка с овцы, смушка, мерлушка. Даль считает, что данные существительные и прилагательное произошли от призывного клича овец *бырь-бырь* (Даль, Сл., т. I, стр. 152).

Некоторый материал соответствий к слову *баран* в индоевропейских языках даётся в этимологических словарях (Бернекер, стр. 43, 44; Преображенский, т. I, стр. 16), хотя о достоверности этимологий говорить трудно. А. Л. Погонин гнездо слов, в которое он включает и слово *берлога*, возводит к индоевропейскому корню * *ber* (74). Преображенский (со ссылками на другие этимологические словари) приводит сопоставление с тюркским *бара*, *баран*, каз. *бярян*, морд. *боран*, курд. *bağan* баран-вожак, новоперсидск. *bağān* баран и др. Но пока не изучены материальные связи, не выяснены пути заимствования слов и путь распространения животного, о заимствованиях и точных соответствиях судить нельзя. Несомненно только, что данное междометие связано с широким языковым пластом — названием животных старшей поры языка.

Для наших целей необходимо показать, как происходит процесс интеръективации названия овцы, барана и др. животных, поскольку выветривание лексического значения ослабляет фонемы, разрушает фонетические соответствия в данных словах, обращенных к животному. Обилие вариантов призыва и обусловлено тем, что при интеръективации теряется семантическая опора для междометий (75).

Однако наблюдается и обратный процесс: уже оформившееся междометие принимает ласкательный суффикс (*бириньки-бир-бир* и др.), флексию именительного падежа мн. ч. или звательного падежа ед. ч. (*бири-бири*, *бришки-бришки* и др., *базю-базю*, *бирю-бирю* и др.). Эти образования как бы становятся между существительными и междометиями, тем самым намечаются признаки номинации. Приведя такие формы, как *базю-базю* или *бицю-бицю* (призыв бычка), *вацю-вацю* (призыв свиней, поросят), *вутью-вутью* (призыв уток), *гулю-гулю* (призыв голубей), Ю. Ф. Касим (64, стр. 230) заключает: «в усіх вигуках, якими підкликають птахів та тварин, афікс у має зв'язок с флексією кличної форми іменників».

Не вызывает сомнений с точки зрения связи с знамена-

тельными частями речи и призыв ягнят, а иногда и овец, поросят *коть* с многочисленными вариантами: *кыть* (рязанск., смол., орловск. Д а л ь, Сл. II, 234; Ж б а н к о в а, см. 73), *кить* (кировск.), *кеть*, *кич*, *кым* (Карелия) и др. (См. ещё указ. атлас, стр. 1051).

Это междометие связано со словом *котька* (рязанское, где бывает и призыв *коть*. См. Ж б а н к о в а, там же) — ягнёнок (Д а л ь, Сл. II, стр. 182) и широко распространённым глаголом *котиться*, *котить* — рождать, который употребляется в разных славянских языках и диалектах, когда говорят о собаках, овцах, козах, кошках. В диалектах Севера *кычко*, *кычка*, *кицько* — собака (76). В этих же говорах от данного названия образован глагол *кыкать* — щёлкать, ляскать зубами (о собаках, когда они сердятся и собираются укусить. — Т а м ж е). В сербском языке *кѡтити*, *кѡтим* — котиться, рождаться (о кошках, собаках), *кѡт* — выводок (птиц), племя, поколение, загон для овец, коз, хлев для свиней, морской кот, морж. *Кѡт* — слово, которым подгоняют гусей (М и ч а т е к, стр. 239, 240). В болгарском языке *кѡтя се* — котиться (о кошках, мышах, зайцах и др.), *кѡч* — баран (некастрированный). Ч у к а л о в, стр. 339). Естественно, что в разных языках и диалектах данное междометие употребляется по отношению к разным животным — к поросётам, козлятам и т. д. (См. 72, Бернекер, 389, 390; П р е о б р а ж е н с к и й, т. I, 371).

Говоры русского языка имеют еще следующие слова призыва овцы: *ечк-ечк*, *ечи-ечи*, *ецы-ецы* (ленинградск., вологодск., Карелия), *вечь-вечь*, *вец-вец*, *вяч-вяч*, *выч-выч* (рязанск. См. Ж б а н к о в а, ук. соч., стр. 416), *мась-мась* (вятск.), *либа-либа* (Д а л ь, т. II., стр. 255), *ря-ря* (калининск., южн.), *чекуш-чекуш* или *кекуш-кекуш*, *чига-чига* (арх., ленинградск., вологодск.), *выч-выч* (моск., курск., орловск.), *туло-туло* и др.

Чига (*цыги*, *цыли*) связывается с вологодским названием овцы *чигара* (Д а л ь, Сл. IV, стр. 621), *мись-мись* связано с диалектным названием овцы *мися*, *миська* (влад., Д а л ь, Сл. II, стр. 336), *ечк* — редуцированное «овечка».

Словами отгона являются те же слова, которыми призывают овцу. Так, в южнорусских говорах и в украинском языке слово призыва *бер*, *бир* является и словом отгона, обычно с приставочным а — *абир*. При слове призыва ягнят *базь* словом отгона является *абазь*. Как видим,

приставочным *a* привносится новое значение. Подобно этому встречаем слова отгона кошек *адзусь*, *акота*, слово отгона индеек *акур* при слове призыва *кур* (См. обильный материал из украинского языка в названной диссертации Ю. Ф. К а с и м а, стр. 225 и сл.).

Широко распространённым словом отгона овец (южн., зап., среднерусск., укр., белорусск.) является слово *шкыр* с рядом вариантов (*шкирь*, *ашкирь*, *акыр*). В рязанских говорах записано *шкыр*, *шкре*, *кыря* (Ж б а н к о в а, ук. соч., стр. 416).

Тем же языкам и говорам известно существительное (преимущественно детское) *шкырка*, *шкырочка* — овца (*шкырок* или *шкырочек* погнали в поле, Н о с о в и ч, см. 68, стр. 712). Словарь даёт и *шкыр* — междометие, употребляемое для отгона овец. В украинских говорах *штиря* — бесплодная овца (Г р и н ч е н к о, Сл., т. IV, стр. 514). В западнорусских и белорусских говорах *шкыркою* называют и шкуру, шерсть, косматое место, меховой воротник («схватить за *шкырку*». Д о б р о в о л ь с к и й, см. 65, сл., 1003). В этих же говорах встречается и глагол *шкырать* — гонять стадо, овец, переносно — журить, муштровать кого-нибудь (Д о б р о в о л ь с к и й, там же; Н о с о в и ч, Сл., стр. 712).

Связь слова *шкура*, украинского *шкіра*, *шкірка* с диалектным названием овцы и, следовательно, со словом её отгона, основана на такой же закономерности, что и синонимичное слову *шкура* слово *кожа* (козья), связанное со словом *коза* (П р е о б р а ж е н с к и й, т. I, стр. 329).

Коз призывают в ряде мест так же, как и овец (*коть*, *кать*, *бир*, *кеч*). Южнорусским говорам известно и *тпру* как слово призыва коз (цапов), овец (например, Я. Г. К у х а р е н к о, Чабанський словарь, Киев, 1880, стр. 120).

Есть и самостоятельные слова призыва и отгона козы вроде южного *цыба*, которое является и названием козы (Д а л ь, Сл., IV, стр. 592) или наиболее распространённое *кызь*, *кизь* (рязанское, тульское, смоленское, южное, украинское, белорусское), не потерявшее лексического значения. В «Тихом Доне» Шолохова находим: — *Намочил, проклятый... кызь!* — и с наслаждением дал щелчка в лоб козлёнку (кн. III, ч. VI, гл. 38. Слова ординарца Григория Мелехова) *.

* См. О. Н. Т р у б а ч ё в, ук. соч., 60, стр. 86—90.

Любопытно с точки зрения исторической лексикологии и истории культуры, что в мордовском языке козу призывают видоизменённым русским словом *казя*, тогда как коза по-мордовски *сява*, что одновременно обозначает и деньги (ср. древнерусское *куна* или латинское *ресус*, *ресупиа* — скот, деньги).

Многообразны слова призыва свиньи (См. Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы, М., 1957, карта № 224, стр. 1053). Иногда их подзывают так же, как овец или коз (*варь-борь*, *вась*, *махмах*, *куч*, *куц*, *куть*). Иногда это слова-названия свиньи в диалектах: *кабась* (западнорусское), *порсь* (*пороз* — некастрированный кабан, бык), *рытик* — поросёнок или животное, роющееся в земле. У Даля свинья — *рыушка*, новгородское, череповецкое.

Наиболее распространённым словом призыва свиньи является *чух* со многими вариантами: *чуш*, *чуф*, *чох*, *чхе*, *чку*, *джу*, *чу* и др. Ближайшим образом слово связано с областными названиями свиньи *чушка*, *чухна* (вор., ульяновск.), *чуханушка* (горьк.), *чухренок* (поросёнок, калининское). В литовском языке свинья — *сиука*, *сиуке*, кабан — *сиукас* (О. Т р у б а ч ё в, ук. соч., 68). Данное существительное встречаем в пословицах и поговорках: *Поневоле чушка в землю глядит. Закорми чушку — попеняет на пролежни* и др. (Д а л ь, Сл. IV, 635).

Слово *чуш*, *чушк*, *чу*, *цу* служит и для отгона свиньи, соединяясь часто в западнорусских говорах и в белорусском языке со словом *юс*: *юс цу*. Иногда *юс* сочетается с другими, обычно обстоятельными словами: «*юс у поля!*», «*юс у пуню!*», «*юс вон!*» (Собственные наблюдения над смоленскими говорами).

Как уже сказано, приручение и распространение животных обусловило и переход их названий от одного народа к другому. Районами приручения свиньи считаются: среднеазиатский, средиземноморский, североевропейский, восточноазиатский. На территории СССР мы встречаем и такие слова призыва или отгона свиньи, очень рано прирученного животного, как *юс* и *чушк*, корень, известный многим тюркским и финно-угорским языкам.

Рюх, *рох* (вологодское, западн., южное), дающее при повторении *хрю* (совпадающее с хрюканием), слово призыва свиньи, связанное с её областным названием (Д а л ь, Сл., IV, 125).

Упомянем ещё слова призыва свиньи, встречающиеся в разных районах Ленинградской области: *дюха-дюха*, *дюшка*, *зюрка*, *зютка*, *дюх-дюх*, *зю-зю* (ср. сербск. дѣвѣак — дикий кабан, польск. dzik — дикая свинья, кабан), *окся-окся*, *маха-маха* или по кличкам — *Борька*, *Фенька*, *Машка*.

Слова отгона свиньи также разнообразны. Известны: *гысь*, *гусь* (орловск., калининск.), *узе*, *алё*, *лё* (орловск., курск., восточн.), *хоз*, *хось* (каз.), *выть* (смол., белорусск.), *зю*, *ца* (рязанск., южн., донск.) (77).

Хоз — название свиньи в некоторых языках (арм., семитск.). От названия животного и старорусское *хъзь* — кожа, шкура: «Сапози зеленого *хъза*, шити золотом» (Ипатск. лет., 6760). В диалектах русского языка *хоз* — выделанная козловая кожа, сафьян, козёл (Д а л ь, Сл., IV, 574). В архангельских говорах *хозать* означает разведывать морского зверя. В белорусском языке *хоз* — плотнейшая сторона кожи: «Самый *хоз* шкуры отрезав». «Бери сукна с *хозу*» (Н о с о в и ч, Сл., 681). В украинских диалектах *хоз* — род сафьяна (Г р и н ч е н к о, Сл., IV, 408).

Выть также имело большое количество значений. В древнерусском *выть* означало участок земли, реки, озера, поземельную меру, несколько дворов (С р е з н е в с к и й, Мат., I, 455—456; К о ч и н, Материалы для терминологического словаря древней России, изд. АН СССР, М — Л., 1937, стр. 62). *Выть* обозначает и отрезок рабочего времени от еды до еды, час еды, пищу или желание есть, аппетит. У Д а л ь (Сл. I, 330) и К у л и к о в с к о г о (Сл., 26—27) читаем: «По зимам *выти* коротки», «Хоть звать *не зови*, только *вытью* корми», «Каков у *выти*, таков и у дела». *Вытний* стол — *сытний*, где много *выти*. *Выть* на Колыме — кормёжка, преимущественно собак, корм для упряжки собак: «В город ездил, с собой возил шесть *вытей*» (В. Г. Б о г о р а з, Областной словарь колымского русского наречия, стр. 36). В этот круг значений входит и название животного. Не случайно словом *выч* призывают овцу.

Слово призыва кошки *кис*, *кит*, *киц*, *коть*, *куть* объяснения не требует. Слишком очевидна его связь с названием животного в индоевропейских языках.

Для отгона кота, кошки служит *брысь*:

Гляжу — под лавкой дремлет кот,
И на него я брызнул склянкой —

Как фыркнул он! я: *брысь!*.. И вот
И он туда же за лоханкой
(Пушкин, Гусар).

В некоторых говорах слово *брысь* служит и для отгона собак, овец, жеребят. В романе Тургенева «Отцы и дети» читаем: (Старуха) «заметив, что Фифи сделала два нерешительных шага в её направлении, воскликнула: **«брысь, брысь!»** В «Тихом Доне» Шолохова словом *брысь* казак отгоняет жеребёнка (кн. I).

В украинских говорах *Брысь*, *Брысько* — собственное имя собаки (Г р и н ч е н к о, Сл. I, стр. 100). В русских говорах *брыська* — кличка кошки (Д а л ь, Сл., I, 135).

П р е о б р а ж е н с к и й (т. I, 48) без доказательств считает слово звукоподражательным. Может быть, слово стоит в связи с древнерусским и старославянским *бръснути* — скрести, брить (С р е з н е в с к и й, Мат., I, стр. 183—184; Б е р н е к е р, Сл., I, стр. 90).

Западнорусским и белорусским говорам известно для отгона кошки *псик*, стоящее в связи с древнерусским *пъсѣ*, сербск. *пас*, чешск. *pes*, польск. *pies*). Д а л ь (Сл., III, 106) об этом слове писал, что оно, «как родовое название... заключает в себе виды: волк, лиса, собака и пр.» (ср. пещец, древнерусск. *пъсьць*). В чешском языке *psik* — собачка, в польском *psiak* — собачка, *psica* — сука; междометие *psik!* означает *тс! цыц!*

В. Ф. М и л л е р (78) доказывал, что славянское *пѣс* стоит в связи с санскритским, зендским *paçi* — скот, латинским *pecus*, готским *faihu*, англосаксонским *feah*, древневерхненемецким, новонемецким *Vieh* — скот. В этом наш учёный видел лингвистическое подтверждение той мысли, что собака была первым домашним животным. Эту этимологию подтверждали и позднейшие учёные (П р е о б р а ж е н с к и й, Сл., т. II, 51—52; Т р у б а ч ё в, ук. соч., 19—20).

Археологические исследования говорят о значительном распространении крупного скота на территории СССР уже в раннюю эпоху металла. В раскопанном В. А. Г о р о д ц о в ы м поселении на берегу Чернецкого озера на Харьковщине найдены кости коровы (57%), мелкого рогатого скота (17%), свиньи (14%), лошади (12%). Древнейшие следы скотоводства в Сибири относятся ко времени, переходному от камня к металлу. В могильниках эпохи ранней

бронзы так называемой Афанасьевской культуры, расположенных по берегам Енисея и его притоков, уже встречаются кости главнейших домашних животных: быка, овцы и лошади.

Слова обращения к этим животным — порождения различных эпох. Это или новые образования (*вса*), или неясные по происхождению корни, возникшие в связи с развитием скотоводства (*тпру*), или слова эпохи образования раннего славянства, известные всем славянским языкам (*тель*).

Ясны по образованию такие призывы, как сохранившее лексическое значение *кось*, *копяш* (тульск., рязанск., западнорусское), *вса* (из овса), бытующее в Ленинградской, Калининской, Смоленской областях, в белорусских говорах.

Наряду с этими словами, мы имеем и трудно поддающиеся объяснению *но* и *тпру*.

Слово подгона *но*, *ну* широко распространено не только в русском, но и в других славянских языках. От них оно перешло и в другие языки Советского Союза. В русском, украинском, белорусском, татарском, кумыкском оно употребляется для подгона лошади, в мордовском для призыва, в якутском (*ноой*) для остановки. Вариантом *но* является *нэ*, которым в некоторых восточнославянских говорах подгоняют не только лошадей, но и коров.

Это же *нэ* служит для призыва лошадей в Иршавском районе и в Перечинском, Ужгородском, Хустынском округах Закарпатской области. В Хустынском округе Закарпатской области словом *нэ* призывают и коров (Ю. Ф. Касим, ук. соч.).

Древнерусскому языку известно *нукнути*, *нукну* — крикнуть (понукая): «Татарове переѣхаша на сю сторону и удариша въ кони своя и скочиша в борзѣ и нукнуша гласы своими» (Новгородская IV летопись 6887 г. Ср. лит. *nūkstū*, *nūkti* — кричать, шуметь — Срезн., Мат., II, 476). *Нута* — рогатый скот: «Быша ми нута и осли и овца («Бытие», XXXII. Там же, «Раздѣли... нута и овца въ в два полка». Срезневский, Мат., II, 476—477).

Поощряют лошадь к бегу также своеобразными звуками, производимыми всасыванием воздуха (инспирацией) через сжатые губы с перерывом вроде причмокивания губами. Иногда это причмокивание чередуется резким пощёлкиванием, производимым языком, упирающимся в среднее нёбо.

При водопое поощряют лошадь к питью тихим протяжным, иногда переливающимся свистом. Подобные звуки известны многим языкам Советского Союза.

В славянских, тюркских, финно-угорских, кавказских языках распространено междометие, которое на письме в русском языке условно передаётся через *тпру*, *пррр..*, *тррр* или *тпррр*. У Чехова, например: «**Тпррр!** — сдерживал кучер лошадей... **Тпррр** — Балужисья!» (Именины); у Шолохова: — «Балуй, дьявол!.. **Т-р-р!** **Т-р-р** проклятый!.. (Тихий Дон, кн. II, ч. IV, гл. 16). «Чего вы? — испуганно крикнул из-за сосен Кошевой и — по лошадям: — **Тррр**, проклятый! Взбесился! Тю, чёрт!» (Там же, кн. I, ч. III, гл. 12).

Это, конечно, весьма условное обозначение. Недаром дореволюционный крестьянин сражал иногда какого-либо заносчивого грамотея просьбой написать *тпру*. Фонетически *тпру* представляет аффрикату, основной частью которой является раскатистый губной вибрант, начинающийся взрывом. В настоящее время междометием *тпру* чаще всего останавливают лошадь, призывают её к спокойствию. В таком значении это слово известно не только русскому языку, но и языкам других славянских народов, многим языкам Советского Союза.

Корень этого же слова общий и для междометий широко распространённого призыва лошадей. Так, в различных говорах встречаем: *тпро-тпро*, *тпронюшка*, *тпрок*, *тпрох*, *тпрёк*, *тпрсё-тпрсё*, *тпроля*, *тпруси* и т. п. (Васнецов, Куликовский, Халанский, Доровольский, Даль).

Слово употребляется и как ласкательное название лошади или жеребёнка. Даль (Сл. IV, 435) приводит вятское название лошади и жеребёнка *тпрусоня* и коровы *тпруконя*. В западнорусских и восточнобелорусских говорах распространено слово *тпроля* — ласковое обращение к жеребёнку или название жеребёнка.

Со словом *тпру*, осложнённым ласкательными суффиксами, часто обращаются к рогатому скоту. Со словами *тпрусюнь*, *тпрусень*, *тпрусотка*, *тпрусенька*, *тпрукоша*, *тпрусечка*, *тпросенька*, *тпросечка* обращаются к корове. *Тпруко*, *тпрукой*, *тпрукош*, *тпрушеньки*, *тпруськи*, *тпружи*, *тпрузи* и др. служат для призыва коров и телят (Васнецов, Куликовский, Халанский, собственные наблюдения). *Тпрутень*, *тпрутька*, *тпручи* или

просто *тпру* служат при выгоне рогатого скота в поле (ленинградск., вятск., московск., смоленск., белорусск.).

Иногда словом этого корня призывают овец. В «Повести о детстве» Гладкова (гл. XIX) читаем: «Когда дыра стала широкой, он (Кузярь) поманил овец, протягивая им кусок хлеба:

— Бараша, бараша! *Тпруся, тпруся!*..

От данного корня в диалектах встречаются существительные, глаголы, образованные по связям со скотом. Широко распространено детское *тпрутя* — молоко. Д а л ь отметил его для Новгородской губернии. Ч е р н ы ш ё в в Московской обл. записал колыбельную песню, в которой встречается *тпрутя* — молоко: «Кашкай кармить, *тпрутей* паить». О произнесении *тпрутей* сказано, что «здесь слышится губное р» (79).

В Смоленской области и в Восточной Белоруссии часто приходилось слышать приглашение ребёнка на прогулку или во двор, где находится скот, или для поездки на лошади: идём *тпрутьки, тпрутечки* хочешь?

Д. К. З е л е н и н приводит вятское *тпрути* — молоко, *тпруши* — гулять, *тпруська* — лошадка, *тпру* — стой, *тпруда* — слово отгона лошади, *тпруча, тпруга* — слово отгона коровы. Все данные образования автор почему-то считает звукоподражательными (80).

Материалы украинского языка также подтверждают многофункциональность этого древнейшего корня. Им повсеместно побуждают остановиться не только лошадь, но и волов, в ряде мест отгоняют коров, овец, призывают овец (См. Ю. Ф. К а с и м, ук. соч.).

Разной в применении слова то к лошади, то к рогатому скоту для призыва, отгона или остановки дают и другие языки. *Тпру* переходило от одного языка к другому так же, как и животные, прирученные одним народом, переходили к другому. Словом *тпрук*, например, чувашаи призывают к спокойствию во время дойки корову, *тпруся* служит у них для призыва и для отгона рогатого скота. В мордовском языке *тпругань-тпругань* или *тпруча-тпруча* — слова и отгона коров и телят, а слово *тпрува* служит для призыва лошадей. В кумыкском языке словом остановки лошади является *тпруру*, а словом призыва — *тпрушов*.

Если выделить изменяющиеся части интересующего нас слова, то останется коренное, условно изображаемое как

тпру. Употребление его в настоящее время при обращении к лошади, корове, овце, различные функции слова (остановка, подгон, призыв, название, производные образования) позволяют думать, что это многозначное слово и в старшую пору языка служило для обращения к животным, может быть, служило его названием. Суффиксальная дифференциация, как и дифференциация значений, — дело более поздних эпох.

Для обращения к лошади или чаще к жеребёнку в среднерусских и западнорусских говорах употребляется *шень*, иногда *шинь* — междометие, связанное с названием лошади, жеребёнка. В Смоленской области и в Восточной Белоруссии нам приходилось слышать от детей ласковое обращение к жеребёнку или нежное название его: *шеня*, *шеничка*. Даль (Сл., IV, 647) приводит *шеня*, *шенька*, *шенюшка* с объяснением *птруська*, *прусьнок*, *коська*. Слово кое-где употребляется не только для обращения к лошади, но и к другим животным. А. И. Сахаров (81) пишет: «*Шинь*, междометие — прочь, иди, отойди. Употребляется при понуждении животных (См. ещё О. Трубачёв, ук. соч., 60).

Для призыва коровы в разных местах встречается общеславянское *тель*, не потерявшее ещё лексического значения.

То же можно сказать о слове призыва *бинь*, *бынь*, *бысь*, *быня*. Б. Гринченко («Словарь украинского языка») приводит в украинской транскрипции *бинь-бинь* (междометие призыва коров), *биня* (детское название быка, коровы), *биць-биць* или *бицю-бицю* (междометие для призыва телят), *биця* (детское — корова, телёнок и вообще рогатый скот), чему в русском языке соответствует *бынь-бынь*, *быня*, *быць-быць*, *быцю-быцю*, *быця*.

Любопытное образование в украинских и южнорусских говорах выкрика *луч*, которым отлучают телёнка от коровы (корень от глагола *отлучать*). В некоторых районах Винницкой, Одесской, Черниговской, Киевской областей известны варианты: *лучи*, *лучки*, *лушки*, *люшки*, *а-луч*, *а-луча*, *а-лучки*, *а луч-луч*, служащие для отгона телят, коров, овец (Ю. Ф. Касим, ук. соч.).

Для отгона рогатого скота кое-где на севере встречается *сыга*, *сыго* (варианты Ленинградской и Вологодской областей *сы*, *сыно*), *цыре*.

Сыга — междометие от существительного, широко распространённого в языках тюркских, в которых находим слова для названия сыка, коровы, вола — *сыгыр, сыхыр, сыйыр* и др. (чагат., узбекск., башк. и др.). *Цыре* также находит себе соответствие в монгольских и некоторых финно-угорских языках.

При обращении с волами в южнорусских говорах применяется *шей* (М и р т о в, Донской словарь) — обрывок фразы — дать шею, которым побуждают вола вкладывать в ярмо шею, и трудно поддающиеся объяснению *цоб, цобэ* или *соб, собэ* — налево, направо. Эти выкрики употребляются при обращении и к лошадям в ряде мест Украины. А. А. П о т е б н я *цобэ* рассматривает как «д' себе — от себя, польск. *od siebie* — вправо; *цоб* — к *соб*, т. е. к себе, польск. к *sobie*, диалектн. — к *се*, влево (82).

Междометия, обращаемые к птицам, также связаны со словами лексического значения. Часто это названия птиц, не потерявшие словарного значения: *цып, тип, кур, уть, гусь, гуль*. Ещё чаще они деформируются до неузнаваемости, направляются к разного рода птицам. Так, например, *цып-цып* превращается в *типа-типа, типу-типу, цеп-цеп, ти-ти-ти*; *уть-уть* даёт *утю-утю, тю-тю*; *гусь-гусь* имеет немало вариантов в разных диалектах: *гути-гути, кути-кути*. Диалектное название гусей *теги* имеет варианты: *тега-тега; дига-дига, деги-деги, тига-тига, тяги-тяги, тя-тя-тя, те-те-те, теи-теи-теи*.

Более интересны междометия-обломки названий птиц старшей поры в разных славянских языках вроде *коки* — призыв наседки в западнорусских и белорусских говорах (Собственные наблюдения над диалектами Смоленской и Могилёвской областей). Этот древнеславянский корень, обозначающий курицу или вообще птицу, широко известен русским диалектам, всем славянским и многим другим индоевропейским языкам, древнерусскому языку (См. С р е з н е в с к и й, I, 1248, Д а л ь, II).

Общность культуры птицеводства и путей распространения его в Азии и Европе обусловили и общность названий птиц (83). Исходным можно предполагать санскритское *kakkutas, kurkutas, kukkubhas* — петух, идущее из Индии как возможной родины кур. Упомянем ещё греческое *κακκῦβη* — куропатка, латинское *sasabo, age* — кудахтать, токовать, французское *соq* — петух, датское *кок* — петух (П р е о б р а ж е н с к и й, Б е р н е к е р).

От данного корня образовано тульское *кокошница* — яичница и широко известное *коко* (преимущественно детское) — яйцо (Г р е о б р а ж е н с к и й, 1, 331). Русскому *петушиться* соответствует украинское *кокошиться*, спесивый, кичливый по-украински *кокошний* (Г р и н ч е н к о, Сл. II, 267). Это соответствует сербскому *кокотити се* — важничать, петушиться.

Широкие соответствия имеет корень индоевропейских языков *пыль*, *пырь* в значении названий разных птиц: курицы, индюка, утёнка, цыплёнка. Используется для призыва птиц. В южных и украинских говорах служит для призыва голубя, индюка, утки.

В новое время слова, обращаемые к животным, в плане сатиры, иронии или издёвки применяются и по отношению к человеку.

В. И. Л е н и н в труде «Материализм и эмпириокритицизм» писал: «Он — материалист, ату его, ату материалиста, он обманывает публику, не называя себя прямо материалистом — вот что в особенности доводит почтеннейших господ профессоров до неистовства» (4 издание, 14 том, стр. 334—335).

Чаще всего в таком значении употребляются слова, обращаемые к собаке (*кусь*, *узы*, *ату*), к лошади (*тпру*, *но*), к кошке (*брысь*), к курам (*цып-цып*).

В стиле фельетона, как и в народных пословицах, встречаем иногда междометия клича и отгона животных, обращаемые к людям.

Для примера возьмём фельетон Н. Буренкова «Николашенькина стена»:

«Ни из какой пушки не пробьёшь стену в управлении Красноярской железной дороги. Прочно она сцементирована родством и кумовством. Попробовали было раскритиковать в управлении начальника службы вагонного хозяйства Георгия Евстафьевича Сидорова, который сам считает, что главное — «уметь не работать, а докладывать». А он, Георгий Евстафьевич, одним — кум, другим — сват. Сразу же перед критикующими возникла николашенькина стена.

— Как? Сидоров развалил хозяйство, разложился в быту? Кто сказал? — грозно воскликнул Старков.

— Коммунист Козлов! — угодливо подсказала Анна Семёновна.

— *Ату* его! — гаркнули родственнички.

И затравили. Козлову пришлось расстаться с работой».

В памфлете Александра Лазурина «Любомудры» («Лит. газета» 16 февраля 1954 г.) выведен «философ» Ветрячок:

«Было время, были научные «авторитеты», которые превозносили философию Гегеля, и Ветрячок всюду с восторгом говорил о Гегеле. Пришло другое время, появились «авторитеты», которые готовы были выбросить гегелевскую философию на свалку хлама, а Ветрячок визгливо кричал: «Ату Гегеля, ату его, реакционера!»

Встречаются междометия этого рода и в очерках. Вера Кетлинская, бичуя в «Новогодних мечтаниях» «руководящих» работников, пристроившихся к искусству, пишет:

«*Фу ты*, до чего он привязчив и живуч, этот шептун, побитый, но недобитый Твардовским! Ведь так и вьется, так и норовит примоститься на кончике пера! А ну, *брысь!*» («Литературная газета», 1 января 1954 года).

В фельетоне Н. Воробьева и В. Журавского «Лутоня на вышке» («Правда», 16 января 1954 г.), критикующем заместителя министра сельского хозяйства Богданова и других руководящих работников, не знающих сельского хозяйства, даётся такая реплика одного из колхозников:

«— Вот тебе и заместитель министра сельского хозяйства Российской Федерации. Да еще по вопросам животноводства! О Горках-вторых вологодские школьники знают. А он — *ни тпру, ни ну!*»

Подобным образом употребляет эти «животные междометия» в своих сатирических стихах и С. Маршак («Фашистская псарня», «Укротишь — не воротишь» и др.).

Императивные междометия, как мы видели, примыкают к эмоциональным. И те и другие в основном слова отношений, выражаемые своеобразной интонацией. И в приказе есть элементы эмоций. А такие междометия, как *баю*, слова призыва животных выражают не только побуждение, но и ласку (Нет поэтому никаких оснований выделять ещё одну часть речи — «побудительные слова», как предлагают некоторые исследователи).

Основной путь образования и тех и других междометий — переходность из других частей речи русского и других языков, из некоторых действий, создающих звук (свист, пощёлкивание, причмокивание). Процесс интеръективации проходит и у императивных междометий неравномерно. Некоторые восклицания сохраняют ещё следы лексического значения (*марш, баста* и др.), хотя и изменили грамматические особенности. Другие, лишённые лексического значения, изменили звуковую форму. В связи с этим этимология и императивных междометий менее всего разработана.

Императивные междометия, необходимое звено в системе языка, делятся на ряд смысловых групп, отразивших различные потребности человека. Самая многочисленная из этих групп — междометия воздействия на животных. И это естественно: с миром животных связана вся история культуры человечества.

Сравнительное изучение данного разряда междометий обнаруживает общие закономерности в образовании, структуре этих слов в разных языках:

а) в фонетической стороне этих междометий разных языков обнаруживаются реликтовые звуки (раскатистое губно-губное р, щёлканье, чмокание);

б) переход животного от одного народа к другому обусловил и переход слова-названия животного от одного народа к другому. Этим объясняется совпадение слов клича и отгона животных, как и их диалектных названий, в языках не только близких и родственных, но и в языках, далёких по своему словарному составу и грамматическому строю;

в) история древнейших междометий зачастую может быть установлена только после длительных исторических изысканий, так как старое название животного в неизменном виде могло не сохраниться, оно при переходе в междометие всегда изменяется по говорам; ни одна группа слов не имеет такого обилия фонетических и морфологических вариантов, как данная. Отсутствие номинативного значения создаёт благоприятные условия для их изменчивости;

г) животное в разных национальных языках изменяло своё название, иногда его название переходило к животному, преемственно сменившему его по функции (название собаки иногда переходило к другим животным, в некоторых случаях название одного животного переходило к другому);

д) если название животного, давшего начало междометию — слову призыва, не сохранилось, его следует искать по диалектам и языкам в группах слов, связанных с названием животного (продукция животного — кожа, шерсть и т. п.); «словарный взаимообмен» (термин академика В. В. Виноградова) для данной группы слов — характерное явление. Такие слова, как *ярка*, *куть*, *кокош*, *кур*, *потка*, сохранились только в диалектах русского языка и в других славянских языках, выпав из словарного фонда общенационального русского языка.

Изучение междометий призыва и отгона, как и названий животных, в высшей степени актуально. Язык, связанный с производственной деятельностью человека, не только донёс до нас, особенно в своих многочисленных территориальных диалектах и застывших императивных междометиях, обращаемых к животным, названия животных от глубокой древности, но и отразил историю их приручения и распространения.

IV. МОРФОЛОГИЯ МЕЖДОМЕТИЙ. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ОТ МЕЖДОМЕТИЙ

Необычайная структурная разнородность междометий объясняется историей формирования этой категории. Необходимость выражения эмоций (отношений) обусловила объединение разных языковых фактов, вовлечённых мощным процессом интеръективации. Среди междометий мы встречаем такие, которые соотносительны с разнообразными фразеологизмами, идиомами (*чёрта с два! вот так клюква! шутка сказать!*), с разными частями речи (*боже, дудки, шутка, подумайте!, подумаешь!, здравствуйте!*), с неизменяемыми словами разных языков (*браво, каюк, ура, цвы, майна, пиль*), даже с древним культовым действием (*тьфу!*), с рефлекторными актами (дрожь, смех), которые являются средством выражения отношений (*брр, ха-ха!*). Своеобразны междометия *а!, о!, у!, ах!, ох!* и др. Морфологически нечленимые, они, как мы видели, имеют гибкую и разнообразную интонацию (тоже являющуюся формой), которая в основном определяет их значение. В связи с таким разнообразием формы междометий ни к каким выводам не приходят исследователи, описывающие структуру междометий вне исторического аспекта (гласный + согласный; согласный + гласный; гласный + согласный + гласный и т. п. См. работы Э. Швентнера, Р. Смаль-Стоцкого) (84).

Отграничиваются от других междометий своей формой междометия воздействия на животных. В них большей частью воспринимается только общий тон звукового комплекса, на который и прививается животным условный рефлекс. В подобных словах роль фонемы настолько снижена, что часто в одном говоре встречаем несколько звуковых вариантов. Это послужило поводом проф. И. Кор-

ж и н е к у (см. 75, стр. 217) говорить (конечно, с некоторым преувеличением) об отличии фонетической структуры междометий этого типа от фонологических явлений языка понятий.

Отметим главнейшие из фонетических процессов в этих междометиях:

а) выпадение безударных, а иногда и ударных гласных: *вса* (из *овса*), *шей* (из *шѐю*), *киши* (из *киш*), *чи*, *ишии*, *ссс*, *цсс* (из *тише*);

б) изменение согласных: *куть*—*тють*—*цуц* (призыв собаки), *виль-пуль* (призыв индюков), *тась-дась* (призыв утки), *цоб-цобэ*—*соб-собэ*;

в) утрата согласных: *тють*—*тю*, *цуц*—*цу*, *тега*—*те-те-те*, *цып-тип*—*ти-ти-ти* (призыв цыплят);

г) изменение гласных: *бер*—*бир*—*бар*—*бор*—*быр*.

Междометия имеют и своеобразную морфологию. По выражению акад. В и н о г р а д о в а, они испытывают «воздействие со стороны грамматических категорий интеллектуальной речи» («Русский язык», 1947, стр. 749). Так, слова, обращённые к животным, принимают суффиксы, выражающие ласку. Иногда некоторые формы можно связать с диалектным звательным падежом восточнославянских языков: *тпрутьки*, *тпрутечки*, *бириньки*, *бирюшки*, *бырочки*, *косю*, *косят*, *косянь*, *утю-утю*, *гулю-гулю* и др.

Диалекты дают нам и композиты — сочетание ласкательного обращения к животному со словом его призыва: *утеньки-уть-уть*, *пыреньки-пырь-пырь*, *тасеньки-тась-тась* и под.

Отмечается образование слов отгона животных путём препозитивного а, прибавляемого к словам призыва тех же животных: а + *козь*, а + *бир*, а + *кызь*, а + *дзусь* (отгон свиней).

В связи с деэтимологизацией наблюдается п е р е р а з л о ж е н и е основ. Так *козь* и *косю* дало в связи с редукцией безударного гласного *ксю*, а последнее при повторении дало *сюк*, что мы и наблюдаем в говорах Смоленщины. Там же мы слышали, рядом с *кабась-кабась* (призыв свиней), *баська-баська-баська*; *рюх-рюх-рюх* даёт *хрю-хрю-хрю*.

Важным грамматическим средством образования междометий являются п о в т о р ы. Надо только иметь в виду, что некоторые междометия употребляются в удвоенной или в несколько раз повторяемой форме и не имеют параллельного единичного употребления (*ха-ха-ха*, *те-те-те*, *тю-тю*).

Цели удвоения разных групп междометий неодинаковы. Императивные междометия, обращённые, например, к животным, повторяются, чтобы заставить их повиноваться. Эмоциональные междометия, удваиваясь или повторяясь многократно, выражают степень реакции говорящего на речь собеседника или на какое-либо явление действительности.

Удвоение или утроение может быть точным повторением междометия: *ха-ха, хе-хе-хе; ай, ай, ай; ну-ну; ба, ба, ба; ах, ах, ах; ох, ох, ох* и т. п.; может быть неполным, когда повторяется только второй слог междометия: *ого-го; ого-го-го; эге-ге; эге-ге-ге; ахти-хти; эх-ма-хма-хма* (Г. Успенский, Новые времена, новые заботы, V, 1).

Повторение может сопровождаться перестановкой гласного и согласного первого односложного междометия (метатеза): *эх-хе-хе (эхе-хе); ох-хо-хо (о-хо-хо); ах-ха-ха (а-ха-ха); их-хи-хи (и-хи-хи)*. Естественно, что при стыке двух *х* одно поглощается (абсорбция).

Близко к этому повторение междометий *ай, ой*, с той лишь разницей, что начальные и конечные слоги совпадают: *ай-йа + йай (аяяй, аяяяй, аяяяяй); ой + йо + йой (оёй оёёй, оёёёй)*.

В разговорной речи и в стиле народной поэзии встречаются повторы, осложнённые своеобразными суффиксами (*н + юшк, ш + еньк*): *охо-хонюшки — Охохонюшки*, скучно без Афонюшки! *Охо-хонюшки*, хорошо жить Афонюшке, одним Фонюшка нехорош: промысел его негод! (Д а л ь, Сл. II, 802). *Ой-ой-ошеньки: Ой-ой-ошеньки*, болят мои боченьки; бока болят, а лежать не велят (Д а л ь, Сл. II, 682).

Отметим ещё единственный случай удвоения с соединительным союзом *и*, превращающего побудительное междометие *ну* в эмоциональное, выражающее удивление: *ну и ну!* Этот переход связан и с изменением интонации.

Имеются эмоциональные и императивные междометия, которые по своим смысловым особенностям и характеру структуры удваиваться не могут. Таковы, например, *бррр, ссс, цыц, нишкни, баста, шабаш, есть, товсь*.

Некоторые междометия, наоборот, употребляются только с повторением. *Тю-тю, те-те-те*, только повторяясь, получают определённое значение. Удивление выражается только междометием *те-те-те!* Одно *те* ничего не обозначает.

Эмоциональная констатация факта исчезновения, быстрого ухода, отъезда выражается междометием *тю-тю*:

Тю-тю денежки! Всё спустил (из разговора). *И не взлай невпопад чёртова собачка, прощайся казаки с золотом, тю-тю* (В. Шишков, Угрюм-река, авт. речь). Одно *тю!* с совершенно другой интонацией выражает гневный укор, порицание, ругань.

Упомянем еще о любопытном явлении словообразования некоторых междометий — способности принимать аффиксы. Так, *ох* и *ах* в языке народной поэзии принимают местоименное *ти*: *охти, ахти* («*Охти-ахти!* как-то замуж идти?» «*Ахти* мне, все товарищи в тюрьме — что-то будет и мне?», Даль, Сл. I, 31).

Императивные междометия *на, ну, цыц, айда, брысь* принимают флексию множественного числа повелительной формы глагола «те»: *нате, нуте, цыцте, айда те, брысьте* (редко). Например: *цыцте!* — *зыкнул Пантелей Прокофьевич* (Шолохов, Тихий Дон, кн. I, стр. 312, изд. 1953 г.).

В западнорусских говорах и в говорах украинского и белорусского языков *ну* принимает и другие глагольные флексии: *нум, нумо, нумте*.

Эти междометия принимают и приглагольную частицу *-ка, -тка*; *нака, натека; нука, нутка, айда тека* (редко).

Отметим образование эмоциональных междометий, выражающих чаще всего насмешку: *накося* (*на + ко + ся*) или осуждение: *наподи*.

Не мало имеется случаев *п р и м ы к а н и я* к междометиям частиц, а то и полного сращения частицы с междометием. Так, народному языку известны такие образования, как *экста, спасибаста*, представляющие сращение междометий *эк, эка* и *спасибо* с частицей вежливости *ста*.

Экста! встречаем в рассказе Тургенева «Бурмистр». На вопрос писателя «*Да что ж они* (крестьяне) *на него* (на бурмистра) *не жалуются*», крестьянин Анпадист отвечает: «*Экста! Барину-то что за нужда! недоимок не бывает, так ему что?*»

В интермедиях XVIII века есть случай употребления *спасибаста*: «*спасибаста, жённушка*».

Переходя к другим особенностям морфологии междометий, остановимся на двух вопросах, тесно между собою связанных: а) на субстантивации междометий и б) на междометиях как средстве словообразования.

Чаще всего употребляются субстантивированные простейшие междометия *ох* и *ах*: **Ахи да охи**, да бабы вздохи (Даль, Сл. I, 31). . . . *день ее до того напичкан всякими занятиями, ахами да охами*, что ей и опомниться некогда (Тургенев, Отцы и дети, XXI).

Народным юмором создана перифраза *поймать оха*, что значит попасть в тяжёлое, неприятное положение: *Тут они оха и поймали* (Бажов, Дорогое имячко).

Ах и *ох* в народной поэзии могут персонифицироваться, обозначать действующее лицо. В загадке о пчеле, свече и воске говорится: *Летела ах через божий страх. Ах! ах! мои дети горят* (85).

В сказке в связи с междометием *ох* выступает сказочный герой *Ох*: *Села сиряди лугу на кургонушку и говорить: Ох, божа мой!.. А «Ох» тот, як тут быу*. (Добровольский, указ. соч., 65).

Писатель С. Григорьев (Кругосветка, «Советский писатель», 1949 г., гл. XII, стр. 365—370) передаёт сказку «Ах» и «Ох», рассказанную детям и автору повести А. М. Горьким. Вся сказка построена на переключке междометий и собственных имён братьев.

От корней *ох* и *ах* образуются путём суффиксации существительные, прилагательные, глаголы, наречия или выражения, выступающие в качестве обстоятельств образа действия. Особенно богато они представлены в стилях речи, выражающих народный юмор, насмешку, осуждение охающих и ахающих бездельников.

Кроме общеизвестных *аханье* и *оханье*, народный язык знает слова *ахальщик*, *ахала*, *охальщик*, *охала*, *аханьки*, *ахаханьки*, *охохоня* (ханжа), *оханник* (симулянт): *На каждого баяльщика по семи ахальщиков. На каждого бахаря по семи ахал. Это ведомый оханник, как на работу, так у него и кол в боку!* (Даль, Сл., т. I, 31, т. II, 802).

Прилагательное *аховый* в разговорном языке имеет два значения: а) удивительный, прекрасный и б) плохой, непригодный. Даль приводит (там же) *аховой платочек* и народноюрористическое *«аховая суббота»* — при платежах, когда неисправные ахают по деньгам.

Редко встречаются *ахтительный* — восхитительный и *неахтительный*.

Словари дают немало глаголов: *охать*, *ахать*, *взахаться*, *заахаться*, *наахаться*, *отахаться*, *перахаться*, *поахать*, *подахивать*, *разахаться*: «Пушкин и Гоголь дали нам такие

критериумы для суждения об изящном, с которыми трудно от чего-нибудь *разахаться...*» (Белинский, Русская литература в 1841 г.).

У Бажова *ахнуть* встречается с приставкой с: *А как Танюшка сняла платочек да шубейку, все кругом сахнули* (Малахитовая шкатулка).

В сатирическом плане Маяковским употреблено наречие *ахово*:

Галстук,
выпестренный *ахово*,
С шеищи
по глобусу пуза расползся
(Человек).

В значении наречия употребляется выражение *на ах* — делать что-либо с риском, на авось: *На ах в вой не ходи* (Панфёров, Борьба за мир, ч. II, гл. 9).

От междометия *ахти* имеем наречие *не ахти* — не очень, не весьма:

Отменно драл Шалашников,
А *не ахти* великие доходы получал
(Некрасов, Кому на Руси жить хорошо).

Ай субстантивируется редко. Л. Леонов в очерке «В защиту друга» («Известия», 28 декабря 1947 г.), говоря о защите насаждений в городах, писал: *Милицейского «ай-ай-ай» тут явно недостаточно.*

Пётр Комаров написал стихотворение «Скала Ай-я-яй» («Октябрь», № 1, 1947 г.), в котором показано, как междометие удивления перешло в название скалы.

От междометия *ай* образованы существительные *айкала* — тот, у кого привычка, пугаясь, айкать; *айяй*, *айяйка* — трус, трусиха (Даль, Сл., I, 7); глаголы *айкать*, *айкнуть*.

Из *ой* образованы *ойкать*, *ойкнуть*. У Бажова встречаем не только *ойкнуть*, но и *сойкнуть*: *Мужик сойкнул, топор выронил. Михайло сойкнул да бежать* (Малахитовая шкатулка).

Вопрос с удивлением и некоторым оттенком недоверия выражается словом *ой ли*.

Ух даёт *ухать*, *ухнуть*, *уханье*, *ухала*, *ухотня* — отдалённый крик, голос (Даль, Сл. IV, 539); У Некрасова ещё *ухалица*: *Чу! как ухалица ухаёт* (Коробейники).

От междометия *хи-хи*, *ха-ха*, *хе-хе* встречаем субстантивированные названия: «Помните ли вы Никодима Аристар-

ховича Надоумку; помните ли, как, выступив на сцену... он рассеял наши сладкие мечты своим добродушно-лукавым: *хе! хе! хе!*» — писал Белинский в «Литературных мечтаниях».

От данного междометия образованы *хохот, хихиканье, хаханьки, хихиньки, хихикать, хохотать: Хаханьки да хихиньки пошли* (Достоевский, Село Степанчиково).

Даёт основу для словообразования и такое междометие, как *гм*. Интересна попытка Гоголя в черновом варианте «Мёртвых душ» назвать губернских дам наиболее неопределёнными междометиями-жестами, *гм, гм* и *ихм, ихм*: «Наконец, коляска остановилась у ворот прокурорши... *Винovat, совершенно позабыл, у ворот хотел сказать некоторой чиновницы. Чтобы нам, однако ж, не сбиться, то мы будем называть её чиновницей Гм. Гм, а приехавшая пусть будет Ихм. Ихм*» (Полное собр. соч., изд. АН СССР, т. VI, 1951, стр. 611).

От *гм* образуются *гымкать, гымканье, гмыкать, гмыканье, гумкать, гумканье*. Эти слова встречаем у Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Ф. Гладкова.

От *фи* образовано *фиканье, фикать*. У Пушкина в письме к Дельвигу встречаем образование *фи-дитя*, обусловленное интимно-эпистолярным стилем: «Бируков её не увидит за то, что он *фи-дитя*, блажной дитя» («Пушкин-критик», М., 1950, стр. 45).

От *увы* словарь Д а л я приводит *увыканье, увыкать* (IV, 475).

Ура не только субстантивируется, но и входит в состав сложного существительного: *ура-патриот, ура-наступление* и т. п.

Известны и фразеологизмы: *пойти на ура, сделать что-либо на ура*.

Междометие *черт!* даёт *чертыханье, чертыхаться*.

Немало производных слов и от императивных междометий. Особую группу составляют образования от междометий, употребляемые при обращении к животным. Напомним глагол *науськивать* от междометия *усь* (от *кусь, куси!*). В стиле сатиры глагол употребляется и по отношению к людям. В поэме «Человек» Маяковский пишет:

Пусть, *науськанные* современниками,

пишут глупые историки:

Скушной и неинтересной жизнью

жил замечательный поэт.

Ату образует *атуканье*, областное *атукала*. Д а л ь приводит глаголы: *атукать*, *атукнуть*, *атукивать*, *заатукать*, *разатукаться* (Сл. I, 29).

Улюлю послужило основой для глагола *улюлюкать* и существительного *улюлюканье*.

Народным юмором обусловлена субстантивация слов, с которыми обращаются к животным. А. И. Сахаровым записано о городе Болхове, известном кожевенным производством: Болхов *гав* дерёт и *мяв* дерёт, *гысь* дерёт и *брысь* дерёт, за всё денежки берёт (*гав* — собака, *мяв*, *брысь* — кошка, *гысь* — свинья; см. 81, стр. 9).

Народным юмором обусловлен глагол *брыснуть* в поговорке-метафоре, записанной Д а л е м (I, 135): Хотелось *брыснуть*, а пришлось свиснуть (выгнал бы вон, да надо звать). *Брыснуть* — отогнать собаку, кошку. Свист — средство призыва собак, иногда лошадей.

В загадках междометие призыва или отгона метонимически обозначает животное или получаемый от него продукт. Вот загадки «Сито», записанные Д. Н. Садовником: В лесу гнuto, в торгу брато; По краям: *тпру!* посередине: *тпрусе*.

В лесу: тяп, тят,
Дома: ляп, ляп,
По краешкам: *тпрусеньки!*
В серёдке: *ну-ну!*
Есть свято,
С липы снято;
По краям ремешки,
В серёдке: *тпру!* (85)

Здесь также художественная сторона загадки состоит в замене слов с номинативным значением междометиями: волос лошади — *тпру* или *ну*; *тпруськи*, *тпрусеньки* — слова, обращаемые к рогатому скоту, символизируют кожу, ремешки.

Корень *тпру* вообще богат своими производными. В «Бежином луге» Тургенев в речь мальчика Илюши ввёл народный глагол *отпрукать* — успокоить лошадь словом *тпру*.

Известно и существительное *тпруканье*: *Послышалось лёгкое тпруканье, и мы остановились* (Тургенев).

В народном творчестве *тпрукать*, как и *нукать*, метафорически используется для оценки поступков человека,

его поведения: *Нукать нукай, да не пришлось бы и тпрукать. Нукали, нукали, да стали тпрукать* (Даль, Сл., т. II).

В Словаре Даля находим ещё глаголы: *вынукать* (Из этого коня не *вынукаешь рыси*), *донукаться* (*донукались до того, что стали*), *занукать, занукаться* (*занукал опять, совсем занукались едучи, замучились понукая*), *изнукать, изнукаться* (*изнукали коней, и сами изнукались*), *нанукаться* (*Нанукаемся ещё вдоволь*), *понукасть, понукивать* (*понукай его чаще, вместо понукивай*), *пронукать* (*пронукали весь перегон*), *разнукаться* (*Вишь, разнукался*), *принукать, принукивать, принукаться* (*Кляча принукалась, без кнута не везёт*) (т. II, 575, т. III, 446).

В том же словаре находим и существительные: *нуканье, нукальщик, нукальщица, нутник, нукала* (обл.), *понукала, понукальщик*: *Барыня наша такая нутница, что швеям покою нет от неё, а у барина ко сказочнику приставлен нукала, чтобы тот не дремал. Нутник* ярсл., ниж. и др. *стонщик, пригонщик* рогатого скота (ср. др. русское *нута* — рогатый скот).

Принука — принуждение, неволя (Даль, Сл., т. III). *Принука* в говорах имеет и другое значение — усиленное приглашение при угощении. У Михельсона («Русская мысль и речь», т. I, стр. 40) находим: *То не банкет, коли принуки нет.*

Богата система словообразования от корня *ну* и в других славянских языках.

Известны глаголы, существительные и от других групп императивных междометий.

От междометия призыва, отклика *ау* образованы существительные: *ауканье, аукальщик* (*щица*), *аукала* (обл.), *аука* обл. курск. шуточное — волк. *Аука* придёт — страшат ребят; глаголы — *аукать, аукнуть, аукивать, аукаться, отаукиваться*:

Сиплону не аукается. По дрова не по грибы: топор сам аукает (Даль, Сл. I, 30). *Не свистнет птичка, леший не аукает* (Языков, Жар-птица).

В. И. Даль приводит следующие существительные от междометия *баю*: *баюканье, баюкала, баюкальщик, баюкалка* (колыбель); глаголы: *баюкать, убаюкивать, баюкаться, выбаюкать* (*Нянька выбаюкала себе платок*), *добаюкаться* (*добаюкалась-таки, что уснул*), *забаю-*

кать (*забаяюкай* его), *набаяюкаться* (*набаяюкалась* до устали), *отбаяюкаться* (*отбаяюкавшись*, иди ужинать), *побаяюкать*, *подбаяюкивать*, *прибаяюкивать* (*побаяюкай* его ещё, а ты *подбаяюкивай*, *прибаяюкивай*, *припевай*), *пробаяюкать*, *отбаяюкать* (*пробаяюкала* всю ночь, руку *отбаяюкала*), *разбаяюкаться* (*разбаяюкалась* на весь дом, *распелась*). *Баяюкать* употребляется и в переносном ироническом смысле, когда речь идёт о лживых людях и их обещаниях: *Ладно баяюкаешь, да сон не берёт* (Даль, Сл. I, 57—58).

К междометию *баяю* восходит и разговорно-интимное *бай-бай*: *Однако ... вам бай-бай пора... Будемте здоровы...* (речь персонажа. Чехов, Гость). В разговорах с детьми это выражение принимает ласкательные суффиксы: *пора тебе баяюшки, иди байнышки* (Даль, Сл. I, 57). *И байнышки можно. Хочется тебе байнышки — почивай* (С-Щедрин, Господа Головлёвы).

Известны образования и от других императивных междометий.

Таким образом, структура междометий, их морфология и особенно словообразование на основе междометий являются доказательством того, что:

а) междометие — категория, не изолированная от системы языка, не оторванная от других частей речи, а в значительной степени структурно с ними соотносительная. Соотносительность междометий со словами лексического значения является средством языковой игры, каламбуров. В стихотворении Маяковского «Крым» каламбурно разорвано и переосмыслено название горы Ай-Петри:

Рвало
здесь
землетрясение
дороги петли,
сакли
расшатало,
ухватив за край,
развезувился
старик Ай-Петри.
Ай, Петри!
А-я-я-я-яй!

Горький прибегает к приёму каламбурного употребления междометий, основанному на переходности существи-

тельного в междометие. В рассказе «Ещё о чёрте» Иван Иванович казнит себя за связь с женой своего товарища: «*Но-о, чёрт!* если б я мог вырвать страсти из своего сердца!»

— Вы попробуйте,— раздался вежливый голос.— Если угодно — я могу помочь вам в этом...

Иван Иванович быстро поднял голову и вздрогнул,— при виде *чёрта* всегда вздрагиваешь.

— Извините... я не заметил, когда вы вошли... Если я не ошибаюсь — имею честь видеть ... *чёрта*?

— Именно, сказал *чёрт*.

Интересно обыгрывается Д. Заславским в плане сатиры междометие *Ну, подумаешь* в фельетоне того же названия («Фельетоны», изд. «Правда», 1949):

«— *Ну, подумаешь*... Газета не пришла. Чего волнуешься?

«— Ну что ты себе печёнку портишь!.. Ну, опоздала газета! *Ну, подумаешь!*»

Это очень распространённая формула: *Ну, подумаешь!* Её можно услышать не только в Аджарии. В ней есть какая-то усыпляющая сила. Она действует, как снотворный порошок. *Ну, подумаешь!* Нечего, стало быть, д у м а т ь, незачем беспокоиться. Живите спокойно, не расстраивайтесь.

Фельетон заканчивается призывом *подумать*, по-большевицки *подумать*, и не только на берегу Чёрного моря *подумать*. «Очень уж распространена у нас эта формула: «*Ну, подумаешь!*»,— и всегда это была вредная формула, а в наши дни она опасная и антигосударственная формула».

Таким образом, сила остроты фельетона, его стилистический заряд заключается в параллельном употреблении междометия *ну, подумаешь!* и глагола, от которого путём переходности образовалось данное междометие.

Усиливает сатиру и субстантивация этого междометия, когда речь идёт о людях, принимающих для своего спокойствия порошок «*Ну, подумаешь!*»

Такую же роль играет «*Подумаешь!*» в очерке Ю. Феофанова «Право судить» («Известия», 30 ноября 1963 г.). Развенчивая тех, кто прикрывается этой формулой-междометием, выражающим ироническое отрицание, автор призывает *подумать* о тех, кто вместо того, чтобы стоять на страже наших законов (прокурор), нарушает их;

б) имеют своеобразную форму, выраженную главным образом интонацией, и несоотносительные с другими

частями речи односложные междометия (*а, о, у, э, и, ах, ох, ух* и др.);

в) вопреки традиционным представлениям можно утверждать, что междометия имеют свою специфическую морфологию;

г) выражая отношения к окружающей действительности, междометия имеют и некоторое логическое содержание. В связи с этим их свойством междометия субстантивируются, являются, таким образом, средством выражения юмора, насмешки, сарказма, средством выражения ласки, нежности, средством своеобразно выраженной модальности;

д) некоторые междометия русского языка, главным образом односложные эмоциональные, являются средством сравнительно богатого словообразования. Подобные явления наблюдаются и в других индоевропейских языках.

V. СИНТАКСИС МЕЖДОМЕТИЙ

Междометия — слова, говорящие о наших волеизъявлениях или эмоциях, и как таковые они образуют своеобразные междометные предложения. Императивные междометия *брысь! тпру! цоб! цобэ! алло! ау! эй!* — примеры таких междометий.

Часто и эмоциональные междометия являются самостоятельными предложениями: *ура! увы! ах! черт! вот так штука! вот ещё! фу ты пропасть!* и др.

Иногда обстановка, условия высказывания дают возможность произнести одно лишь междометие, заменяющее целое предложение (От удивления мог произнести только один звук: *О!* — Куприн).

В очерке В. Овечкина «В одном колхозе» рассказывается о собрании, посвящённом достижениям колхоза «Красное знамя»:

«Расходились из клуба все в каком-то приподнятом, взволнованном настроении. У женщин, как всегда, не обошлось без слёз. Христина Соловьева, одной рукой вытирая слёзы, другой вlepила крепкого тумака в спину своему председателю.

— Эх!..

И в это одно слово вложила все, что пережила, перечувствовала за день».

Только такое интонационно богатое эмоциональное междометие, сопровождаемое сильным жестом-упрёком (тумак в спину), могло отразить переживания передовой колхозницы. В нём и упрёк своему председателю, и сожаление, что он не такой, как председатель «Красного знамени», что он мог бы быть и лучшим, что он не плохой, в сущности, человек (если бы она его презирала, то не допустила бы такого фамильярного жеста). В этом *эх!*..

выразилось и страстное желание жить и работать лучше. Это был возглас, полный страсти и порыва.

Иногда и внутренняя речь, размышление о чём-либо выявляется только в междометии. Гоголь, изображая ничтожество царских чиновников, превращение «Прометея» при начальстве в муху, заключал: *«Да это не Иван Петрович», говоришь, глядя на него. «Иван Петрович выше ростом, а этот низенький, и худенький, тот говорит громко, басит и никогда не смеётся, а этот чёрт знает что: пищит птицей и всё смеётся». Подходишь ближе, глядишь, точно Иван Петрович! «Эхе-хе!» думаешь себе...»* (М. души, гл. III).

Где преобладают непосредственные реакции, ощущения, там больше междометий.

Лексикон Элочки Шукиной («Людоедки») Ильф и Петров определили в тридцать слов, среди которых три междометия: *хо-хо! Подумаешь! Ого!* Близко к ним восклицания *кр-р-расота!*

«Хо-хо!» (выражает в зависимости от обстоятельств иронию, удивление, восторг, ненависть, радость, презрение и удовлетворённость) — самое употребительное слово Элочки. Вот она примеривает «очень миленькую крепдишиновую кофточку. В этом наряде она казалась почти богиней.

— *Хо-хо!* — воскликнула она, сведя к этому людоедскому крику поразительно сложные чувства, захватившие её» (И. Ильф, Е. Петров, Двенадцать стульев, М., 1948, стр. 181—182).

Таковы некоторые условия появления междометных предложений.

Эмоциональные междометия в строе современного русского языка редко выступают как изолированные предложения. Появление их в речи обусловлено как её содержанием и стилем, так и обстановкой, определяющей стиль. Употребление междометий видоизменяет весь контекст речи, всю структуру определённого её отрезка. Эта связь междометия с контекстом находит своё внешнее выражение прежде всего в интонации. Междометие обычно сильное и интонационно выразительное слово.

Фонетические, морфологические и синтаксические связи междометия со всей системой языка дают основание для критики термина «междометие» и связанных с этим термином представлений.

Уже грамматика М. Смотрицкого говорила о связи междометий с разными падежами.

Доломоновский язык даёт значительное количество междометий, увязанных с предложением. В «Житии протопopa Аввакума» читаем: *О* скорого *услышания* света нашего христа бога, *о* дивного и скорого *услышания*; *ох* праведной *души*; *ох* времени тому; *увы* грешной *душе*; *увы* мне как дощеник — от в воду-ту не погряз со мной; *увы* *рассечения* тела Христова и подобные. В послании Ивана Грозного Кирилло-Белозерскому монастырю находим: *увы* мне грешному; *ох* мне скверному. То же у Симеона Полоцкого: *оле* злых врагов, како суть прельщени; *увы* нам; *увы* мне.

«Российская грамматика» М. В. Ломоносова, учитывая языковую практику своего времени, закрепляет и нормы обычной связи междометий с соседними словами. Так, междометия *вот*, *то-то*, *фу* сочетаются с именительным: *вот* книга; *то-то* дорогая вещь; *фу*, какой неповоротливой. *Горе*, *исполать*, *на*, *вот на* перед дательным полагаются: *горе* нам бедным; *исполать* молодцу; *вот на тебе* рука. Со звательным сочиняются: *цыц*, *прочь*, *гей*, *ну*: *цыц ты*, *не лай*; *прочь*, *назойливой*; *гей*, *прохожей*; *ну*, *ленивец*. Восклицание *о!* у славян полагается с родительным падежом: *о чудного промысла!* Но россиянам свойственнее именительный: *о чудный промысл!*» (см. 9, стр. 574, 575). Здесь *фу*, *исполать*, *гей*, *о!* являются несомненными междометиями.

Подобным образом и в фольклоре некоторые междометия имеют дополнения в дательном падеже. Например: Ино *ахти* мне молоды горевати; *охти* мне молодой тошнёхонько; *ах* мне; *исполать тебе*, батюшка (из песен, записанных Шейном и др.). *Ахти* мне, все товарищи в тюрьме — что-то будет и мне (Д а л ь, Сл. I; 31) — *спасибо... всем* по семь, а себе восемь (М. Р. Голубкова. Два века в полвека, «Советский писатель», М., 1946, стр. 203).

Обратимся к рассмотрению междометий, выступающих в функции разных членов предложения.

Междометие-сказуемое не является словом, выражающим чувства и переживания, а служит средством эмоционального выражения какой-либо волнующей мысли, показывает и отношение говорящего к какому-либо факту сообщения. Это — своеобразное средство разговорного языка для выражения модальности. Пословицы и поговорки, в которых есть «издёвка, насмешка, попрек, словом — всё

шевелившее и задирающее за живое» (Гоголь), широко использовали это средство. Вот несколько примеров:

Голенький ох, а за голенького бог. Ему на боку дыру вертят, а он: ха-ха-ха! Чужой дурак — ха-ха!, а свой дурак — ох-ох! Старость-то — эхма! А молодость — ой-ой! По бороде хоть в рай, а по делам — ай-ай! Баба — ай-ай! а муж малахай. Это чай — ай, ай, ай! Не чай, а ай. У меня жена всё ох да крѣх (Даль, Словарь и Пословицы русского народа).

Загадки о горшке также используют междометие в функции сказуемого (*эхма, их*) вместо слов логического содержания, изображающих печальный конец этого предмета хозяйственного обихода:

1. Родится — вертится,
Живёт всем кормилец,
Смерть его: *эхма!*
2. Родится — кружится,
Растёт — бесится,
А смерть ему: *их!*

(С а д о в н и к о в, ук. соч., 85, стр. 32).

Русская литература унаследовала от народных стилей речи эти особенности как в языке авторском, так и, в особенности, в языке персонажей.

Вот примеры междометия-сказуемого в двусоставных предложениях авторской речи:

Вся столица содрогнулась,
А девица *хи-хи-хи* да *ха-ха-ха!*
Не боится, знать, греха
(Пушкин, Сказка о золотом петушке).

И всё адъютант —
ха да хи

Попов —
хи да ха

(Маяковский, Хорошо!).

Вчера я провёл приятно вечер с Николаем Бакуниным — вот, брат, человек-то — *ай-ай!* (Белинский, Письма, II, стр. 32).

Гораздо чаще междометие-сказуемое встречается в речи персонажей: *Вот Кирила Кирилыч... богат, здоровёхонёк, весь век хи-хи-хи да ха-ха-ха, да жена вдруг ушла: с тех пор и повесил голову* (Гончаров, Обрыв, II, гл. 17).

Настроеньце у них, должно быть, *хи-хи* — думал доктор (А. Толстой, Хожение по мукам, ч. II, гл. VI). Вот идёт на вас в атаку конница... Птицей на пушки мчится... Убираться? Упаси бог! Сколь ни коротко время, а то и три раза выстрелить. И будут эти картечные залпы таковы по губительству, что против них десятки обычных — *тьфу!*.. (Голубев, Багратион, гл. 38, слова Багратиона). Гонорар — *увы* и *ах!* (Чехов, Персона). Такая жена — она *у-ух* (Ляшко, В разлом). Приезжаю это я в Скопин со своими тысячами, детки, и прямо... ем... к Рыкову... господину Рыкову. Человек... *уу!* Золотой господин! Дженгльмен!.. (Чехов, Идиллия — увы и ах). Баба — *ой-ой!* Это сейчас видно (Чехов). Нет, он мужчина, а мужчины все честолобивы; но Ральф — *ффи!* — это тряпка! (Писемский, Тысяча душ). (Баркалов): У вас горло — *ой-ой*, да и я не отстану... Вот и Мамаево побоище! (А. Н. Островский, Блажь). Мне сейчас сказал один барин, что эта госпожа — *ой-ой-ой*, да барин-то, кажется, дурак. Ну, а по-твоему, что она, точно — *ой-ой-ой?* (Тургенев, Отцы и дети, гл. XIV). Поставил тебя на ноги, вывел в люди, а ты — *ха-ха-ха* — и прочь со двора?... Нет, ты сначала поработай, а потом — *ха-ха-ха!*.. (Федин, Необыкновенное лето). — Хороша жена, да казаку не дома сидеть... Олена! Она у меня — *эх!* (А. Чапыгин, Разин Степан). Лебедь видит только свою пару, своё озерко, а человек — *го-го!* Ему видны широкие горизонты. Разве есть на земле кто-нибудь более крылатый, чем человек? (А. Гончар, Знаменосцы. Перевод с укр. Льва Шапиро). Эх, Марья! Плохи люди стали! Другой бы — *э-эхма!* Выбился бы из петли-то скоро (А. М. Горький, На плотях), *Около Петра Алексеевича очутился Меньшиков, тоже в зюбвестке, в куртке. Вот это шиторм! Вот это — лю-лю!* — прокричал ему Петр Алексеевич (А. Н. Толстой, Петр Первый, гл. IV, 2).

Междометие-сказуемое заключает не только выраженное в эмоциональной форме утверждение, мысль, но и оценочное отношение к этой мысли. В предложении «Девушка *хи-хи-хи* да *ха-ха-ха!*» междометием-сказуемым не только констатируется легкомысленное отношение девушки к событиям, но выражается и укор смеющейся, недовольство её поведением. В пословице «Чужой дурак — *ха-ха!*, а свой дурак — *ох-ох!*» также имеется не только утверждение, но

и оценка факта, упрёк смеющемуся над чужим несчастьем. Подобный упрёк неумеющему постоять за себя чувствуется и в поговорке: «Ему на боку дыру вертят, а он — ха-ха-ха!» Заменяя сказуемое-междометие глаголом, существительным или прилагательным, мы изменили бы и смысл предложения, лишились бы оценочного отношения говорящего к высказываемому, сделали бы предложение менее выразительным, иногда утратили бы и всю «соль» пословицы.

Междометию-сказуемому обычно предшествует эмоциональная пауза, а само оно произносится с особой выразительностью, гласные в нём почти всегда удлиняются, выделяясь высотой и силой. Естественно, что такое сказуемое сопровождается своеобразной мимикой и жестом.

Междометия-сказуемые осознаются как заместители глаголов, а иногда и воспринимаются как глаголы: «С берега, с жёлтых кораблей несётся стукотня, мужичьи крики. Но девы только — *ах!*... издали на стройных всадников» (А. Толстой, Петр Первый, ч. II, гл. 3, § 1). *Та — ах! да ах! А я говорю: так, мол, и так — мы ещё посмотрим, кто кого взреет. Либо они меня, либо я их!* (Медынский, Марья).

Междометие-сказуемое по экспрессии всегда выразительнее глагола-сказуемого. Степень выразительности междометного сказуемого в устной речи передаётся интонацией, а на письме знаками препинания. Иногда экспрессия, мера качества выражается повтором междометия. Блестящее использование этого приёма, с привнесением элемента комического, имеем в пьесе Корнейчука «В степях Украины» (действие II, картина 1). Колхозники Остап и Тарас удят рыбу и беседуют о своих председателях, притворившись, что не видят их:

Остап: А мой председатель Чеснок *ого-го-го*... Голова...
Тарас: А мой председатель Галушка *ого-го-го-го*...
Остап: Да что твой Галушка, он порченый да порченый.
Тарас: Што? Порченый? Выходит, мой председатель Галушка не *ого-го-го*?..
Остап: Не... Чеснок — это председатель *ого-го-го*, на весь район *ого-го-го*..
Тарас: Выходит, мой Галушка последний человек в районе...
Остап: Да. Раз ты, старый чёрт, в драных штанах повсегда ходишь, значит, твой председатель Галушка свинья. Понял?
Тарас: Ну, а как свинья мой председатель *ого-го-го*?
Остап: Как свинья?
Тарас: Да.
Остап: Галушка на весь район *ого-го-го*...

Из этого отрывка пьесы видно, что сказуемое-междометие может сближаться по значению со сказуемым-прилагательным или существительным. То же можем сказать и о сказуемых следующих предложений:

В Москве наркомпрос Луначарский нам запретил, а уж в провинции мы распоясались,— в последнем акте вытаскиваем на сцену гильотину, и мне голову — тюк... Сборы — ну! (А. Толстой, Хождение по мукам, ч. III, гл. XVIII, слова Башкин-Раздольского).

Вот герой. А сапожки-то на нём фбу-ты-ну-ты! (В. Василевская, Радуга. Слова Терпелихи, обращенные к немцу, ноги которого были обёрнуты тряпками). *Я ещё— охо-хо!* (А. Н. Островский, Волки и овцы). *Вы знаете, что для меня теперь Малевский — фи!* (Тургенев).

Междометие-сказуемое может встречаться и в односоставных предложениях. Например:

И дровишек-то надо вам — тьфу! (А. Кожевников, Живая вода). *Обносились и распродались мы подчистую. Одна теперь у нас надежда — на целебный воздух. Солнце, воздух и вода — наша лучшая еда. А то бы — ого-о! а?* (П. Павленко, Счастье, гл. II).

Вам-то хорошо, а вот мне так — тпрррр! Ни на шаг из этого погребца (Чехов, Переполюх).

Земли у нас — ого! А окромя чего надо? То то и ба, что пустая торба (Шолохов, Тихий Дон, кн. II, ч. IV, гл. 4. Слова Чубатого).

Междометие-сказуемое может иметь при себе глагольную связку, усилительную частицу, дополнение, обстоятельство. Например:

Есть лица, которые существуют на свете не как предмет, а как посторонние крапинки или пятнышки на предмете. Сидят они на том же месте, одинаково держат голову. Их почти готов принять за мебель и думаешь, что от роду ещё не выходило слово из таких уст; а где-нибудь в девичьей или кладовой окажется просто ого-го! (Гоголь, Мертвые души, гл. V).

Чичиков, убеждая Собакевича продать мёртвые души, говорит: «Вы, кажется, человек умный, владеете сведениями образованности. Ведь предмет просто фбу-фбу. Что же он стоит? Кому нужен?» (Там же). Сказуемое фбу-фбу — наиболее экспрессивное из всех синонимов, которыми можно было бы выразить ту же мысль (ср. предмет ничтожный, ненужный, дрянь и предмет просто фбу-фбу).

Примеры сказуемых с дополнением мы уже приводили из старого языка и фольклора. Нередки дополнения при междометиях и в современном языке: *ура победителям, спасибо тебе*. В охотничьем языке употребительно *ату его*. В «Коробейниках» Некрасова читаем: «Всполошились борзители: *Ай, а-ту его! а-ту!*» Очень часто с дополнением употребляется *тьфу*: *Какой ты ду-у-бина! Какой ду-у-рачина! И, внезапно озлившись, плюнул: тьфу тебе!* (М. Горький, III, 1956). *Тьфу на тебя — и фельд-фельд вышел из кухни* (А. Степанов, Порт-Артур, 51). *Тьфу на неё, вот что!*.. (Короленко, Судный день, VI).

Исчезающее *чур* обычно употреблялось с дополнением: *чур меня... чур меня!*.. с нами невидимая сила (Аблесимов, Мельник, I, 4).

Остап: *Рыбы тут не ого-го-го!*

Тарас. *И даже не ого... Дело табак* (Корнейчук, В степях Украины, д. II).

Междометие-сказуемое может иметь при себе и придаточное предложение. Например: *Вот вы, например, ведь вы драгоценный камень, и, если вас отшлифовать... о!* (М. Горький). *Я долгое время не мог разобрать, что это такое, но когда понял... о!* (Салтыков-Щедрин, За рубежом). *Чапаев теперь — как орёл с завязанными глазами... И Фёдор взялся хоть немножко осветить, помочь ему и вывести на дорогу. Пусть не удастся, не выйдет, — ничего. Если же удастся — ого!* Революции таких людей во как надо! (Фурманов, Чапаев, гл. VI). *Велика Россия, Матвей, хороша, просторна! Велика матушка Русь! Теперь, вольная, как начнёт она по-новому-то жить, как пойдёт по всем путям — ой-гой...* (М. Горький, Жизнь Матвея Кожемякина).

Междометие-сказуемое бывает и придаточным предложением. Соединяется оно с главным обычным союзом *что*, хотя может присоединяться и без союза: *Скучно так, что ой-ой-ой* (Рылеев, Песня). *Как-то в свободную минутку оторвал Матвейка бумаги лоскуток и давай в насмешку выводить хозяина Антипу. Да так колюче, что ой-ой!* (М. Кочнев. Живые глаза). ...Такого необыкновенного леца мне в становую жилу поднёс, *важно так, что ой-ой-ой!* (Тургенев, Муму). *Воля милости вашей — а только она озорница такая — что и господи!* (Тургенев, Нахлебник, д. II). *И скажу я вам, Ольга Петровна, был ваш покойный батюшка крутой человек, та-*

кой крутой, что и прости господи (Там же). В Царском селе также всё тихо, но около такая каша, что *боже упаси* (А. С. Пушкин, Письмо Нащокину). В ту пору был начальником губернии такой зверь, *что у!!!* (С.-Щедрин, Первый рассказ подъячего).

...Дороги такие, *что фа!* (Тургенев, Уездный лекарь). Ср. украинское: Дивлюсь, аж стоїть краля така, *що тільки гм! Та й годі* (Гринченко, Сл. I, 292). Вдруг поднялся сильный вихрь — *что и боже мой!* — схватил царицу и унёс неведомо куда... Иван-Царевич покати шарик и пошёл за ним: шёл-шёл и приходит к такому дворцу, *что и господи боже мой!* (Афанасьев, Народные русские сказки, 1936, стр. 252—255).

Само собой разумеется, что междометие-предложение может входить и в состав сложносочинённого предложения. Например: *Слава богу, что вы не подписали, а то ой, ой, ой!* (А. Толстой, Нечистая сила).

Сам я сегодня был у покойницы, — то-есть не у покойницы, а.. тьфу! (Чехов, Дипломат).

Ежели б я рельсу унёс, или, положим, бревно поперёк ейного пути положил, ну, тогда, пожалуй, своротило бы поезд, а то... тьфу! Гайка! (Чехов, Злоумышленник).

В нижеследующем примере в обоих предложениях, соединённых союзом *зато*, в качестве сказуемых выступают междометия: *Настоящего ума в вас — ни боже мой, меньше, чем у скворца, зато хитрости бесовской — у-у-у! — спаси, царица небесная!* (Чехов, Ведьма).

Междометие может выступать и в качестве прямой речи:

Пришел к дьяку больной,
Говорит: *ой, ой, ой,*
Дьяче!

(А. К. Толстой, У приказных ворот).

Один раз, переписывая бумагу, он (Акакий Акакиевич — А. Г.) чуть было даже не сделал ошибки, так что почти вслух вскрикнул: «Ух!» и перекрестился (Гоголь. Шинель).

Коллежский ассессор Ковалёв проснулся довольно рано и сделал губами: бррр.., что всегда он делал, когда просыпался, хотя сам не мог растолковать, по какой причине (Гоголь, Нос).

Междометие, выступающее в роли обстоятельственного, также приобретает логическое содержание, подобно

интонации, лишены того, что для большинства междометий является основным. Когда мы говорим «войска закричали ура», мы сами можем и не испытывать чувств, которые выражаются словом «ура», мы просто утверждаем факт.

Субстантивированные междометия, как и обычные существительные, могут иметь при себе определения. Такие, как *ох* и *ах*, склоняются во множественном числе (Надоели эти *охи* и *ахи*), а *спасибо* — в единственном.

Примеры на междометия-дополнения: *Заладил своё ах да ох*. Сказал бы: *ох!* да не велит бог (Даль, Сл.). *Только детишек жалко, а о себе я и «ох» не скажу* (Шолохов, Тихий Дон, кн. IV, ч. VIII, гл. 17).

Объяснял он свой предмет мадленно, тягуче, скучно, с бесконечными «гм» и «эге» (Куприн, На переломе). В данном примере субстантивированное *гм* входит в состав обстоятельства образа действия.

Междометие-подлежащее:

Далече грянуло ура:

Полки увидели Петра.

(Пушкин, Полтава).

Вот раздался «ау!» вдалеке (Некрасов, Саша). *Эти все хи-хи, ха-ха, пенье, трусливые разговоры — мерзость!* (А. Н. Толстой, Сестры, XXI).

Эмоциональные междометия по функции в предложении приближаются часто к модальным словам и усилительным частицам, отличаясь от последних специфическим эмоциональным значением и возможностью употребляться самостоятельно. *Ах, эх, ай, ой, ох, ух, а, о, у, э, и, увы* и другие междометия вносят в предложение разнообразное содержание в зависимости от смысла всего высказывания и интонации. *Ох*, например, вносит в предложение, к которому примыкает, оттенок сожаления. В предложении *Ох, Вася, у него зарезал я телёнка!* (Крылов, Волк и Кот) *ох* выражает отношение волка к совершённому им поступку. Лишив это предложение междометия и интонации, мы получим простую констатацию факта. Восклицательное предложение вместе с тем превратится в повествовательное. Здесь *ох* является вводным эмоционально-модальным членом предложения.

Междометия как средство выражения модальности можно показать на таких предложениях-синонимах: Она, *увы*, замужем — Она, *к сожалению*, замужем. Но даже

прозаическое художественное произведение не терпит подобной замены. Поэт берёт из системы языка то, что ярче обрисовывает образ, реально показывает персонаж, подбирает соответствующие звуковые краски, в море слов-синонимов находит самое подходящее. Нельзя поэтому согласиться с В. Г. Адмони, будто «междометия менее необходимы для образования типов предложений или словосочетаний, чем местоимения и союзы» («Вопросы языкознания», № 11, 1963 г., стр. 59). Надо помнить, что язык — система, в которой нет главного или второстепенного и всё в ней подчинено выражению мысли, чувства, воли.

В последующих примерах модальность, выраженная междометиями, очевидна. Но заменить междометия вводными (модальными) словами нельзя:

Мечты, *ах*, отчего вы счастья не продлили? (Пушкин, Ушаков, Сл., I, 72). *Увы!* — он счастья не ищет и не от счастья бежит! (Лермонтов, Парус). *Увы*, на разные забавы я много жизни погубил (Пушкин). Уланы, *ах!* Такие хваты (Лермонтов, Казначейша). Терпение начинает мало-помалу лопаться, но вот — *ура!* — слышится звонок (Чехов, У телефона, IV, 500). Назавтра, чуть светать стало, Иван-Царевич проснулся, смотрит в окно — *батюшки светит!* Всё как есть сделано: золотой дворец словно жар горит (Афанасьев, Народные русские сказки, I, 261). И, встречаясь часто с такими районного масштаба стратегами, а иногда будучи вынужден и выполнять, *ох*, не мудрые их планы, я всегда вспоминал командира отряда, который поставил бронейку у своей хаты, а сам погиб в чистом поле, сражённый снарядом немецкого танка (Вершигора, Люди с чистой совестью).

Красив и раззолочен,
Но только—*эх!*
Для зуб буржуя очень
Тяжёл орех.

(Маяковский, Окна РОСТА).

Исключение междометий из данных предложений понизит их эмоциональность, скроет от нас лицо автора, его отношение к изображаемой им действительности.

Модальность выражают и другие эмоциональные междометия. Если опустить «*на-ко!*» в предложении «Муж на каторгу ушёл, а она — *на-ко!* — гуляет...» (Горький, Шабры), то останется только констатация факта. Об отношении

говорящего к факту сообщения можно судить по подбору слов (*гуллет*), по расстановке их (инверсия: «на каторгу» перед сказуемым «ушёл»). Но резкое осуждение поведения Пелагеи выражено междометием *на-ко!*, произнесённым повышенной интонацией, что на письме передаётся восклицательным знаком.

Но и тогда, когда междометие выступает в роли члена предложения, оно может служить средством выражения модальности. Вот предложение из очерков Г. Успенского «Наблюдения одного лентяя», гл. III: *Тут воров теперича напоззло—господи, боже мой!* Междометие *господи, боже мой!*, будучи обстоятельством меры или степени при глаголе «напоззло», выражает отрицательное отношение говорящего к факту сообщения, дополняя весь контекст высказывания (Это же отрицательное отношение выражено сказуемым «напоззло», безличным оборотом речи, инверсией).

То же можно сказать о предложениях с междометием *тьфу* (Его дела для меня — *тьфу!*), *увы* (Дела — *увы!*), *ох*, *ха-ха*, *караул* и др. Возьмём предложение: *Со своими-то ох, какой грозный, а дошло до дела — караул!* (Ф. Гладков, Повесть о детстве, XXXVII). Как *ох*, выступающее в роли усилительной части вместе с *какой*, содержит оттенок осуждения самодурства, так и *караул!*, выражающее беспомощность, паникёрство, осуждает эти качества. О человеке положительном так никто говорить не будет (Ср. Со своими *и-и-и* какой добрый, а с врагами *-у-у-у!* беспощаден).

Все только что упомянутые междометия, за исключением *увы* и *ура*, по их роли в предложении могут приближаться к усилительным частицам. Например, характеризуя даму приятную во всех отношениях, Гоголь пишет: — «Хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась *ух* какая юркая прыть женского характера! и хотя подчас в каждом приятном слове её торчала *ух* какая булавка...» (М. души). Здесь *ух* в сочетании с *какая* придаёт прилагательному «юркая» значение превосходной степени и усиливает метафору «булавка», приближаясь к синонимическому «очень острая булавка», «чрезвычайно злое слово».

Ух может примыкать не только к прилагательному-определению, к существительному-подлежащему, но и к сказуемому или обстоятельству: *ух жарко!.. До полдня грибы собирали* (Некрасов). *Марья, знаешь, щедровита, да работать, ух! сердита* (О н же). *Ух! Смело*

говорит! — толкнув мать в плечо, сказал высокий кривой рабочий (Горький, *Мать*, XII) (87).

Подобное эмоционально-усилительное значение имеют и другие междометия. Например: *У!* *Баловень* — тихо ворчит нянька (Гончаров, *Обломов*). *У-у, холодно!* *А весна...* (Горький). *Дух хороший от пихты-то. Нарочно её к большим праздникам привозят. Разбросают по подлабочью — эх, хорошо пахнет!* (П. Бажов).

В такой же роли эти междометия выступают в сочетании с усилительным *и*, с местоименными *какой*, *как*: *Везде было заметно такое чуть-чуть обнаруженное, такое неуловимо тонкое, у! какое тонкое!* (Гоголь). *Самолёты ой как нужны, скажи Богдану. Танки ой как нужны!* (Первенцев). *Мы могли получить ой какие увечья* (Д. Бедный). *А уж все мы ой как рады бы тебя встретить да поговорить* (Голубкова. *Два века в полвека*).

Эх и грозно, эх и сильно
Жирный немец шёл на Вильно.
Да в бою у Осовца
Был острижен как овца.

(В. Маяковский).

Знаки препинания здесь и в других примерах не отражают произношения.

Такие модели с междометием в качестве усилительной частицы, сочетаемой с усилительными *и*, *как*, *какой* и т. д., очень распространены в стилях экспрессивной разговорной речи, в языке персонажей художественной литературы.

Теоретически больший интерес представляет междометие (чаще всего предикат односоставного предложения), которое само может принимать модальную частицу. Буланов («Лес» Островского, III, 12), которому Гурмыжская показала много денег и сказала, что она отдаст их тому, кого полюбит, с глубоким вздохом произнёс: «*Ох-с!*» Это уже сложный комплекс членораздельной речи, выражающий желания, надежды, притворное подобострастие. Подобное сочетание междометия и частицы, используемое в художественной литературе XIX в. для иронической характеристики речи действующих лиц, подтверждает положение о том, что междометие содержит какое-то высказывание, которому частицей *с* придаётся почтительный характер.

А. Вельтман в повести «Саломея» пишет: «*Смущённая*

Саломея хотела выйти в другую комнату, но вдруг вошёл офицер, произнёс: «ах-с» и подошёл к ручке» (88).

Междометие *хи-хи*, выражающее подобострастный смех «тонкого» (Чехов, Толстый и тонкий), узнавшего, что его друг дослужился до тайного советника и имеет две звезды, подобно знаменательным частям речи, принимает частицу почтительности *с*:

— *Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с!*

Другой пример:

— *Вот что, вы съездите к ней — полверсты отсюда, не больше — если она даст вам записочку, то я — понятно! Ха-ха... хи-хи-с!...* (Чехов, Пустой случай).

Частица почтительности *с* употребляется и при других междометиях. Чаще всего в определённых кругах старого чиновничества она прибавляется к словам приветствия, этикета, при подобострастных ответах, восклицаниях. Герои пьес А. Н. Островского часто говорят «Здравствуйте-с», «Прощайте-с», «Слава богу-с» (Последняя жертва, 1, 5), «Атанде-с» (Свои люди — сочтёмся, 1).

Подобные сочетания междометия с частицей почтительности встречаются и у других писателей. В романе «Отцы и дети» Тургенева (гл. XVII) Тимофеич на вопрос Базарова «Отец здоров?» отвечает: «Слава богу-с». К заключительной главе «Пиковой дамы» Пушкин даёт характерный эпиграф:

Атанде!

— Как вы смели мне сказать атанде?

Ваше превосходительство, я сказал

атанде-с!

В «Рассказе моего знакомого» И. С. Никитина, пестрящем этой частицей почтительности («*ну-с*», всё *равно-с*», «*да-с!*», «*вот-с*» и др.), встречаем такой стих о герое рассказа:

«Ни боже мой-с не пьёт вина!»

В рассказе Горького «Кирилка» находим эмоциональное подтверждение с частицей почтительности: *еще бы-с!*

В языке грибоедовской Лизы («Горе от ума») употреблено утвердительное *то-то-с!*

Сочетаются с междометиями и другие частицы: *просто*, *уж*, *ведь*, *ещё*, *только*, *да и*, *всё*, *вот так*.

Примеры: *Значит, сделала какое-нибудь качество по этой, по политической части... Ну, а всё-таки... жалко, так жалко — просто, ну!* (Короленко, Чудная). Запятая после *просто* не нужна, как и в гл. IX из «Мертвых душ» Гоголя: *«Это просто, черт побери!*

Жарко, душно, мундир давит под мышками — просто смерть! (Чехов, Скучная история).

Сравнительно редким является случай сочетания междометия *ау* с частицей *уж* у А. Островского: *Уж ау, брат: прежнего не воротить* (См. Толк. словарь рус. яз. под ред. Ушакова, т. I, 70).

Ау с частицей *уж* усиливает издёвку Мурзавецкой над Купавиной: *Уж ау, матушка! Продала себя. А это нехорошо, грех* (А. Островский, Волки и Овцы, I).

Городские женщины, они ведь ой-ой-ой! (Горький, Финоген Ильич).

Едем давеча на лодке, а я думаю, мол, захотели на отдых, будто уж всё подделано. А дела те ещё у-у-у!.. (К. Федин, Необыкновенное лето, гл. XVI).

Одевает жену

Так, что только — ну-ну!

(Некрасов, Полн. собр. соч., 1948—1952 гг., т. II, 481).

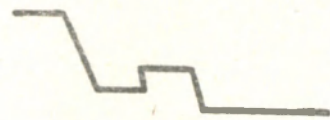
Сравним у Гоголя: *«Ну уж Попович! Уж коли кому закрутит слово, так только ну»* («Тарас Бульба», VII).

— Ты её любил... Жену-то свою?..

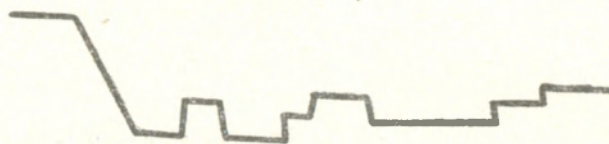
— *Любил, барин. Восьмой месяц пошёл... а не могу забыть. Гложет мне сердце... да и ну! И с чего ей было помирать-то? Молодая, здоровая!..* (Тургенев, Маша).

Люди дело, а дурак — все хи да ха, — обрезал насмешника Хруков (А. Кожевников, Живая вода).

Сила экспрессии высказывания выражается как повтором междометия и частицы, так и интенсивностью интонации. В разговорной речи встречаем *«ой-ой-ой какой»*, *«ой-ой как»*, *«ой-ой-ой какой сильный»* и т. п. Примеры: *Ой-ой-ошеньки, болят мои боченьки...* (Даль, Сл. II, 682). *Казак — дурак, мужик — свой брат, — ты его тюк, он тебя тюк, и отскочил...* А эти — такие белоручки беспощадные, *ай-ай!* (А. Н. Толстой, Хождение по мукам, ч. III, гл. 16). *И с чего же то я старая, когда я жизнь чувствую? Ох, ох, как чувствую!* (Корнейчук, В степях Украины, д. II, карт. I, слова Палашки).

Эй, пошел, ямщик!
(Пушкин)

Эй.. да это Парахинские кусты!
(Тургенев)

Знаки препинания на письме не передают интонационных связей междометия, а двойные и тройные буквы лишь в незначительной степени отражают произношение живой речи. Между тем междометие — самое богатое интонационными оттенками слово. Оно отличается от остальных слов фразы высотой, иногда силой, длительностью и своеобразным тембром. Как бы за его счет остальные слова фразы произносятся с меньшим напряжением. И в связной речи междометие сохраняет свою интонационную выразительность, выделяющую его из ряда других частей речи. Эта интонационная выразительность междометия — члена предложения и части речи — обуславливает и характерный для междометия лаконизм высказывания. Как самостоятельно употребленное, так и выступающее в качестве члена предложения междометие является синонимом одного, двух или трех слов с лексическим значением. «У, баловень!» означает: «Ты большой озорник, и за это я тебя порицаю». В предложении: «О, это была бы райская жизнь!» — о вместе с интонацией выражает не только восторг Чичикова перед идеалом жизни Манилова, но и его желание жить такой именно жизнью, стремление «попасть в тон» Манилову.

В большинстве случаев эмоциональное междометие и выполняет функцию члена предложения. В связи с этим оно выступает как своеобразный член предложения.

Нужно отграничить синтаксическую функцию императивных междометий от междометий эмоциональных (о чем уже кратко говорилось). Эмоциональные междометия, в какой бы функции они не выступали в предложении, оказывают влияние на всю его структуру. Повышая эмоциональность высказывания, выражая отношение говорящего к сказанному (модальность), эмоциональные междометия изменяют строй предложения, сокращая, уменьшая число его слов. Вместе с тем они определяют интонационную сторону предложения (см. выше).

Возьмём предложение: *Эка погодка! В легоньком пальте теперь... ай-ай!* (А. Островский, *Поздняя любовь*, д. I, I). Как интонация этого предложения, так и подбор слов, и особенно междометие определяют отношение говорящего (Шабловой) к факту сообщения. Она беспокоится, что мерзнет сын. Вместе с тем *ай-ай!* кратчайшим образом выражает то, что может быть сказано такими словами, как «очень холодно, можно простудиться, заболеть».

Междометием в определённой обстановке может быть высказано такое содержание, которое потребует нескольких слов. Митя в комедии Островского «Бедность не порок» поражён красотой Любви Гордеевны, которую, по его словам, «не можно описать»: *А как вчера в собольем салоне, покрывшись платочком, идет от обеда, так что... ах!* (д. I, 2). В главном предложении безыскусственной речи купеческого приказчика нерасчленённо, при помощи междометия выражено глубокое чувство, страстное обожание красоты, для описания которой у него других слов, кроме *ах*, не находится. Этим и определяется жизненная реальность речи одного из главных персонажей комедии.

Другой пример. В очерке В. Овечкина «Районные будни» читаем: «Хотели было перебросить Горшкова в другой отстающий колхоз, чтобы и там наладил дело, — *куда там!*» Главное предложение здесь выражено междометием-идиомом. Вместо междометия понадобилось бы не одно слово, чтобы расчленённо сообщить, почему провалилась затея районных руководителей. Можно было бы сказать: «Но ничего не вышло», «желание не исполнилось» и т. п. Однако эти слова не передали бы всей силы, всей энергии колхозников, отстаивавших своего любимого председателя. Об этой волне людского протеста и рассказывается дальше: «Колхозники ни в какую!» «Не отдадим Степана Егорыча!» Послали

ходоков в Москву — отстояли». Повествование, ярко передающее динамику событий, тоже эмоционально насыщено: очень выразительны по-народному сказанное «ни в какую»!, прямая речь с энергичным протестом и любовное «Степана Егорыча», а также бессоюзное сложносочинённое предложение с лаконичными «послали — отстояли». На фоне этого контекста междометие-сказуемое *куда там!* является наиболее целесообразным, наиболее подходящим словом, передающим стремления и настроения колхозников. Реализм описания, правда очерка заключается в этих метких, живых оборотах речи, отображающих диалектику событий, реакцию всегда остро чувствующей народной массы.

Мы видим, таким образом, что междометия являются таким же необходимым элементом стиля, средством реалистического изображения действительности, как и другие элементы языка. И они совсем не «первичны» и не рефлекторны, а являются продуктом высокоразвитого языка.

Изучение синтаксиса междометий даёт возможность установить, что они являются средством эмоционально-экспрессивного выражения наших мыслей-чувств. Говоря о том, что междометие выражает чувство, мы тем самым подчёркиваем лишь ведущее значение междометия в этом отношении. Для более раннего периода человеческой речи вопрос так не мог стоять. Мысль и чувство были нерасчленены. По этому вопросу существует ошибочное мнение не только у лингвистов, но и у философов и психологов. В ы г о т с к и й и Л у р и я (89), например, полагали, что «возгласы и междометия при работе, плач или смех, восторженные крики при победе или устрашающие при преследовании не имеют ничего общего с интеллектом, с мышлением, их корень — это простая тенденция разрядить создавшееся в организме напряжение, они не могут претендовать на большую роль, чем простые выразительные движения. Их основа эмоциональна». По мнению этих же психологов, всякая эмоциональная речь, как и речь в её простейших коммуникативных функциях, не имеет прямого отношения к мышлению. Названные психологи, как и старые философы и лингвисты, грешат не только смешением биологического и социального, но и неисторическим подходом к явлениям языка. Наблюдая нашу обыденную речь, современные возгласы, можно, конечно, сказать, что они произносятся без усилия мысли. В действительности же это является

результатом многовекового навыка, укоренившейся привычки, подобно тому как многие наши движения производятся, как принято говорить, машинально.

Мы говорим: «Он машинально открыл окно», «машинально закурил», «машинально ответил: да».

Однако из этого нельзя, конечно, сделать вывод, что на начальной стадии развития человеческого общества для подобных движений и высказываний не требовалось большого напряжения сил и способностей человека. Мы, скажем, оступились и почти бессознательно произнесли «ай!» или «чёрт возьми!» Но можно ли отсюда сделать заключение, что «ай!» и «чёрт возьми!» по происхождению рефлекторны? Конечно, нет. Они так же обусловлены, такой же продукт бытия, как и тюркское «ай» для названия месяца или луны. Когда-то и наше «чёрт возьми!» носило далеко не такой «невинный», условный характер, как теперь. Мы вовсе не отрицаем существования и рефлекторных актов у человека. Можно представить себе и произвольный нечленораздельный звук человека. Но это отнюдь не междометие. Смещение биологического и социального, отождествление членораздельного слова (*ах, ох*) с аффектом, с животным криком, искусственное выделение «первичных» междометий — моста между речью человека и животным криком — основной порок индоевропейской грамматики, породивший ряд идеалистических теорий о происхождении языка и создавший путаницу в трактовке данной категории. Не допуская существования «первичных», необусловленных междометий, мы не можем также допустить смещения речи человека и крика животного, психики человека и животного. «Ощущение, мысль, сознание есть высший продукт особым образом организованной материи» (Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, т. 14, гл. I, 1947, стр. 43). Особое качество высокоорганизованной материи, обусловленное трудовой деятельностью человека, и само явилось основой целеустремлённой деятельности человека, его речи. Этого особого качества сознания человека, скачка от животного к человеку не видят буржуазные грамматики и философы.

Наблюдения над междометиями в связной речи приводят к заключению, что они очень распространены в разговорном языке и в народной поэзии, что они придают стилю необходимую экспрессию, широту в выражении эмоциональности, а иногда и художественную законченность. Они же

в художественной литературе повышают реальность речи действующих лиц, эмоционально насыщают разговорно-бытовую лексику.

Междометие может быть любым членом предложения, конечно, трансформируясь в своём значении и в оттенках смысла. Таким образом, междометие, наряду с эмоциональностью, содержит и определённый смысл. Входя в разнообразные сочетания с другими членами предложения, междометие создаёт богатейшую синонимику стилей разговорного языка, повышает их яркость и жизненность, интонационное (а значит, и эмоционально-смысловое) разнообразие.

Литература XIX—XX вв., развивающаяся под знаком реализма, широко отразила функциональное многообразие этой категории. Междометия органически входят в структуру языка как его составная часть. Нельзя анализировать предложение, не обратив внимания на то, как междометие влияет на его структуру. Выразив междометием реакцию на какое-либо событие, переживание, на речь собеседника и т. д., говорящий иногда тут же, словами логического порядка, поясняет междометие, его интонацию, мимику, жест (См. гл. II). Но и без этого междометие раскрывает своё содержание средствами интонации. Не связанное с предложением морфологически, что обусловлено его особенностью, междометие всегда связано с контекстом интонационным. Нельзя изучать междометие без учёта смысла и строения предложения, как нельзя анализировать предложение без учёта мелодии междометия.

Этому изучению должен предшествовать не только грамматический анализ, но и стилистическое изучение междометий. И если при изучении таких частей речи, как существительное, глагол, можно грамматический анализ отграничить от стилистического, то, изучая такую «текущую» категорию, как междометие, нельзя оторвать грамматику от стилистики. Сама грамматическая схема не раскроет всех особенностей междометия, всего богатства его значений и оттенков, перехода одного вида междометий в другой и т. п. Стилистическая грамматика поможет разрешить и вопрос о классификации междометий. Стилистическая грамматика, если будет привлечён достаточный не только диалектный материал, но и факты художественной литературы (см. Шведова, 87, стр. 25—26), покажет, в каких ситуациях употребляется то или иное междометие, к

кому оно обращено, покажет и факты переходные, промежуточные.

Вот почему в следующей главе делается попытка раскрыть роль междометия в языке некоторых писателей (поскольку более полный обзор по условиям места невозможен). Но и представленные нами примеры дают возможность показать «лицо» интересующей нас категории речи.

VI. МЕЖДОМЕТИЯ В ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Историю класса междометий можно было бы проследить по грамматикам и словарям, которые обычно отражают развитие частей речи.

Однако, когда речь идёт о такой грамматической категории, как междометие, эти источники оказываются недостаточными не только для старшей поры в развитии языка, но и для XVIII и XIX вв.

Даже современные наши словари далеко не охватывают всех междометий. Толковый словарь современного русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова даёт только около 150 междометий, включая глагольные междометия типа «толк», «шась», звукоподражательные слова и фразы. Словарные статьи таких междометий, значение которых определяется интонацией, не охватывают всех значений, определяемых модуляциями интонаций. Не могут охватить словари и всех случаев образования междометий путём переходности из других частей речи.

Ещё меньше представлено междометий в более ранних словарях. Так, словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Академии наук в 1847 г., даёт менее ста междометий, причём к междометиям относит и такие глагольные междометия, как *хватъ*, *хлоп*, *чих*, *шмыг*, *юрк*, звукоподражательные слова (*кахи-кахи*, *хрю*, *хи*, *хи*, *ха*, *ха*) и песенный припев *люли*.

Вот почему лучшим материалом для изучения развития рассматриваемой нами грамматической категории являются произведения художественной литературы, особенно эпохи литературного реализма, когда художники слова овладевали искусством передачи собственной речи персонажей, считая это одной из важнейших задач, так как через речь

наиболее полно раскрывается внутренний мир персонажей, их мысли и стремления.

Художники слова XIX и XX вв., достигши высокого мастерства в передаче интонаций живой речи, естественно, привлекли и всё богатство междометий живого разговорного языка. Под их пером раскрылись основные смысловые, синтаксические и стилистические особенности междометий. Однако, как показывают наблюдения, не представленными в художественно-литературных произведениях оказались специфически производственные (пастушьи, например) и областные междометия.

А. МЕЖДОМЕТИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ (XI—XVII вв.).

Древнерусский литературный язык междометиями не богат. Памятники письменности сохранили всего несколько эмоциональных междометий: *о!* *оле!* *ох!* *увы!* *у!* *уа!*, а из императивных только *воле!*

Наиболее употребительными были междометия *о!* и *увы!* Междометия в древнерусском языке, как и в языке народной поэзии, были менее изолированными по сравнению с современным литературным языком. Обычно, кроме звательного и именительного, они сочетались ещё с родительным и дательным падежами.

В «Слове о полку Игореве» встречается только междометие *о!*, повышающее выразительность восклицаний автора в наиболее патетических местах. Чаще всего это междометие употребляется при обращении, усиливая его выразительность. Само это обращение не конкретное, а эмоциональное, характерное для ораторского стиля. Поэт обращается к русской земле, к Бояну, к русским рекам Дону, Днепру, к стихиям природы — солнцу и ветру: «*О* бояне соловю старого времени», «*о* донче», «*о* моя сыновчя игорю и всеволоде». Иногда междометие *о* вводится для повышения эмоциональности целого предложения: «*О*, далече заиде сокол птицъ бя, къ морю», «*о* стонати рускои земли помянувшѣ пръвую годину и пръвых князей!» (90).

В подобной функции междометие *о* употребляется и во многих других памятниках древнерусской письменности. В «Истории о Казанском царстве» (XVI в.) читаем: «*О* како падоша сильнии казанцы от русских людей...».

Зачастую *о* сочеталось с родительным или дательным падежом: «*О* злыя тьмы...», «*О* блаженному гробу»

(С р е з н е в с к и й, Мат, II, 494), «О скорого услышания света нашего христа бога» («Житие протопопы Аввакума»).

Реже встречаем *оле!*, синонимичное междометию *о*, но употребляемое преимущественно в памятниках с сильным влиянием старославянского языка (ср. в современном болгарском языке — *олеле* — *ох*, *увы*): «*Оле*, великое падение бысть и убивство!» (Летописная книга, приписываемая кн. И. М. Катыреву-Ростовскому). «*Оле* развращения! Ах, соблазнь велика!» (Вирш Симеона Полоцкого «Монах»). «*Оле* нам странным» («Странник Стефана Новгородца», Сказ. русск. нар., т. VIII).

Как видно из приведенных примеров, синтаксические связи междометия *оле!* такие же, как и междометия *о*.

На втором месте после *о!* по частоте употребления стоит в древнерусском языке междометие *увы*. Иногда оно употребляется как вводное предложение, повышающее эмоциональность высказывания, но чаще сочетается с родительным и дательным падежом, приближаясь по значению к группе слов, выражающих категорию состояния. Высокая степень экстаза выражается сочетанием *увы* с другими восклицаниями: *ох*, *горе*, *люте*. Контекст подобных междометных предложений также создаёт повышенную эмоциональность путём повторов, нарастания, восклицаний или риторических вопросов. Памятник начала XVII века (так называемого «смутного времени») «Новая повесть о преславном российском царстве и великом государстве Московском...» выражает гневный протест против засилья поляков в Москве, против инертности бояр и духовенства в таких риторических оборотах: «То ли вам не весть, то ли вам не повеление, то ли вам не наказание, то ли вам не писание? *Ох*, *ах!* *Увы!* *Горе*, *горе!* *Люте*, *люте!* и где идем? и камо бежим? Како не выплачемся, како не возрыдаем, како от сердца не воздыхаем, како в перси не бием?»

В «Истории о Казанском царстве» *увы* употреблено с двумя дополнениями и выступает в значении категории состояния: «*Увы* нам от тебе, *увы* иже и тебе, лживый псе, нечистый. *Горе*, *горе* нам!» В данном тексте *увы* и *горе* выступают как синонимы, второе *увы* субстантивируется, определяясь словами «иже» и «тебе». Смысл сочетания очевидно, такой: «Горе нам от тебя, но горе это же будет и тебе».

Мы уже видели, что наряду с *увы*, *горе* в древнерусской письменности употребляется и междометие *ох*, выступающее

как модальная экспрессивная частица, или в сочетании с дополнениями в родительном или дательном падеже как выражение состояния: «Паки реку: *ох*, за бесчисленные грехи наша чим нас господь не смиряет...» («Новая повесть о российском царстве»). «*Охъ* моя напасти. *Охъ* мнѣ беззаконникоу» (С р е з н е в с к и й, Мат., II, 841). «*Увы* мне грешному! *Горе* мне окаянному! *Ох* мне скверному!» («Послание царя Иоанна Васильевича игумену Кириллобелозерского монастыря», около 1578 г.).

Приближается к междометию (*увы*, *ох*) и восклицание *люте*; *о люте* грешником («Хождение богородицы»).

В евангельских текстах имеется случай употребления древнегреческого междометия *уа*, *ува* (ὠα), выражающего презрение, насмешку: «*Ува*, разоряй церковь и тремя денми созида, спасися сам и сниди со креста».

В сочетании с *люте* употребляется и междометие *у*: «*У лютѣ*, граде кровьныи», «*Оу лютѣ*, сами ся погоубихомъ, *оу горе*, сами ся прельстихомъ» (С р е з н е в с к и й, т. III, стр. 1107).

Уже в ранних памятниках письменности встречается междометие *ух*, приближающееся по значению к *ох* и *увы*: «Падохъ нищъ и възъпихъ и рѣхъ: *оухъ*, Адоиаи Гѣи» (Изборник Святослава 1073 года), «*Оухъ* мнѣ» (Т а м ж е. Примеры взяты из Матер. для словаря... И. С р е з н е в с к о г о, т. III, стр. 1330).

В XVII веке вместе с новыми жанрами литературы, в связи с проникновением в книжную речь живого разговорного языка, появляются и новые междометия.

В «Комедии о Юдифи» встречаем междометие разговорного языка *ну*, означающее упрёк, порицание, угрозу: «Сусакии. Глава моя с шеи слетит! Может ли мастер сотворити, что главам летающим быти, и я прошу, чтоб он криле моему телеси притворил, и я главу и тело на тысящу верст отрину».

Ванея. *Ну, ну!* И то учинитися может, что ворон твое воровское тело и дале пронесет».

Реже употребляется междометие *воле*. Это, может быть, единственное междометие побуждения, желания в древнерусском языке, соответствующее греческому ἄρα, ἄρα и латинскому *age*: Брате, *воле* не вѣси ли островьца мала средѣ моря (С р е з н е в с к и й, Мат. I, стр. 289).

Появляется новое, раньше не встречавшееся на письме междометие. Бывшее обращение к богу употребляется для

выражения восторга, восхищения. Так, Иосия, восхищённый красотой Юдифи, восклицает: «*О боже!* Каков сей есть ангельский образ! Не виделю никогда же в сичевой красоте...» («Комедия о Юдифи»).

В виршах и драматических произведениях Симеона Полоцкого появляется междометие *ах*:

«*Оле* развращения! *Ах*, соблазнь велика!» (Монах).

«*Ах!* Колика неволя, о мой святой боже!» (Комедия притчи о блудном сыне, ч. II).

В том же произведении впервые в литературную речь вводится рефлекс смеха для выражения насмешки, радости, удовольствия.

Вместе с записями народного творчества проникли в письменную речь в XVII в. и междометия *ай*, *ой*: «*Аи* же ты, упав (красивый) дородный добрый молодец! *Ой*, сахар мой, сахар».

Б. МЕЖДОМЕТИЯ В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА.

Уже вторая половина XVII в. даёт некоторое пополнение группы междометий. Значительно расширяется число междометий в XVIII в. Именно к этому времени относится переход русской народности в нацию, формирование русской национальной литературы — творческой лаборатории, вовлекающей в свой обиход формы народного языка и народного творчества.

Развитие междометий связано с общим процессом развития литературного языка. Новые жанры литературы (светская повесть, сатирическая журнальная литература, интермедии, стихи, комическая опера) создаются на основе нового языкового материала, в значительной степени на основе народного разговорного языка. В XVIII в. приходят в литературный язык сотни народных слов и вместе с ними десятки междометий, междометных идиомов, междометных глаголов, звукоподражательных слов.

Наряду с такими междометиями, как *о*, *ах*, *ох*, *ай*, *увы*, *ух*, *ой*, *ну*, пришедшими в письменный язык в XVII в., присявляются: *и!*, выражающее упрёк: *И*, *батька*, *старичок!* *Худой в тебе провор* (В. Майков, Басня о хулителе чужих дел), *а!* в различных значениях в зависимости от интонации, *ахти*, *охти*, *вот на*, *ба*, *тьфу*, *ага*, *ай-ай-ай*, *э*, *та-та-та-та*, *ай да*, *эх*, *эй*, *ау*.

Категория междометий пополняется идиоматическими выражениями, восклицательными фразами, фразеологическими оборотами (*вот те раз, вот на, вот те на, вот тебе на, чёрт возьми, чёрт меня возьми, чёрт их побори, чёрт знает, чёрт бы тебя взял, к чёрту, тьфу какая пропасть, создатель мой господи, господи боже мой, ах, господи боже мой, о господи, о боже мой*), а также путём интеръективации из слов обращений к воображаемой высшей силе (*господи! господи боже, чёрт, батюшки, матушки, слава богу*). Теряют своё номинативное значение и превращаются в восклицания для выражения отношений, психических состояний и такие слова, как *небо! добро! пропасть! горе! беда!*

Появляются в художественной литературе и заимствованные из других языков междометия: *караул!*, употреблённое В. Майковым в «Елисе» и позже И. А. Крыловым в «Проказниках» (1788 г.), *браво*, встречающееся в драматических произведениях Фонвизина (в «Бригадире» *Bravissimo! Bravissimo!*), у Крылова (в «Сочинителе в прихожей»: «*Браво, господин Рифмохват!*»), *шах!* (восклицание в шахматной игре — Фонвизин, «Бригадир»), *эвоа* (цыганское, в стих. Г. Р. Державина «Цыганская пляска»).

Больше всего появляется междометий, заимствованных из французского языка и характерных для дворянского жаргона. Этот же жаргон петиметров, щеголей и щеголих, жаргон салонов и высмеивает литература XVIII в. Только в «Бригадире» Фонвизина находим: *Helas! Dieu! adieu! Pardieu! grand dieu!*

В сатирической комедии «Проказники» Крылов употребил *Parbleu! Diable m'emporte! Pardonnez! Que diable! Ан-гард!*

Из французского языка заимствованы слова дрессировки: *пиль, шерш, куш, аванс, иси, тубо*.

Хотя словарь междометий XVIII в. количественно нельзя признать особенно богатым, однако удельный вес его значителен ввиду частой повторяемости таких междометий, как *о, ах, увы* и т. п. Большое количество таких междометий содержат стихи Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Майкова, Богдановича, Державина, Дмитриева. В «высоком стиле» междометие *о* встречается в каждой оде по несколько раз. У Ломоносова в «Оде 1747 года» *о* употреблено семь раз, *ах* — два раза, в «Оде 1746 года» *о* встречаем девять раз, в «Письме о пользе стекла» —

11 раз. Даже у Державина, ломавшего стиль классицизма, таких междометий значительное количество.

В XVIII в. интонация этих простых междометий становится разнообразнее, сфера их употребления расширяется. Междометие *о*, например, у Ломоносова выражает не только искренний восторг, но и ироническое отношение к чему-либо:

О коль в свете ты блаженна,
Борода — глазам замена! и т. д.

В запрещённом и ненапечатанном журнале Фонвизина «Друг честных людей или Стародум» (1788) в блестящей сатире на придворные нравы — во «Всеобщей придворной грамматике» на вопрос: «Что разумеешь ты через гласных?» даётся такой ответ: «Через гласных разумею тех сильных вельмож, как по большей части самым простым звуком, через одно отверстие рта, производят уже то действие, какое им угодно. Например; если большой барин, при докладе ему о каком-нибудь деле, нахмурясь скажет: *о!* — того дела вечно сделать не посмеют, разве как-нибудь перетолкуют ему об оном другим образом, и он, получа о деле другие мысли, скажет тоном, изъявляющим свою ошибку: *А!* — тогда дело обыкновенно в тот же час и решено» (91).

Другим междометием, пользовавшимся большим успехом в произведениях литературы XVIII в., было *ах!* В стиле классицизма оно усиливало выражение восторга, удивления, сожаления, желанья чего-нибудь и т. д.: *Ах*, если б жизнь её продлилась... (Ломоносов, Ода 1747 года).

Сожаление, печаль всегда выражались при помощи междометия *ах*. В небольшом стихотворении «Идиллия» А. Сумароков употребил его пять раз.

Особенно широко *ах* употреблялось в языке салонов, в жеманном языке щёголей и щеголих, в стиле сентиментальной литературы. Недаром сатирический журнал Новикова «Живописец» (лист 10), типизируя отрицательные явления современности подбором характерных слов, на первом месте поставил *ах* («Опыт модного словаря щегольского наречия»).

Естественно, что большой удельный вес имеет *ах* в повестях Карамзина. В «Бедной Лизе» *ах* употреблено двадцать восемь раз! Здесь оно усиливает выражение радости, восторга, печали, горечи, изумления, удивления, испуга, горя, отчаяния, лёгкой досады, упрёка и других чувств.

Недаром поэты нового направления, поэты-радищевцы, критикуя сентиментализм, указывали и на неизменную принадлежность лексики сентиментализма — междометия *ах* и *увы*.

Поэт Н. Остолопов в стихотворении «Признание» (1805 г.) писал:

К читателям летят лишь *ахи* и *увы*,
Для сердца и ума ужасное страданье!..

Совсем другой характер имеют междометия в стиле комической оперы. В произведении из крестьянской жизни, в «Анюте» М. П. Попова, может быть, несколько грубо натуралистически показана тяжёлая жизнь крестьянства. Стилю, лексике этой оперы соответствуют и междометия *охти*, *ахти*, *ох*, *ну*, *а! вот на, добро! ух, хе!* Опера и начинается предложениями с трудовыми звукоподражаниями и специфически крестьянскими междометиями, отражающими тяжёлый труд и жизнь крепостного крестьянства:

«Мирон один рубит дрова и голосом следует за ударами:
га!., га!., га!..

Бросает топор и несколько отдыхает:

Ух! Как же я устал:
А дров ещё не склал.
Охти, охти, крестьяне!
Зачем вы не дворяне?»

Ах здесь имеет совсем другой характер по сравнению со стилем сентиментализма. Три раза оно употреблено при возражении (*Ах, нет!*), один раз для усиления ругательства (*Ах, ты мерзавец!*).

Наиболее разнообразно междометия в XVIII в. представлены в драматических произведениях. Уже в развлекательных «интермедиях» встречаем такие, новые для XVIII в., междометия, как *фу* (*Фу*, как дух сшибает! Интермедия 6-ая), *аха! охо! аха, ха! охо, хо!*, *здравствуй, спасибоста* (*спасибаста*, жёнушка!), *ахти*.

Разнообразнее междометный словарь в комедиях Фонвизина «Бригадир» и «Недоросль».

В «Бригадире» в противовес уже упомянутым междометиям офранцуженного недоросля Иванушки даются народные междометия: *эк, чёрт возьми, чёрт побери, вот на, и! ба! тьфу! ох! ха, ха, ха! слава богу, о господи, боже мой! а!*

Ах встречаем только в речи жеманной советницы: «Ах, жизнь моя!» «Ах, что я вижу!» «Ах, душа моя». «Ах! Как несносно признаться в своей страсти!»

Значительный шаг вперёд в создании естественного языка комедии представляет «Ябеда» В. В. Капниста. Наряду с простонародным словарём, пословицами и поговорками, в комедии употребляются естественные для живого языка междометия. Очень часто встречаются в комедии такие междометия, как *ну* (в разных значениях), *тьфу*, *тьфу пропасть*, *ба*, *ха*, *ха*, *ха*, *вот на*, *вот те на*, *ахти*, *беда*, *здорово*, *спасибо*, *ой! ой!* (в значении упрёка); *а!* и *о!* употребляются в комедии при выражении упрёка, укоризны, при припоминании и т. д.

Расширили междометный словарь и прогрессивные сатирические журналы XVIII века, в которых принимали участие Ломоносов, Фонвизин, Крылов, Радищев.

Сатирические журналы XVIII в. очень широко использовали эпистолярную форму, диалоги, что обусловило живость и непосредственность стиля, естественное, умеренное употребление междометий. Высмеивается в сатирических журналах жаргон щёголей и щеголих, приправляемый междометиями *ах*, *фуй* (*Фуй!* Как это неловко, муж растрёпан от жены; это, радость, гадко. «Живописец», лист 10), *ха*, *ха*, *ха!*

В безыскусственную речь разных персонажей — крестьян, деревенских помещиков-крепостников введены такие междометия, как *и!* (*И!* Родимый! сказал крестьянин, — как не работать в воскресенье!) *охти*, *нутка*, *то-то*, *вот те на*, *кой чёрт*, *чёрт возьми*, *ого! э!* *полно!* (в значении междометия), *ну* (в разных значениях), *чур*, *прости господи*, *эй* (в значении предупреждения: *Эй*, сынок, спохватись — «Живописец», лист 25) и другие уже упомянутые нами междометия.

Междометия в сатирических журналах не переносят речь, они лишь делают её более естественной, живой, непринуждённой. Мы не встречаем в них высокопарного восторженного *о!*, оно употребляется лишь в значении успокоения, упрёка, предупреждения, поощрения, догадки (Ты пастух? — вскричал с удивлением Каиб. — *О!* ты должен прекрасно играть на свирели — Крылов, Каиб). *А!* употребляется для обозначения догадки, для подтверждения.

Практикой употребления междометий сатирические журналы подготовили почву для использования этой категории

в художественной литературе XIX в. С работой этих журналов тесно связана и литературная деятельность молодого Крылова. О Крылове, как предшественнике Пушкина, нужно говорить, не только имея в виду его басни, но и всю его литературную и журнальную деятельность (92).

Изучая междометный словарь Крылова, мы убеждаемся, что Крылов, завершая XVIII век, открывает начало XIX века, он, может быть, даже больше принадлежит XIX веку.

Язык Крылова богат и разнообразен, богат и его междометный словарь. И это богатство писатель черпал из народного языка, отталкиваясь от пустой подражательности, порицая засорение русского языка иностранными словами. Употреблением в комедии «Проказники» таких междометий, как *Parbleu! Diable m'emporte! Que diable! Pardonnez!*, и другими средствами Крылов высмеивает пустое подражание. Его междометный словарь закрепился в литературе до наших дней. В него входят *ай, ах, ой, ох, о, а, ну, и, э* в самых разнообразных значениях.

Расширяется у Крылова состав междометий, перешедших из других частей речи, из идиомов. Много междометий, связанных с богом и чёртом, Крыловым взято из народного языка.

Междометный характер приобретают у Крылова такие восклицательные предложения, как *беда, небо!, о, небо!, как!, так!, то-то!, добро!*, идиомы *вот на, вот те на, вот те раз*. Часто в творчестве Крылова употребляются многозначное *ну*, междометие неожиданности *ба, уф* (усталость), *а!, ага!* (при догадке), междометия обращения, призыва *эй, гей*, упрёка *эх, фи* (у жеманниц), одобрения *ай* (*ай моська!*), простонародные *ахти, охти, ой-ой* при удивлении, догадке, неожиданности, *о, го* (догадка), *ого!* (при восхищении), *чу, уф, ух* (при испуге, усталости), *та-та-та-та!*.. (при догадке).

Встречаются у Крылова и междометие *ура*, междометие одобрения *браво*, междометие насмешки *ха, ха, ха*, приветствия *здорово, здравствуйте, прощай (те), исполать*; немногочисленные пока императивные междометия: *караул, тсс* (тише), *ну* (при побуждении), междометие призыва *ау*, междометия этикета: *спасибо, извините*, удовлетворения: *слава богу! славно!* реже междометие *увы*.

Особенно высокого мастерства достигает практика употребления Крыловым междометий в баснях. Междометия вносят в басни определённый смысловой оттенок, придают

им живость и естественность. Как естественны, например, у Мартышки (басня «Мартышка и очки»), которая истомилась бесплодной возней с очками, «*тьфу пропасть!*» Именно эти резкие слова, определяющие настроение Мартышки, вызвали и её крайний поступок: «О камень такхватила их, что только брызги засверкали». Такие междометия отвергались писателями карамзинской школы как «низкие», «площадные» (93).

В басне «Стрекоза и Муравей» очень естественна выраженная при помощи А реплика муравья, содержащая упрёк стрекозе: «А, так ты...»

Предельна по лаконизму басня «Чиж и Голубь»:

Чижа захлопнула злодейка-западня:
Бедняжка в ней и рвался, и метался,
А голубь молодой над ним же издевался.
«Не стыдно ль», — говорит: «среди бела дня
Попался!

Не провели бы так меня:
За это я ручаюсь смело».
Ан смотришь, тут же сам запутался в силок.

И дело!

Вперёд чужой беде не смейся, Голубок.

Здесь среди народных слов особенно выделяются противительный союз *ан* (*Ан смотришь, тут же сам запутался в силок*), выражающий, кроме противопоставления, и неожиданность действия, и восклицание *и дело!*, выступающее в значении междометия. В этом восклицании выражается удовлетворение тем, что такое же несчастье постигло и насмешника-Голубя. Только народный язык способен в таком сгущённом слове-слитке передать и мысль и настроение. Эта междометная фраза и выражает основную идею произведения. Поэтому она и выделена в отдельный стих, подчёркивающий её смысловую и интонационную весомость.

Толковые словари XVIII в. не фиксируют ещё всех употребляемых в то время междометий, всех оттенков их значений. Даже «Словарь Академии Российской» 1789 года даёт немного междометий, вошедших уже в литературный обиход XVIII в. Это и понятно. Скупно отразив живую народную речь, словарь не отразил междометий, образовавшихся путём перехода из других частей речи.

По употреблению междометий резко отличаются первая и вторая половина XVIII в. Первая половина в этом отно-

шении продолжает с некоторыми изменениями традиции XVII в., вторая половина XVIII в. предваряет XIX век. Только отказавшись от узких рамок классицизма, сентиментализма, романтизма, отбросив их каноны, преодолев влияние иноземных стилей, вступив на путь народности, русская литература стала создавать самобытные общенародные образцы, нужное народу содержание, создавать общенародный язык.

В. МЕЖДОМЕТИЯ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

I.

Рядом с Крыловым стоит его младший современник А. С. Грибоедов, автор знаменитой комедии «Горе от ума». «Язык басен Крылова есть прототип языка «Горе от ума» Грибоедова», — писал В. Г. Б е л и н с к и й. Общий языковой принцип — борьба с галломанией, пустой подражательностью, с засорением языка без надобности заимствованиями, стремление к созданию самобытного общенационального языка определили близость Крылова и Грибоедова. Грибоедов (как и Крылов) высмеивает «смешенье французского с нижегородским», употребление жеманницами-княжнами французских фраз, междометий: «Eh, von soir!», «Ah grand'tataп...».

«Чисто русский колорит» языка у Грибоедова поддерживается всегда естественно употреблёнными междометиями.

Ах употребляется Грибоедовым в самых разнообразных случаях и положениях: при досаде (*Ах!* Этот человек всегда причиной мне ужасного расстройства!), при восторге (*Ах!* прелесть!), при удивлении (*Ах!* Александр Андреич, вы ли?), при смятении (*Ах!* боже мой! упал, убился!), при радости (*Ах,* боже мой, ужли я здесь опять) и т. д. В речи княжон *ах* характеризует их сентиментально-неестественную речь, искусственную манерность (3-я княжна: Какой эшарп *coisir* мне подарил! 4-я княжна: *Ах!* да, барежевый! 5-я княжна: *Ах!* прелесть! 6-я княжна: *Ах!* как мил!).

Многообразно значение в комедии слова *ну*. Оно употребляется при упреке (*Ну* бал! *Ну* Фамусов! умел гостей называть!), при лёгком упреке с одобрением или удивлением (*Ну* выкинул ты штуку! Три года не писал двух слов! И грянул вдруг как с облаков), при извинении (*Ну!* я не

им живость и естественность. Как естественны, например, у Мартышки (басня «Мартышка и очки»), которая истомилась бесплодной возней с очками, «*тьфу пропасть!*» Именно эти резкие слова, определяющие настроение Мартышки, вызвали и её крайний поступок: «О камень такхватила их, что только брызги засверкали». Такие междометия отвергались писателями карамзинской школы как «низкие», «площадные» (93).

В басне «Стрекоза и Муравей» очень естественна выраженная при помощи *А* реплика муравья, содержащая упрёк стрекозе: «*А, так ты...*»

Предельна по лаконизму басня «Чиж и Голубь»:

Чижа захлопнула злодейка-западня:
Бедняжка в ней и рвался, и метался,
А голубь молодой над ним же издевался.
«Не стыдно ль», — говорит: «среди бела дня
Попался!

Не провели бы так меня:
За это я ручаюсь смело».
Ан смотришь, тут же сам запутался в силок.
И дело!

Вперёд чужой беде не смейся, Голубок.

Здесь среди народных слов особенно выделяются противительный союз *ан* (*Ан* смотришь, тут же сам запутался в силок), выражающий, кроме противопоставления, и неожиданность действия, и восклицание *и дело!*, выступающее в значении междометия. В этом восклицании выражается удовлетворение тем, что такое же несчастье постигло и насмешника-Голубя. Только народный язык способен в таком сгущённом слове-слитке передать и мысль и настроение. Эта междометная фраза и выражает основную идею произведения. Поэтому она и выделена в отдельный стих, подчёркивающий её смысловую и интонационную весомость.

Толковые словари XVIII в. не фиксируют ещё всех употребляемых в то время междометий, всех оттенков их значений. Даже «Словарь Академии Российской» 1789 года даёт немного междометий, вошедших уже в литературный обиход XVIII в. Это и понятно. Скупое отразив живую народную речь, словарь не отразил междометий, образовавшихся путём перехода из других частей речи.

По употреблению междометий резко отличаются первая и вторая половина XVIII в. Первая половина в этом отно-

шении продолжает с некоторыми изменениями традиции XVII в., вторая половина XVIII в. предваряет XIX век. Только отказавшись от узких рамок классицизма, сентиментализма, романтизма, отбросив их каноны, преодолев влияние иноземных стилей, вступив на путь народности, русская литература стала создавать самобытные общенародные образцы, нужное народу содержание, создавать общенародный язык.

В. МЕЖДОМЕТИЯ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

1.

Рядом с Крыловым стоит его младший современник А. С. Грибоедов, автор знаменитой комедии «Горе от ума». «Язык басен Крылова есть прототип языка «Горе от ума» Грибоедова», — писал В. Г. Б е л и н с к и й. Общий языковой принцип — борьба с галломанией, пустой раздражительностью, с засорением языка без надобности заимствованиями, стремление к созданию самобытного общенационального языка определили близость Крылова и Грибоедова. Грибоедов (как и Крылов) высмеивает «смешенье французского с нижегородским», употребление жеманницами-княжнами французских фраз, междометий: «Eh, воп soir!», «Ah grand'taman...».

«Чисто русский колорит» языка у Грибоедова поддерживается всегда естественно употреблёнными междометиями.

Ах употребляется Грибоедовым в самых разнообразных случаях и положениях: при досаде (*Ах!* Этот человек всегда причиной мне ужасного расстройства!), при восторге (*Ах!* прелесть!), при удивлении (*Ах!* Александр Андреич, вы ли?), при смятении (*Ах!* боже мой! упал, убился!), при радости (*Ах,* боже мой, ужли я здесь опять) и т. д. В речи княжон *ах* характеризует их сентиментально-неестественную речь, искусственную манерность (3-я княжна: Какой эшарп cousin мне подарил! 4-я княжна: *Ах!* да, бережевый! 5-я княжна: *Ах!* прелесть! 6-я княжна: *Ах!* как мил!).

Многообразно значение в комедии слова *ну*. Оно употребляется при упреке (*Ну* бал! *Ну* Фамусов! умел гостей называть!), при лёгком упреке с одобрением или удивлением (*Ну* выкинул ты штуку! Три года не писал двух слов! И грянул вдруг как с облаков), при извинении (*Ну!* я не

знал, что будет из того Вам ирритация), при размышлении с неодобрительным выводом (Лиза. *Ну!* люди в здешней стороне! Она к нему, а он ко мне), при побуждении (Эй! Филька, Фомка, *ну*, ловчей!), при оценке (*ну*, жалкий же ездок).

Естественно употребление в речи различных персонажей комедии и других междометий: *А!* — для выражения приветствия (*А!* Александр Андреич, просим...), догадки (*А!* знать ко мне пошёл в другую половину), *Эх* — при упреке (*Эх!* Александр Андреич, дурно, брат!), при сожалении о прошедшем (*Эх!* братец! славное тогда житьё-то было).

В комедии представлены и другие междометия: *эй*, *о* (Княгиня: Бо-гат? Наталья Дмитриевна: *О*, нет! *О!* диво!), *э* (*Э!* брось!), *ох*, *тьфу*, *тьфу пропасть*, *фу*, *господи прости*, *то-то*, *ба*, *ух*, *боже мой*, *ах* *боже мой*, *вот на*, *чур*, *беда*, *здорово* (приветствие), *помилуйте* (возражение: *Помилуйте*, мы с вами не ребята).

Междометия служат дополнительным средством обрисовки действующих лиц, характеристики их речи.

Междометиями изобилует речь Репетилова, человека, способного только «шуметь». Вот он второпях упал, встретился с Чацким, затараторил:

«Тьфу! оплошал. *Ах*, мой создатель!

Дай протереть глаза; откудава? приятель!..»

Он уговаривает Чацкого в полночь ехать в клуб:

«Ах! Alexandre! У нас тебя не доставало...

Э! брось! кто нынче спит? *Ну*, полно, без

прелюдий!..»

Насыщенность речи Репетилова междометиями отражает характерные черты этого «столичного Ноздрёва». Пустая восторженность естественно выливается в восклицания, междометия. У Репетилова всё преувеличено, о своих знакомых в клубе он восклицает:

Что за люди! топ шер! Без дальних я историй

Скажу тебе: во-первых, князь Григорий!..

Ты не знаком? *О!* познакомься с ним.

Другой Воркулов Евдоким,

Ты не слыхал, как он поёт? *О!* Диво!..

Вот люди, есть ли им подобные? Навряд,

Ну, между ними я, конечно, зауряд...

Ах! Скалозуб, душа моя...

Продолжая упрашивать Чацкого поехать с ним, он замечает:

У князь Григория теперь народу тьма,
Увидишь человек нас сорок,
Фу! сколько, братец, там ума!

Репетилов не может просто сказать «проиграл много денег», он употребляет экспрессивную конструкцию — придаточное определительное предложение, выраженное междометием: «Ему и ей какие суммы спустил, *что боже упаси*». Употребление им междометий так же закономерно, как и подбор других выражений: «пускался в реверси» вместо «играл в реверси», «шиш» вместо «ничего» и т. д.

В речи Репетилова встречаем ещё такие междометия: *ах, тьфу, царь небесный, прах его возьми*.

Разнообразна речь Фамусова, московского барина, не стесняющегося в выражениях. Он груб со слугами, бесцеремонен в разговоре с дочерью и Чацким, угодлив со Скалозубом, подобострастен перед стоящими выше.

Упрёки Чацкому Фамусов приправляет междометиями: *Эх, Александр Андреич, дурно, брат!*, *тьфу*. Вот *то-то*, все вы гордецы! *Ах! Боже мой!* он карбонарий! Последним междометным восклицанием и заканчивается комедия:

Ах! боже мой! что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!

В этом двестишестидесятом, начинающемся междометием, выражена основная характерная черта Фамусова.

Особенно восторгается Фамусов подхалимом Максимом Петровичем. Его восторг находит свое выражение в восклицаниях и междометиях:

«Кто пред всеми знал 'почёт?
Максим Петрович! *Шутка!*
В чины выводит кто? и пенсии даёт? —
Максим Петрович! *Да!* Вы, нынешние —
нутка!»

Междометием *ох* Фамусов подкрепляет свою примитивную философию (*Ох, род людской...*), свои споры с Хлестовой (Как раз четыреста, *ох!* спорить голосиста!).

Заигрывая с Лизой, барин восклицает: «*Ой!* зелье, баловница», а услышав голос дочери, на цыпочках крадётся из комнаты со словом «*тс!*» Эти жесты, междометия и

эпитеты помогают обрисовать образ важного барина Фамусова в интимном быту.

Органически входят в колоритную речь Фамусова *гм*, *ба*, *марш*, *ну вот*.

Есть в комедии действующее лицо, изъясняющееся только междометиями. Это князь Тугоуховский. Глухой, почти потерявший дар речи, он отвечает двусложными с восклицательным или вопросительным оттенком *а-хм*, *э-хм*, *и-хм*, *у-хм*, *о-хм*. Проф. Б. Томашевский видит в последнем междометии оттенки «*гм*». Грибоедов, — пишет он, — «с его тонким и точным слухом, уловил в этом междометии разные оттенки, отметив гласный, которым окрашивается этот двусложный неопределенный звук» (94).

Интересна деталь употребления междометных выражений в языке Лизы. Вынужденная по своему положению, подобно Молчалину, употреблять частицу почтительности «с», она прибавляет её даже к междометным и восклицательным фразам: *Вот то-то-с*, *Да полноте-с!*

Таким образом, междометия, как и другие лексические элементы комедии, являются неотъемлемой частью речевой характеристики каждого из персонажей, средством типизации их речи.

2.

Междометия у А. С. Пушкина богаче и разнообразнее чем у его предшественников, практика употребления их Пушкиным не претерпела существенных изменений до наших дней.

Междометие *ага!*, например, имеет в творчестве Пушкина все известные нам и сейчас оттенки значения: догадку, радостное удивление, угрозу, вывод. Стихотворение «Румяный критик мой, насмешник толстопузый» заканчивается таким обращением к критику:

Куда же ты? — В Москву — чтоб графских
именин

Мне здесь не прогулять.

— Пстой! — а карантин!

Ведь в нашей стороне индийская зараза.

Сиди, как у ворот угрюмого Кавказа

Бывало сиживал покорный твой слуга;

Что, брат? уж не трунишь, тоска берёт — *ага!*

Нужно прочитать всё стихотворение, чтобы оценить выразительность этого заключительного слова. Критик, к которому обращается поэт, — это критик карамзинского толка, проповедующий идиллию сельской жизни, благоденствие крестьян «на лоне природы». Поэт показывает ему настоящую, пребывающую под крепостным ярмом деревню. Междометие *ага!* усиливает социальный смысл стихотворения, подчёркивает его идею, ярко выражает отношение поэта к своему идейному противнику.

Расширяется в творчестве Пушкина значение междометия *гм*. Оно усиливает тонкий пушкинский юмор, выраженный в 20-й строфе четвёртой главы «Евгения Онегина», когда речь идёт о родне:

Гм! Гм! Читатель благородный,
Здорова ль ваша вся родня?

Только вся строфа о родных раскрывает интонационную и смысловую выразительность этого *гм*. Повторение, слоговой характер в стихе и восклицательные знаки не могут передать всех характерных для живой речи оттенков *гм*.

Междометия у Пушкина всегда входят в строй его речи как органическая часть, каждый персонаж говорит у него своим языком, у каждого свои слова, свои языковые интонации и жесты. Персонажи из народа имеют свой лексикон, свои междометия. Возьмём полную социального смысла народную сцену на Девичьем Поле в трагедии «Борис Годунов». Баба унимает ребёнка:

Агу! не плачь, не плачь; вот бука, бука
Тебя возьмёт! *агу, агу!*.. не плачь!

Народ должен со слезами просить Бориса принять венец, но никому не плачется. Чтобы сбздать видимость плача, один просит лука, другой слюной мажет глаза. Баба (с ребёнком):

«Ну, что ж? как надо плакать,
Так и затих! вот я тебя! вот бука!
Плачь, баловень!»
(Бросает его об землю. Ребёнок пищит).

Сцена завершается междометным «*Ну, то-то же*», до конца раскрывающим истинные чувства народа по отношению к царю.

В той же сцене в беседе персонажей из народа употреблено восклицание *куды!*

Один: Нельзя ли нам пробраться за ограду?

Другой: Нельзя. *Куды!* и в поле даже тесно,
Не только там. Легко ли? Вся Москва
Сперлася здесь...

И *куды!*, и такие слова, как «сперлася», «легко ли», и синтаксический строй речи составляют одно целое, соответствующее реальной действительности. Пушкин не сразу употребил форму «куды». Первоначально была литературная форма «куда».

Встречаются междометия и в сцене «Корчма на литовской границе». Варлаам, балагур и весельчак, говорит Григорию: *Эй, товарищ!* Да ты к хозяйке присуседился. Знать, не нужна тебе водка, а нужна молодка, *дело, брат, дело!*.. Междометием *дело* Варлаам как бы одобряет поступки Григория.

Совсем иначе говорит Варлаам с пограничной стражей. Ханжеский характер его речи обуславливает и иной смысл восклицаний «беда», «грех», приближающихся по значению к междометиям. Особенно характерно притворное *ох*, усиливающее значение слова «плохо».

В речи приставы междометия обусловлены также ходом действия и характером его речи. После обычного приветствия «Здорово, хозяйка!» пристав восклицает: «*Ба!* да здесь попойка идет; будет чем поживиться». Междометие *ба* хорошо передаёт радостное удивление любителя выпить — приставы.

Междометием *вот на!* пристав выражает своё удивление: грамотным оказался не кто-нибудь из монахов, а молодой парень — явление необычное для того времени, когда ни приставы, ни монахи часто не умели писать.

В повести «Капитанская дочка» «комендантша» Василиса Егоровна Миронова говорит народным языком. Междометия соответствуют всему складу ее речи. «*Батюшки, беда!*» восклицает она, сообщая о взятии Пугачёвым Нижнеозерной крепости. Когда муж предлагает уехать из крепости, она говорит: «*И, пустое!* — Где такая крепость, куда бы пули не залетали? Чем Белогорская ненадёжна? *Слава богу*, двадцать второй год в ней проживаем» (гл. VI). На предложение мужа отправить Машу комендантша отвечает: «*Добро*, так и быть, отправим Машу». Другие употреб-

лённыe Василисой Егоровной междометия также соответствуют строю её речи. Таковы: *господи, владыко, господи боже мой, ах, мои бабушки!, прости бог, и, полно, то-то.*

В других произведениях Пушкина персонажи из народа также пользуются междометиями, характерными для народного языка: *ай-да* (одобрение: *Ай да мёд!* — «Русалка»), *вот уж!* (угроза — «Сказка о царе Салтане»), *бог с тобою* (приветствие — «Сказка о рыбаке и рыбке»), *эхе!* (эмоциональная констатация факта):

И ухо стал себе почёсывать народ
И говорить: «*Эхе!* да этот уж не тот»
(«Анжело»).

В эпиграмме на Карамзина просторечным междометием и усиливается отказ слушать рассказ о князьях, царях и царицах:

— И, бабушка, затеяла пустое!
Докончи нам «Илью-богатыря».

В ранних лицейских стихах Пушкина, как и в некоторых позднейших его произведениях, встречаются междометия, характерные для классицизма и сентиментально-романтического направления: *о!, ах!, увы!, чу!* Однако в зрелых произведениях употребление этих междометий закономерно связано с содержанием. При описании, например, гаданья Татьяны в пятой главе «Евгения Онегина» употребление *чу* стилистически оправдано: им передаётся внутреннее состояние Татьяны, её насторожённость:

Чу... снег хрустит... прохожий; дева
К нему на цыпочках летит...

Описывая гаданье Татьяны, Пушкин пользуется кое-чем из лексики «Людмилы» Жуковского (как и словом «*чу*»), однако даёт принципиально новое освещение сцене гаданья. Поэт, хоть и любовно описывает предрассудки Татьяны, но не придерживается их. Совсем другой тон описания гадания у Жуковского — «поэтического дядьки чертей и ведьм».

Также оправдано употребление *чу* в стихотворении Пушкина «Ночной зефир струит эфир»:

Вот взошла луна золотая,
Тише... *чу...* гитары звон...
Вот испанка молодая
Оперлася на балкон.

Содержанию стихотворения соответствуют такие слова, как «луна», «златая», «гитары звон», «испанка молодая», «балкон». И в одном ряду с ними стоит и слово «чу».

Но не эти междометия характерны для Пушкина-реалиста. Пушкин расширил категорию междометий литературного языка, привлекая их из языка народного, расширил способы применения междометий, создал стилистику пользования ими.

В стиле Пушкина, кроме названных, находим ещё такие междометия: *эхе, э-хе-хе, гей, вот ещё, куда!, батюшки!, боже праведный, ого, и, полно, как не так, страх! бог с тобою, шутка!*

Пополняется Пушкиным группа императивных междометий: *агу!, брысь!, пади!, караул!, у!* (крик утрашения).

Пушкин расширил и синтаксис междометий. Они у него выступают в функции:

- а) частицы («*Аи да квас!*»),
- б) сказуемого («девица — *хи-хи-хи!* да *ха-ха-ха!*»),
- в) придаточного определительного предложения («такая каша, что *боже упаси!*»).

Элементы народности в языке и литературе, получившие начало в XVIII в., нашли своё наиболее полное развитие в творчестве Пушкина.

3.

В стихах и прозе Лермонтова очень часто встречаются традиционные междометия: *о* (в самых разнообразных его значениях), *ух, увы, чу*. Междометный словарь у Лермонтова менее разнообразен, чем у Пушкина, однако он ввёл в литературный обиход из народного языка и профессиональных диалектов ряд новых междометий: *баста!* («Маскарад», сц. I, вых. 2), употребляемое при карточной игре, *ва банк!* (также при карточной игре), *марш, марш* (Поле Бородина), *баюшки-баю*.

Больше, однако, использовано Лермонтовым из разговорного языка междометий, образованных из восклицаний, идиомов. Это главным образом обращения к воображаемой высшей силе: *боже правый, боже сохрани, о мой создатель, боже мой, святые отцы, ад и проклятие*, франц. *sacre dieu, что за чёрт, какой чёрт, чёрт его поberi*. Находим у Лер-

монтова и междометия, образованные из других частей речи, например, *Да что!*:

— Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... *Да что!* Моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен

(«Завещание»);

«Помилуй!» (при горячем доказательстве чего-либо):
«Ты решительно не хочешь познакомиться с Лиговским?» — сказал он (Грушницкий) мне вчера.

«Решительно».

«Помилуй!» самый приятный дом на водах!..»

Это же междометие употребляет Печорин, возражая Грушницкому: «Другое дело, если бы я носил эполеты...»

— *«Помилуй!»* да этак ты гораздо интереснее!..» (Герой нашего времени, II, Княжна Мери).

4

Общеизвестно великое мастерство Н. В. Гоголя индивидуализировать речь персонажей, передавать живую речь со всеми свойственными ей лексическими и интонационными особенностями. Неотъемлемым, незаменимым элементом в речи гоголевских персонажей являются междометия. Так, нельзя представить себе городничего, его жену и дочь, Чичикова, Ноздрёва, Манилова и др. без их характерных жестов, без типизирующих восклицаний. Междометия у Гоголя служат средством не только оживления речи персонажей, изображения их характеров, но и создания комических или сатирических ситуаций. Возьмём для примера третье явление первого действия «Ревизора». Вбегают Бобчинский и Добчинский, перебивая друг друга: «Э, позвольте, Петр Иванович, я расскажу. Бобчинский: — Э, нет, позвольте уж я..., «Э, не перебивайте, Петр Иванович, пожалуйста не перебивайте...». Но тут же э выступает в другом значении и с другой интонацией как междометие догадки: «Э!» говорю я Петру Ивановичу... Добчинский: Нет, Петр Иванович, это я сказал: «э!» Бобчинский: Сначала вы сказали, а потом и я сказал. «Э!» сказали мы с Петром Ивановичем.

В конце комедии Гоголь усиливает комический момент новым спором между Бобчинским и Добчинским о том, кто

первый сказал э: «Э, нет, Петр Иванович, вы ведь первые того...» Часто одно и то же междометие, например, *ах*, *о*, *гм*, *господи*, *чёрт возьми*, *ну*, выступает в разных ситуациях с различным значением как вспомогательное средство характеристики персонажа. *Ну*, например, выражает и недоумение, и удивление, возмущение, восторг, побуждение. Вот описание «подвигов» Чичикова. Он отыскивал контрабанду «в колёсах, дышлах, лошадиных ушах и нивестъ в каких местах... Так что бедный путешественник, переехавший границу, все ещё в продолжение нескольких минут не мог опомниться и, отирая пот, выступивший мелкою сыпью по всему телу, только крестился да приговаривал: *ну, ну!* («М. души», XI). *Ну* здесь выступает естественным продолжением жеста и ярко характеризует состояние путешественника.

Иное значение имеет *ну* в речи Хомы Брута («Вий») после дежурства у трупа «ведьмы»-панночки: «Много на свете всякой дряни водится. А страхи такие случаются — *ну...*» Здесь жест и *ну*, употреблённое в значении придаточного определительного предложения (к соотносительному слову «такие»), вполне понятые дворней, произвели большое впечатление. Даже небольшой мальчишка «разинул рот».

Жест, интонация, обстановка определяют *ну* Хлестакова, обращённое к трактирному слуге, который хочет унести обед: «Хлестаков (защищая рукою кушанье): *Ну, ну, ну...* оставь, дурак (д. II, яв. 6).

Часто *ну* открывает речь, являясь своеобразным приступом: «*Ну*, Солопий, вот, как видишь, я и дочка твоя полюбили друг друга так, что хоть бы и навеки жить вместе («Сороч. ярмарка», III). «*Ну*, жинка! а я нашёл жениха дочке!» (Т а м ж е, IV).

При помощи *ну* выражается лёгкая ирония: «Слышал ли ты, что поговаривают в народе?» — «*Ну!*» — «*Ну*, то-то *ну!*» (Т а м ж е, III).

Междометием *ну*, выступающим в функции главного предложения, запорожцы одобряют речь Поповича: «*Ну*, уж Попович! Уж коли кому закрутит слово, так только *ну!*..» Да уж и не сказали казаки, что такое «ну» («Гарас Бульба», VII).

Кутила и хулиган, помещик Ноздрёв употребил тридцать четыре раза это междометие при второй встрече с Чичиковым. Оно так же характерно для этого «истори-

ческого человека», как *чёрт возьми, чёрт поberi, чёрт с тобой, эх, ах*.

Если сравнить ранние редакции «Мёртвых душ» и окончательный текст, то можно убедиться, что многих междометий в ранних редакциях ещё не было (95).

Г. МЕЖДОМЕТЯ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.

1.

Во второй половине XIX века междометия пополняются новыми идиоматическими выражениями, расширяются их стилистические функции, чаще они начинают выступать заместителями разных членов предложения или разных предложений (главного, придаточного).

Персонажи пьес А. Н. Островского, преимущественно люди грубые и невежественные, свои чувства непосредственно выражают жестами, междометиями. У каждого из них свои междометия. Аполлон Мурзавецкий («Волки и Овцы»), ничтожный дворянский выродок, сыплет пустыми, малосодержательными восклицаниями, значительную часть которых составляют междометия, заимствованные из французского языка: *мерси, оревуар*; к собаке: *соте, куш, иси, дудки, чёрт возьми, фу; фу, чёрт возьми*.

Коршунова, «мышинного жеребчика» («Бедность не порок»), характеризует сладострастное, деланное *хе-хе*:

Гордей Карпыч, можно с дочкой поцеловаться! А я, признаться... *хе, хе...* до этого охотник.

Я говорю: полюбите меня. Что ж, я ещё не стар... (смотрит, на неё). Али старенек? *Хе, хе, хе...* Ну, что ж, не беда. Зато будете в золоте ходить. У меня денег-то нет, я человек бедный... Пока каких-нибудь сот пять тысяч... *хе, хе, хе, серебром!*.. (берёт за руку). Ручка-то какая! *Хе, хе, хе...* бархатная! и т. д.

На примерах драм Островского можно показать, как путём интеръективации формировались некоторые междометия.

Междометие *поди* образовалось из повелительной формы глагола. В драмах Островского мы часто встречаем эту форму глагола. Например: *поди, батюшка, поди усни, христос с тобой* («Свои люди — сочтемся», II).

(Подхалюзин): А дом-то и лавки — мои-с! (Липочка): Ваши? *Подите вы!* Что вы меня дурачить хотите? (Т а м ж е, III). В данном случае *подите* получает переносное значение: перестаньте, отстаньте.

На поди в функции придаточного предложения в речи Кабанова характеризует степень его разгула: ...И всю дорогу пил, и в Москве всё пил, так это кучу, что *на-поди* («Гроза», V).

Часто сочетания с *поди* выступают в значении междометия:

(Аграфена Кондратьевна):... Посмотри-ка, Самсон Силич, полюбуйся, сударь ты мой, как я дочку-то вырядила! *Фу ты, прочь поди!* Что твой розан пионовый!.. («Свои люди — сочтёмся», III).

(Груша): Видишь ты, счастье какое! За купца, за богатого!.. *Поди-тка ты!*.. Знать из себя хороша?» («Не так живи, как хочется», II).

(Рисположенский): Что вы это говорите, Лазарь Елизарыч! А! *Вот поди ж ты!* Вот народ-то! («Свои люди — сочтёмся», II).

(Подхалюзин): Важное кушанье! Ишь ты! Барин какой! *Поди-тко-с!* (Т а м ж е, II).

Поди-ка-сь, господа какие! («Утро молодого человека», VI).

Таким образом *поди*, сочетаясь с различными частями, с местоимением (*поди-кось, на-поди, ну вот поди ж ты, на-ка поди, поди-тка-ты*, да и *на поди*, вот *поди ж ты*), выражает различную степень удивления, восторга, иронии, презрения, насмешки, упрёка.

Подобным образом на примерах из произведений Островского можно проследить образование и некоторых других междометий. Так, восклицание *Беда!*, кроме других значений, может выражать и гордость собой, самолюбование:

(Вася): Какой у меня, дядюшка Аристарх, характер! *Беда!* Тоже в обиду не дадимся («Горячее сердце», V).

2.

Междометный словарь М. Е. Салтыкова-Щедрина богат и своеобразен. Великий сатирик и публицист в условиях царской цензуры создал оригинальный стиль, который сам назвал «эзоповским». Междометие, категория речи, которую часто не учитывают при анализе стиля, в салтыковской

сатире выступает важным средством показа отношения художника к изображаемому, дополнительным средством при изображении нравов, характеров, речи того или иного персонажа, социального строя царской России.

Смех, как известно, бывает искусственным, притворным, саркастическим; им выражается насмешка, презрение, подобострастие, сладострастие, различное отношение к действительности. Салтыков-Щедрин, как и Гоголь, использует различные оттенки смеха для создания сатирических образов. О «величественном Зубатове», «эпохи конфуза» и «умеренного маскарада» в «Сатирах в прозе» Салтыкова-Щедрина сказано: «Боже! и он застыдился, и вследствие того помолодел и помилел! Всё подпрыгивает, все «хи-хи-хи» да «ха-ха-ха», не то что прежде: «го-го-го» да «ге-ге-ге!» Выкрики Зубатого «в бараний рог согну» после реформы 1861 года заменились другими выражениями.

В очерках «В среде умеренности и аккуратности» сатирик, описывая смех, характеризует нравы, страшные обычаи России периода реакции 70-х годов: «...хохот наполняет сердце смутными предчувствиями». Это не рефлекторный смех. Человек «мало-помалу... начинает угадывать оттенки и тоны, предвещающие нечто более горькое и злое. Увы! подобные предчувствия редко обманывают. Хохот сам по себе заключает так много зачатков плотоядности, что тяготение его к проявлениям чистого зверства представляется уже чем-то неизбежным, фаталистическим» (XII, 515). Наглое, издевательское «ха-ха!» над писателем, которого «залучили», повторяется бесконечно. На двух страницах, например, мы встречаем это *ха-ха* 24 раза (XII, 403—404): А! Писатель!.. к Иисусу потянули? трясутся поджилки-то? *Ха-ха!* — Во всём, значит, теле трясение... *ха-ха!*..

Как же! читали... *ха-ха!* И как только вас земля носит... *Ха-ха!* Да, почитываем мы вас... *Ха-ха!* и т. д.

Подобное *ха-ха* встречается и в других произведениях сатирика (в «Письмах к тётеньке», XIV, 402 и др.). Естественно, что это страшное *ха-ха* в ряде мест субстантивирруется, выступает в функции подлежащего, дополнения, сказуемого.

Эмоциональные междометия в произведениях Салтыкова-Щедрина, повторяясь в сходных позициях, выступают в роли типизирующих символических восклицаний. Таково *ура*, выражающее славословие «властей предержавших». По каждому поводу: встреча, проводы начальства, пи-

рушки — раздаётся громкое *ура*. В очерках «За рубежом» читаем о чиновниках: «Выпьют по стакану, выпьют по другому — и вдруг наплыв чувств. Вскочут, начнут целоваться... *ура!*» (XIV, 229). Естественно, что в этом же произведении даётся и обобщение: У нас же свойственно говорить, рассуждать и писать: *ура!* (XIV, 72). В «Помпадурях и помпадуршах» описывается сцена проводов помпадура: Вашеество! Язык мой немеет! Но позвольте... от полноты души... в этом доме... Господа! поднимем наши бокалы! *Урра!* (IX, 168). «Наплыв чувств» передаётся на письме удвоенными или утроенными буквами междометия: *урра, урраа, уррра, уррааа* (См. IX, 38, 40, 169; XV, 292 и др.).

Зло и негодующе употребляется *ура* и в роли существительного, обозначающего подхалимство, угодничество, лесть. В «Неоконченных беседах» рассказывается, как петербургская городская дума чествовала приезд немецкого романиста Шпильгагена. И отчего не чествовать? «Вина в погребах много; *«уры»* накопилось в сердцах видимо-невидимо — надо же как-нибудь распорядиться и тем и другим (XV, 414) (96).

В подобной функции много раз встречается близкое к *ура* по значению *браво*. Иногда это восклицание даётся во французской транскрипции (*bravo*), что обусловлено иностранным происхождением персонажа, употребившего восклицание. Выразительность этого близкого к междометию восклицания, его экспрессивность выступает в таких случаях, когда на угрозу «скорпионщика» (генерала) «истолку тебя в ступе!» смиренный статский советник отвечает «*браво!*» (XV, 130).

Иронией обусловлено и употребление устаревшего *исполать* в рецензии на верноподданическую повесть А. К. Толстого «Князь Серебряный» (V, 301).

В тексте рецензии употреблено, также обусловленное ироническим тоном её, устаревшее *ой ты гой еси* (Т а м ж е, стр. 303, 306).

Нередко в произведениях Салтыкова-Щедрина встречается типичное междометие устрашения, готовности уничтожить «крамолу», выбить дух непокорности: *го-го-го! га! га-га-га! о-го-го-го, о-го-го!* Помпадур Феденька и во время прогулок тарашил глаза, гоготал и набрасывался на проходящих.

— Что ты? да как ты? да зачем ты? — задыхался он: — я из тебя этот «дух» уничтожу. *Ого-го!*» (IX, 207). В очер-

ках «За рубежом» встречаем такой вариант устрашающего междометия: *O! го-го-го!* (XIV, 154). В «Письмах к тётеньке» Дракины «станут рыскать по всем направлениям, станут кричать *ого-го!*» и уверять, что спасают общество» (XIV, 374). Автор (в разговоре с Глузовым) так характеризует деятельность помпадуров: «Да, ни перед чем не остановится, этот жестоковыйный человек! он покроет мир фаланстерами, он разрежет грош на миллион равных частей, он засеет все поля персидской ромашкой! И при этом будет, как вихрь, летать из края в край, возглашая: *га-га-га! го-го-го!* Сколько он перековеркает, сколько людей перекалечит, сколько добра погадит, покамест сам, наконец, попадёт под суд! А вместо него другой придёт и начнёт перековерканное расковеркивать и опять возглашать: *га-га-га! го-го-го!*» (IX, 230).

Символический характер (разгром, расправа царского правительства с восставшими крестьянами) принимает и устрашающее *ту-пу!*: — *Ту-пу! ту-пу!* — явственно раздаётся из внутренностей пыльного облака... (IX, 326, 336).

Особенно часто в языке персонажей Салтыкова-Щедрина встречается фамильярное *натко!*, *нако!*, выражающее удивление, недовольство, упрёк, неожиданность, осуждение, сарказм.

Жена малограмотного судьи так рассуждает («Пошехонские рассказы»): Начальство им добра хочет, а они *натко!* (XV, 476). В очерках «За рубежом» это междометие встречается довольно часто. Например: «И охота была Старосмыслову «периоды» сочинять. Добро бы философию преподавал, или занимал бы кафедру элоквенции, а то — *натко!* — старший учитель латинского языка! да что выдумал!» (XIV, 228).

Ещё сильнее насмешка, издёвка, сарказм выражается междометным сочетанием *натко! выкуси!* Им пользуются градоначальники, помещики, Прокоп (Александр Прокофьевич — «вождь» провинциального дворянства, приобретатель в «Дневнике провинциала»; он же Лизоблюд в «Культурных людях», т. XI). Мальчик без штанов («За рубежом») обескураживает этим междометием немца — «мальчика в штанах», который говорит: Я полагаю, что вам без немцев не обойтись! Мальчик без штанов: — *Натко, выкуси!* (XIV, 93; X, 376, 440, 524 и др., т. XII, 66, 70, 199 и др.).

Необыкновенная чуткость С.-Щедрина к интонациям разговорной речи обусловила и употребление героями его

произведений междометий *гм* и *эге*. Склонный к «либеральной грусти» бюрократ Каширин «не высказывал своего либерализма вслух, но при случае так характерно произносил «гм» и даже «эге!», что в уме сколько-нибудь прозорливого собеседника не могло оставаться никаких сомнений насчёт душевного его настроения» («Старческое горе»). Эти многозначные слова, выражающие отношение Каширина к окружающей действительности, дополняют характеристику человека, на лице которого была написана и готовность выслушать и исполнить, слегка окрашенная готовностью «доложить».

Гм всегда сопровождается разнообразной мимикой и жестами. Приняв городничество, майор Стратигов расправлялся с подчинёнными своим костылём. Когда Андрей Курзанов стал ему «справедливые слова» говорить, «Стратигов инстинктивно сжал в руке костыль, но, не предвеляя событий, от немедленного боя воздержался, а только как-то загадочно метнул на него глазами и пробормотал: — Гм... (XV, 521).

Не менее выразительными в стиле С. Щедрина являются императивные междометия. Повторяясь в разных произведениях, эти междометия приобретают роль символа или аллегории. Десятки раз повторяется в различных контекстах *фюить* (от французского *fuite* — бегство). Оно обозначает ссылку, иногда моментальное изгнание или уничтожение «потрясателей основ». Междометие это употребляется отдельно как самостоятельное предложение или как член предложения, сочетается со словами других грамматических категорий. Чаще всего *фюить* встречается в «Помпадурках и помпадуршах». И это естественно, так как сама деятельность губернаторов символизировала восклицание *фюить*. Феденька искореняет дух непокорности. Его приближенные: Ноздрёв, Держиморда, Скотинин — помогают ему в этом. Тарас Скотинин пишет доклады. «В докладе никаких других фраз не было, кроме: «а дабы сей пагубный дух истребить» и «а дабы обуздать злокозненный оный дух». В заключение предлагалась мера: *фюить!*.. Затем, сделав все «распоряжения» и завершив их словом «фюить!», Феденька возвращался домой и садился за обед» (IX, 206—207).

Назначенный в Паскудск помпадур «Зиждитель» решил осчастливить этот город. Он теоретически соглашается, что «фюить»-то да «не твоё дело» бросить надобно, но на

практике возвращается к тому же: «Фюить — и больше ничего!» (Т а м ж е, стр. 218, 224), для «фюить» можно обойти закон (стр. 228, 229). Глумов (в разговоре с писателем) защищает деятельность «Зиждителя»:

— А ежели человек уж через край изобилует энергией, то существует прелестное слово «фюить», которое даже самого жестоковыйного человека по горло удовлетворить может!

— *Фюить!* помилуй, да это, наконец, постыдно!

— Постыдно, даже глупо, но до известной степени отвечает потребностям минуты. Во-первых, нечего больше говорить. Во-вторых, это звук, который, как я уже сказал, представляет очень удобное помещение для энергии. В-третьих, это звук краткий, и потому затрагивающий только единичные явления (IX, 231).

Помпадур обвиняет усердного чиновника в том, что тот «не выказал д о с т а т о ч н о й теплоты чувств!» Чиновник пытался спросить о термометре для измерения этой теплоты, но немедленно был сослан: «Ба! ты ещё остришь! Живо! *Faites vos bagages, messieurs, faites vos bagages!* *Фюить!* (IX, 172).

Много раз употребляется *фюить* в очерках «За рубежом» (XIV, стр. 80, 212 и др.), в «Дневнике провинциала в Петербурге» (X, 449, 606), в «Помпадурах и помпадуршах» (IX, 67, 76, 214, 217, 218, 224, 228, 229, 231).

Ау в стиле С.-Щедрина обозначает не столько призыв, сколько уничтожение:

«Варили-варили мужика, покуда всю сырость из него выварили: *ау*, мужик!» («Богатырь»). Сказка «Кисель» также многозначительно заканчивается этим междометием: «Ели мы кисель, а про запас не оставили! Чем-то на будущее время сыты будем? Где ты, кисель? *Ау!*»

Поступят ли в делёжку «полезные лесочки» Вятской губернии, — это ещё бабушка надвое сказала, а Уфимская-то губерния — *ау!* (XIV, 123). А департамент-то наш, кажется... *ау!* (XV, 485).

(Скорпионов): Одно бы только словечко: братцы! вот они! — и всех бы этих интеллигентов...

— *Ау?* — хихикнул Тарантулов (XV, 495).

Слова клича и отгона животных, употребляемые по отношению к человеку, выражают в сатире высокую степень ярости, цинизма, презрения, иронии, сарказма или притворства. Например:

«Как! ты даже этого, врожденного всякому человеку

(теплоты чувств к начальству), понятия не имеешь! Ты этого не понимаешь! Этого!! *Брысь!*» (IX, 172).

Имея в виду разгром в конце 1874 года либеральной редакции С.-Петербургских ведомостей («Старейшая Пенкоснимательница») во главе с редактором В. Ф. Коршем («Менандр»), сатирик в очерках «За рубежом» пишет, что во Франции «Точь в точь как у нас журналист Менандр, который в «Старейшей Пенкоснимательнице» всё надседался-курлыкал: наше время не время широких задач! курлыкал да курлыкал, а пришёл тайный советник Пётр Толстолобов, крикнул: ты что тут революцию распространяешь... *брысь!* — и слопал Менандра!» (XIV, 180).

Ерш, раздосадованный либеральными благоглупостями Караса, прогоняет его: «О чём же ты разговариваешь, коли даже такой простой истины не знаешь: что каждому карасю впереди уготована уха? *Брысь!*.. заколю!» (Сказка «Карась-идеалист»). Как видим, *брысь* близко по значению к слову *фюить*.

Цып-цып-цып! цинично употребляет Иудушка, усыпляя сознание умирающей матери: «Сирот бы... — повторила Арина Петровна тоскливо.

— Приедут и сиротки. Дайте срок — всех скличем, все приедем. Приедем да кругом вас и обсядем. Вы будете насадка, а мы цыплятки... *Цып-цып-цып!* Всё будет, коли вы будете паинька...» (XII, 162).

Встречаем еще у С.-Щедрина *ату!* *ату его!* (X, 587), *взы-взы!* (слова натравливания собак; XV, 418, 391), фразеологизм *ни тпру, ни ну* (XVI, 263, 268).

В речи персонажей сатирика находится немало и других императивных междометий: *ну, нутко, караул, марш, айда, атанде, чу, чур, цыц.*

Целенаправленная политическая сатира С.-Щедрина обусловила переход ряда междометий в меткие словасимволы, заклеившие типичные явления царской России. Такие междометия, как *ура, браво, ау, ха-ха, го-го, га-га, фюить, брысь,* повторяясь в сходных обстоятельствах, изобличают человеконенавистничество, подхалимство, жестокость, воспитывают ненависть к врагам народа.

3.

В произведениях Л. Н. Толстого, как нам кажется, встречаются все виды междометий, какие мы наблюдали и в предшествующей литературе. Кроме этого, у Толстого

нередки и междометия-жесты, например, пощёлкивание языком, выражающее сожаление. Крестьянин хочет продать барыне овцу. У него большая нужда. Но барыне некогда. «Всё занята с гостями — *тиц-тиц* — пощёлкал языком мужик. — Известное дело. Кабы не нужда. Мне б что? А то корову проел!» («Кто прав?»). Подобное пощёлкивание встречается и в «Войне и мире» (т. IV, ч. I, гл. 12): «Нет, мне всё ничего,— сказал Пьер,— но за что они расстреляли этих несчастных!.. Последний лет двадцати.

— *Тс, тиц...* — сказал маленький человек. — Греха-то, греха-то...

Междометие-жест «*в-ва!*..» употребляет развратный, завистливый и смелый лакей Григорий («Плоды просвещения», д. I, явл. I): «...И сколько их за мной волочатся! Только никто вот не нравится, как Таня эта! Простая горничная! Нда! А вот лучше барышни. (Улыбается). Да и мила! (Прислушивается). Вот, она и есть! (Улыбается). Вишь! постукивает каблучками... *в-ва!*..»

Князь Николай Андреич Болконский, будучи чем-либо огорчён или недоволен, взволнован, имел привычку фыркать.

Когда князь Василий сватает его дочь, он фыркает:

«— *Фр... фрр...* — фыркал князь Николай Андреич» («Война и мир», т. I, ч. 3, гл. 5).

Мысль о замужестве дочери не даёт ему спать:

«Первый встречный показался — и отец, и всё забыто, и бежит, кверху причёсывается и хвостом виляет, и сама на себя не похожа! Рада бросить отца! И знала, что я замечу. *Фр... Фр... Фр...* » (Т а м же).

Будучи недоволен приездом жениха дочери, он издаёт неопределённые звуки-жесты.

— *Гм! гм! кх! кх!* — проговорил князь и сел за стол (Т а м же, гл. III).

У недовольного Болконского вырывается и просто многозначительное *гм!*, выражающее иногда иронию: «Бонопарте у них стал полководец великий! *Гм!*..» (Т а м же, ч. I, гл. 24).

Как словесный жест, почти рефлекторный, часто повторяющийся, звучит у больного Петра из «Власти тьмы» *ох*, которое иногда сопровождается и словами, имеющими логическое содержание: «*Ох*, тяжело! *Ох*, смерть моя!», «*Ох*, мочи моей нет. Сожгло нутро...» «*Ох...* Анютку пошли

ко мне», «Поди ты... ох... к тётке Марфе, скажи: отец, мол, зовёт, пришла чтоб, нужно мне... Скажи — помирать хочу. О-ох...».

«Так ты того, их!.. картошки повытаскай, бабы... о!.. переберут...»

«А то о-ох!.. сажать время придёт, а они попрели. Ох, мочи нет» (д. II).

Иными являются звуковые жесты (как и вообще жесты и интонация) и междометия Кутузова. Междометия его *о*, *ох* естественны и дополняют смысл речи. *О!* у Кутузова выражает удовольствие:

«— Тебе Кирилл Андреевич Денисов, обер-интендант, как приходится? — перебил его Кутузов.

— Дядя родной, ваша светлость.

— *О!* приятели были,— весело сказал Кутузов» (т. III, ч. 2, гл. 15). Этим же *о* с другой интонацией Кутузов выражает иронию:

«Дежурный генерал в конце доклада представил светлейшему к подписи бумагу о взыскании с армейских начальников по прошению помещика за скошенный зелёный овёс.

Кутузов зачмокал губами и закачал головой, выслушав это дело.

— В печку... в огонь!.. Он взглянул ещё раз на бумагу. — *О*, аккуратность немецкая! — проговорил он, качая головой» (Т а м ж е).

Тихий свист свидетельствует о настроении Кутузова. Впрочем, этот звук-жест поясняется предложением:

«— *Фю... фю... фю...* — засвистал он чуть слышно, въезжая во двор. На лице его выражалась радость успокоения человека, намеревающегося отдохнуть после представительства». И далее: «— *Фю... фю... фю...* — просвистал он и опять оглянулся на князя Андрея».

Таким образом, как звуковые жесты, так и междометия при обрисовке Кутузова являются органическим средством художественного изображения.

Получили дальнейшее развитие у Толстого и междометия-идиомы. Так, мы встречаем у него *вот так так!* («Плоды просвещения», д. II): «Все орудия без приказа били в направлении пожара. Как будто подгоняя, подкрикивали к каждому выстрелу: «Ловко! *Вот так так!* Ишь, ты... Важно!» («Война и мир», т. I, ч. II, гл. 20).

Иногда междометия используются как средство каламбура. Пустой «ученый» Петрицев пытается острить:

Бетси...: «Какие это у вас дела с Вово?»

Петрищев: «Дела? Дела *фи-нансовые*, то есть они, дела наши — *фи!* и вместе с тем *нансовые*, и кроме ещё *финансовые*» («Плоды просвещения», д. I, явл. 34).

Много междометий употребляют крестьяне в драме «Власть тьмы». Это преимущественно «крестьянские» междометия:

Кума: «*И-и-и!* грехи» (д. III, явл. 3).

Кума: «*О-о-о!* Кума, болезная ж ты, погляжу я на тебя! *О-ох!* житьё твоё, кума, погляжу» (Там же).

Матрена: «*И*, ягодка! Что ж, он дурак что ли» (д. I, 10). «*И-и...* Она-то хвора? Да против ней в округе нет. Девка как литая — не ущипнешь» (д. IV, 3).

Никита: «*Ах!* Дела, дела! (IV, 8). *Ну*, дела! *Ох*, эти бабы. *Беда!* *Ох*, дела!...» (IV, 10).

Для богобоязненного Акима из той же драмы характерны междометия, которыми он осуждает поведение сына: «*ТЬфу!* *Скверность!*» (д. III, 8).

Аким (качает головой). *Э эх-хе-хе!* (д. III, 10).

4.

Чехов писал: «Краткость — сестра таланта». Как рассказы, так и пьесы Чехова предельно лаконичны и вместе с тем богаты внутренней динамикой. Естественно, что такие слова, как междометия, являются одним из действенных средств его поэтики. Иногда в самих заголовках рассказов Чехова междометиями как бы подчеркивается основная идея, ведущая черта характера персонажа.

В рассказе с междометным заголовком «Тссс!» это междометие повторяется восемь раз.

Не менее выразительно заглавие рассказа «Идиллия — увы и ах!», навеянное распространённым шутливым ответом «увы и ах» на вопрос: «Как дела?». Подлежащее «идиллия» в том значении, какое ему придаётся рассказом, — «бытовая сценка житейского благополучия» уже само по себе включает иронию. Ирония достигает предельной остроты, будучи усиленной сказуемым-междометием («увы и ах»), разоблачающим эту минутную идиллию, обусловленную только стремлением молодых людей получить богатое наследство. Но наследство — увы! — лопнуло, и племянник ответил на приглашение навестить старого дядюшку: «*А ну его к чёрту!* Очень он мне нужен, старый чёрт! Дурак!

не мог найти другого банка!» Заглавие обобщает содержание рассказа.

Восклицание пьяницы оберкондуктора Подтягина («ну, публика!»), который под видом ревностного исполнения службы не даёт ночью спать больному пассажиру, послужило заголовком рассказа.

В тексте рассказов Чехова междометия всегда выполняют определённую, иногда очень важную функцию. В «Хамелеоне» *эм!* прикрывает замешательство беспринципного полицейского надзирателя Очумелова при решении вопроса о том, кому принадлежит собака, укусившая Хрюкина. Как известно, Очумелов в зависимости от реплик окружающих меняет несколько раз своё решение о том, кому принадлежит собака.

Зайствованные из французского языка междометия *pardou, merci, bon жур* характеризуют словоупотребление персонажей-мещан или чиновников, старающихся подражать речевой манере дворянства.

Междометия Чехова выступают и в роли восклицаний-символов, характеризующих обстановку, отношения между людьми. В доме Прозоровых (драма «Три сестры») праздничное настроение. Ирина—именинница. Сёстры мечтают о счастье, о Москве, где они родились и куда скоро уедут. Ольга вспоминает весну в Москве, хотя прошло уже одиннадцать лет: «*Боже мой!* Сегодня утром проснулась, увидела массу света, увидела весну, и радость заволновалась в моей душе, захотелось на родину страстно».

Этот монолог прерывается доносящимся из соседнего зала чебутыкинским междометием *чёрта с два!* Так уже в начале пьесы Чехов символически показывает, как грубая действительность смеётся над мечтами сестёр (97).

Встреча с Вершининым обращает внимание всех на то, как время быстро летит, как оно изменяет людей (Вершинин: «...Какие вы стали! *Ай! Ай!*»), как жалко всем, что оно уходит бесплодно. Вершинин восклицает с сожалением: «*Ой, ой,* как идёт время!» Маша со слезами на глазах говорит Вершинину: «*О,* как вы постарели!»

Междометия помогают раскрыть и внутренний мир Маши. Своё отношение к вечеру у директора гимназии, на который её тянет муж, она выражает следующим образом: «Опять, *чёрт подери,* скучать целый вечер у директора!» Когда же Маша решается лететь навстречу своему счастью (или несчастью), она выражает свою решительность, непо-

средственность молодости словами: «Выпью рюмочку винца! Эх-ма, жизнь малиновая, где наша не пропадала!» Воскликание сопровождается стуком вилок о тарелку.

Насвистывание, выражающее грусть, привязавшийся отрывок из поэмы Пушкина «У лукоморья дуб зелёный...», несколько жестов, две реплики—и перед нами уже в первом действии вся Маша с неудавшимся замужеством, с началом любви и новым настроением, со своим непосредственным характером и молодой смелостью.

В первом действии «Трёх сестер» несколько раз повторяется междометие призыва кур, цыпят: «*цып, цып, цып...*» Этим междометием Солёный, человек с опустошенной душой, дразнит Тузенбаха, когда последний говорит о труде, об идейном освещении жизни, о страданиях. Этим междометием вместе с другими языковыми средствами Чехов как бы противопоставляет два мира: мир чистых и красивых, хотя и не идеальных людей, стремящихся вперед и не знающих ещё настоящей дороги в жизни, и мир страшных людей (Ирина говорит, что она боится Солёного, а Маша несколько иронически называет его ужасно страшным человеком), которые глушат жизнь трёх сестер, как сорная трава глушит хлебные злаки.

Междометием *вот те на!* Вершинин начинает свой монолог, в котором доказывает силу и необходимость знания и выражает надежду, что «через двести, триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной». А пока у Вершинина жизнь сложилась так, что в ней нет цветов. Как вздох, вырывается у него по этому поводу: «*эх!, ну, да что!*»

В развитии событий в четвёртом действии «Трёх сестёр» большое место отведено звукам. В доме на рояли играют «Молитву девы», вдали играют на арфе и скрипке, лейтмотивом служат частые выкрики *гон-гон* и *ау!* Ими как бы ищут своё счастье, которого ни у кого нет. Сначала выкриком *гон-гон* прощается с природой Роде, потом этим *гон-гон* и *ау*, как объясняет Чебутыкин, секунданта зовёт на дуэль, во время которой Солёный убьёт Тузенбаха. Выкриком *ау* Кулыгин зовёт Машу, этим же *ау* («*Ау! Машенька, ау! ау! ау!*») Анфиса разыскивает Машу для прощания с Вершининым.

Воскликание Фирса «*Эх, ты... недотёпа!..*», которое повторяется в пьесе четыре раза, приобретает символический характер. Полное презрительной экспрессии слово

разговорного языка «недотёпа» усиливается междометием неодобрения, упрёка «эх, ты»...

По поводу этого восклицания исследователь языка Чехова П. Г. Стрелков писал: «...в эту формулу Фирса Чехов вкладывает большую экспрессивную силу, сообщает ей глубокое и разностороннее значение. Всё в его глазах нежизнеспособное, вредное и бесполезное, не соответствующее своему значению, получает оценку: «Эх, ты, недотёпа!» Там же приводится мнение Ф. Батюшкова о том, что «не точно, а по первому впечатлению... оно применяется поочередно ко всем действующим лицам» (98).

Символический смысл имеет также дважды повторяемое студентом Трофимовым *ау!*, которым он призывает собиравшихся отъезжающих из имения. Это как бы призыв к новой жизни со стороны персонажа пьесы, который верит в будущее, хочет жить по-настоящему, честным трудом.

Д. МЕЖДОМЕТИЯ В ЯЗЫКЕ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1.

Природа щедро одарила Горького необычайно тонким, активным слухом, колоссальной зрительной и слуховой памятью, а его жизнь дала богатый опыт человековедения. Никто из русских писателей так много не писал о песне и музыке, об их влиянии на внутренний мир человека, как Горький. Необыкновенный слух Горького, его исключительная наблюдательность, «угол зрения» помогли писателю тонко передавать сотни голосов различных персонажей, изображать и многоголосую толпу, и горячий спор, и краткие выкрики, и лёгкий вздох. Отмечалось уже великое мастерство Горького давать меткие, иногда неожиданные характеристики речи персонажей (99).

Горький писал: «Не всегда важно — что говорят, но всегда важно, как говорят» (XVII, II). Этим «как» обусловлено и употребление междометий в речи его персонажей. Чем непосредственнее высказывание, чем короче речь, чем быстрее говорящему нужно выразить своё отношение к собеседнику, к факту действительности, тем больше в его речи междометий. Писатель при построении речи персонажа учитывает и его характер, его умственный уровень, степень культуры и ситуацию высказывания. И в авторском тексте

он обосновывает употребление его героями междометий. Вот речь Павла Грачёва из повести «Трое»:

«А потом господа эти меня к себе приспособили... Вот черти были! *Ого-го!*

О господах он говорил больше междометиями, — очевидно, они очень поразили его воображение...» (V, 58).

«О ней (о Маше) Павел рассказывал, как в детстве об арестантах, научивших его грамоте. Он весь напрягся и внушительно сообщал, пересыпая речь междометиями:

— Она, брат, *ого-го!* Она всем командует, а чуть кто не так сказал, или что — она *фрр!*.. Как кошка...» (V, 247).

«— Она (Софья Никоновна) всё понимает, всё может объяснить... а ты с ней... *эх!* — говорил Павел, по обыкновению густо пересыпая свою речь междометиями» (V, 256).

Эмоциональные междометия не только выражают отношение говорящего к окружающему, но и являются характерным речевым жестом. Так, мальчик Илюша Лунёв (повесть «Трое») часто произносит междометный фразеологизм «*вот так — а-яй!*», являющийся реакцией на какое-либо событие или выражающий недоумение, удивление перед открывающимся его глазам миром:

«*Вот так — а-яй!* — воскликнул мальчик, широко раскрытыми глазами глядя на чудесную картину, и замер в молчаливом восхищении» (V, 12).

«*Вот так — а-яй...* — сказал Илья товарищу вечером после похорон» (V, 47).

«Находя такую диковину, Илья радостно кричал:

— Дедушка, гляди-ка! *Вот так — а-яй!*» (V, 21).

А. М. Горький и средствами графики (раздельное написание, двойные и тройные буквы, знаки препинания) указывает на произнесение междометий. Поэтому междометия Горького воспроизводятся голосом и воспринимаются слухом, как только увидишь их глазами. Часто и глагол указывает на характер произнесения междометия и связанной с ним фразы: *воскликнул, возгласил, вздохнул, завыл, раздался рёв, раздался окрик, зарычал, завизжал, застонал, протянул, произнёс, сказал, прозвучал* (испуганный голос), *вскричал, отозвался, выговаривал, бормотал, усмехнулся, крикнул, разнёсся* (в воздухе... крик), *заметил, зашептал, заговорил*. С этими глаголами сочетаются обстоятельства

образа действия, выраженные наречиями, существительными с прилагательными и предлогами. Такое описание интонации междометия даёт яркую картину живого произношения. Примеры:

«Яков торопливо и жалобно попросил:

— Да погоди-и! Я боюсь один, — темно!..

— *Эхма!* — презрительно воскликнул Лунёв. — Шестнадцать лет тебе, а всё ты ещё младенчик» (V, 84).

«...когда вошёл Шакир, он (Жожемякин) отвернулся в угол и, натужно покашливая, сказал:

— Выдай ему расчёт!

— *Ух!* — откликнулся татарин негромко, с явным сожалением и испугом» (IX, 446).

В произведениях Горького таких примеров, когда двумя, тремя, пятью однозначными словами поясняется интонация междометия, немало. Показ «жизни души», живого звучания немыслим без описания интонации, уточняющей смысл слова. Если слова логического содержания часто требуют описания мелодии (ср. «торопливо и жалобно попросил»), то междометия в письменном языке совсем «не звучали бы» вне контекста.

Помогает междометию «звучать» на письме и описание мимики, жеста, органически связанных с интонацией.

Кроме острой наблюдательности и цепкой памяти, Горький обладал и глубоким знанием сценического искусства, творчески был близок к выдающимся деятелям театра, со своеобразным мастерством читал свои произведения. Без этого не было бы Горького — основателя социалистического реализма, великого драматурга, несравненного мастера диалога.

По произведениям Горького можно написать толстую книгу о мастерстве актёра (интонации, мимике, жесте).

Приведём хотя бы немного примеров междометий, поясняемых жестами и интонацией:

Пашка сочинил стихи (повесть «Трое»):

«*О-г-го-го-о!* протянул Яков, широко раскрыв глаза. — Вот это уж — прямо стихи! — в тон ему подтвердил Илья» (V, 53).

— *Эге-ге!* — качая головой и улыбаясь, заговорил Терентий.

— Девятый час, а у тебя, торговец, лавка не отперта!» (V, 258).

— «*Ого!* многозначительно воскликнул попи, подняв палец, покрутил голову» (о пляске на свадьбе Петра Артамонова, XVI, 346).

Для передачи живого звучания междометий Горький использует и различие в знаках препинания. Слово *ага*, например, не только поясняется, но и пишется с вопросительным знаком:

«Мне было неприятно, обидно (что увели клоуна), а все-таки, я подумал, торжествуя:

«*Ага?*» (XI, 321).

«Я бросился вон со двора, а вслед за мной летел торжествующий дикий рёв (погрома):

А-а...

— *Ага-а?*

— Сшибли-и!» (V, 331).

С вопросительным знаком встречаются у Горького и другие междометия, например, *о*: Глядите — плачет (Фома Гордеев)!

— *О?* (IV, 276).

Примерами из сочинений Горького можно показать, как многозначны эмоциональные междометия, насколько разнообразны случаи их применения, как изменяются при этом интонация и мимика, жесты. Приведём некоторые примеры на междометие *эх*:

— Я, брат, подучусь, так буду писать — держись только!

— Ч е ш и!

— *Эх*, Илья! Кабы мне ума!.. (V, 101, — выражение страстного желания).

— Гляди — жена приехала...

— *Э-эх*, несчастная! — громко вздохнул какой-то оборванный мужик (V, 122 — сожаление).

«Когда я подарил кладбищенскому сторожу Бодрягину давно желанную им гармонику, он — одноглазый, лохматый — крепко прижал правую свою руку к сердцу и, сияя радостью, закрыв свой одинокий, милый — а порой жуткий — глаз, сказал: — *эх-х...*» (XV, 206, — высшее выражение благодарности и радости).

Не меньше значений у междометия *о!* Оно выражает удивление, восторг, утверждение и т. д. Эту гамму оттенков передают у Горького повтор, знаки препинания, поясняющие слова.

Сравнительно невелико количество междометий у Маяковского. Характерно, что в языке советской прозы, как и у Маяковского, мы не встречаем междометий *увы*, *ах*, *ох* и подобных им.

Описывая в поэме «Владимир Ильич Ленин» величайшую скорбь трудящихся в связи со смертью Ленина, поэт не употребляет междометий *увы*, *ох* и т. п. У него достаточно других сильных речевых средств и без этого.

Только в языке персонажей драматических произведений Маяковского встречаем такие междометия, как *о-о-о-о!*, *чёрт*, *а-ту*, *ах*, *так*, *айда*, *н-да*, *шь*, *эх*, *ура*, *караул*, *вот тебе раз*, *господи*, *боже мой*, *ага*, *ух*, *ах*, *алло*, *фу*, *тыфу*, *пх*, *тсс*.

В стихах и письмах Маяковского междометие *ах* употребляется только в плане сатиры. Им пользуется сентиментальная влюблённая в Керенского Кускова в разговоре с Милюковым (поэма «Хорошо!»):

Ах, няня,
 он
 такой речистый...
Ах, няня-няня!
 няня!
 Ах!
 Его же ж
 Носят на руках.

Маяковский высмеивает стихи с сентиментальным *ах*:

Кому это интересно,
Что — «Ах, вот бедненький!
Как он любил
И каким он был несчастным..?»
(Приказ № 2 армии искусств).

С помощью междометий Маяковский иногда составляет каламбуры. Например:

Го-	По-
ра	ра
Груз —	Гур-
Уф!	зуф
	(Небесный чердак).

В поэме «Человек» употреблены междометия-приветствия на разных языках: *бр-р-а-во!*, *звива!*, *банзай!*, *ура!*, *гох!*, *гип-гип!*, *вив!*, *осанна!*

В той же поэме находим междометия *стоп*, *ишь*. Встречаются у Маяковского в разных произведениях ещё междометия *ага*, *караул*, *вот тебе раз*, *о-о-о!*, *алло!*, *черта!*, *ну-ка!*, *накося!*, *о-о-гу!*, *ух!*, *бис!*, *есть!* (ответ на команду), *ура*, *черта в ступе!* (Ужасающая фамильярность), *чёрт бы её взял* («Два соревнования»), *айда*, *ужо*.

Раздельным написанием, повторением букв, знаками препинания Маяковский передаёт интонацию междометий. Так, имеет ряд вариантов повелительное *тсс*:

«*тс-с*»

«*тс-с-с*» («Любители затруднений»).

— «*Т-ш-ш-ш*»: («Париж»).

«*С!!!*», «*тсс!!!*», «*тссс!!!*» («Баня»).

Иногда Маяковский использует междометия в заголовках своих стихотворений, например: «*Рабочий, эй!*», «*Ух, и весело*». Иногда заголовок состоит из одного междометия, метко обобщающего идею произведения. Таковы заголовки: *Нате!* *Ну, что ж!*, *Здравствуйте*. Заголовок *Ну, что ж!* ярко отражает настроение стоящего на страже мира советского человека, его решительный ответ поджигателям войны.

Междометия у Маяковского являются органической частью его стиля, тесно и неразрывно связанного с содержанием. Чаще всего они определяются сатирическим направлением его творчества.

Чтобы судить о характере междометий у Маяковского, об их идейной и политической нагрузке, заострённости, достаточно сравнить его междометный словарь с междометным словарем такого, например, поэта, как Бальмонт. Легко убедиться, что междометный словарь этих поэтов настолько различен, насколько различны идейная устремлённость их творчества, весь их стиль.

У Бальмонта междометия очень однообразны. Наиболее часто у него встречается мечтательное, в меру восторженное *о!*: «*О, если б мне сердце холодное!*», «*О, если б мне крылья орлиные!*», «*О птичка нежная*» и т. п. За ними следуют сентиментальные *увы* и *ах*: «*Ах, не расстаться с тягостным горем*», «*Увы, и предо мной блистали красные дни*». Прибавив ещё *чу* и *баю*, мы исчерпываем весь набор междометий у Бальмонта. Подобные междометия встречаются у Маяковского лишь в плане сатиры.

Наш очерк о междометиях в языке некоторых писателей даёт основание заключить, что:

1) междометие «не вметаемый» в речь, а органически связанный с ней элемент, что живая речь персонажей раскрывается всеми её компонентами. Исключение любого междометия из речи персонажа разрушило бы цельность образа. В этом легко убедиться, если, например, опустить звуковые жесты и междометия Иудушки Головлёва, его притворные *ахи* и *охи*.

2) Разные литературные направления, стили и жанры обуславливают употребление тех или иных языковых средств. Так, например, такие резко отличающиеся между собой стили, как стиль Карамзина в «Бедной Лизе» и стиль сатиры Маяковского, имеют соответственно и резко отличную стилистику междометий.

3) Система междометий не безразлична и к индивидуальному стилю писателя. Междометия Салтыкова-Щедрина, например, определяются и жанром его произведений, и индивидуальными устремлениями сатирика.

4) И в данной главе ставится задача показать подвижность категории. Живой процесс интеръективации вовлекает прежде всего существительные-обращения к воображаемой высшей силе (*бог, чёрт*), глаголы (*спаси бог*), заимствованные слова (*караул, исполать*). И это естественно: мистицизм, религиозность при сильных аффектах обуславливают призывы мнимого божества, которые со временем получают новое качество — полную потерю смысловой основы при опоре на интонацию как основное средство выражения отношений. Постепенно в междометия переходят и другие части речи и значительное количество фразеологизмов.

5) Только одна, причём самая многочисленная группа императивных междометий, — слова воздействия на животных — не получила достаточного отражения в языке художественной литературы, составляя в основном многочисленные диалектизмы, характерные для областных и нередко районных говоров. Только общеупотребительные слова этого рода вошли в лексику литературного языка и употребляются также для характеристики отрицательных персонажей.

Но тема иногда требует использования и этих диалектных междометий. В поэме А. Твардовского «Страна Му-

равия» встречаем не только *тпру*, но и *псель-псель* — междометия призыва лошадей в Смоленской области.

В романе А. Кожевникова «Живая вода» табунщик Эпчелей призывает овец словами *барь, барь, барь* или *барь-барь* и звукоподражательным *мэ... мэ...*

б) Из рассмотренного нами следует, что историческая грамматика и курс истории литературного языка должны содержать и материал об истории, стиле, этимологии междометий. Тогда, надо надеяться, отпадут, будут сданы в архив связанные с этим всякого рода идеалистические теории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Исследование категории междометий и звукоподражательных слов тормозилось идеалистическими теориями о междометном и звукоподражательном происхождении языка, неразработанностью системы разговорной речи.

Ни об одной грамматической категории не было высказано столько противоречивых и путаных взглядов, как о междометии.

В противовес материалистическим взглядам буржуазные языковеды и сейчас используют междометия и звукоподражания в своих идеалистических концепциях, извращающих основные вопросы жизни и развития языка.

В нашем отечественном языкознании чётко обозначаются две линии в исследовании междометий.

Одна из них, уже изжитая у нас, восходит к взглядам философов и филологов, искавших в междометиях и звукоподражаниях источники происхождения языка.

Вторая — прогрессивная, передовая, — восходит к М. В. Ломоносову, высказавшему первые передовые материалистические взгляды на междометия. Продолжена она такими учёными, как Востоков, Буслаев, Шахматов, а в наши дни главным образом акад. В. В. Виноградовым.

В советском языкознании преодолены взгляды на междометия как на реликты первобытного языка или рефлекторные выкрики. Междометия считают категорией, служащей для выражения эмоционально-волевых реакций субъекта на действительность. Выражая интонацией, жестом эмоции, настроения, волеизъявления, междометия не обозначают и не называют их.

Вместе с тем, междометия не противопоставляются и интеллектуальной речи.

В наши дни намечается научная классификация междометий, изучение их структурных, синтаксических и стилистических особенностей.

В советском языкознании ясны и пути дальнейшего изучения этой грамматической категории.

2. Точнее подойти к определению специфики междометий и окончательно преодолеть разнобой во взглядах грамматиков и лексикографов, наблюдавшийся до последнего времени, помогает учение акад. И. П. Павлова о второй сигнальной системе. Необходимо исходить из того положения, что междометия несомненно являются актом второй сигнальной системы, что они наиболее кратким языковым путем выражают осознанную реакцию на явления действительности.

Несмотря на то, что междометия лишены номинативного (лексического) значения, они обладают прочно закреплённым в национальном языке значением, которое выражается определённой внешней формой: а) сочетанием обычных фонем, б) сочетанием фонем, свойственных только междометию (*тьфу*, *бррр*, *тпру* и немногие другие), в) сочетанием фонем (или одной фонемой: *а*, *о*, *у* и др.), облечённых определённой интонацией. В некоторых группах эмоциональных междометий интонации принадлежит ведущая роль.

Изменение интонации придаёт таким междометиям самые разнообразные, часто противоположные, значения.

Являясь фактором второй сигнальной системы, будучи обусловлены в своём происхождении настоятельной потребностью при общении (кратчайший способ языковой реакции на речь собеседника или на явления действительности), междометия выступают как категория живая, жизненная, постоянно развивающаяся, органически связанная с системой языка. Междометия, особенно эмоциональные, органически связаны с мимикой и жестом.

3. История развития категории междометий показывает, что подавляющее большинство их образовалось путём переходности из других частей речи: существительных, местоимений, глаголов, из фразеологизмов и идиоматических сочетаний. Путь переходности — интеръективации — это основной путь образования междометий. Только очень небольшая группа междометий не имеет раскрытых этимологий.

Иногда интеръективации подвергаются и рефлекторные акты (нервическая дрожь — *бррр*, смех — *ха-ха*, *ха-ха*), какие-либо акты-действия (плевок, свист, чмоканье). Таких междометий, однако, небольшое количество.

Сравнительный материал родственных языков подтверждает положение об интеръективации как основном пути образования междометий (то же положение наблюдаем и в языках других систем: тюркских, угро-финских, языках Кавказа).

Подвергаясь интеръективации, слова разных частей речи иногда значительно меняют свою внешнюю форму. Этим затрудняется отыскание этимологий многих слов, особенно междометий клича и отгона животных.

Важным является и уяснение изменения «внутренней формы» при интеръективации: слово с логическим (лексическим, номинативным) значением превращается в слово-восклицание, в речевой рефлекс на речь собеседника или на какое-либо событие или явление действительности.

4. Междометия не изолированы от системы речи. Наблюдения над синтаксисом междометий показывают, что междометия, трансформируясь, могут выступать в функции любого члена предложения, повышая эмоциональный тон высказывания, являясь средством обогащения стилей разговорного языка, языка персонажей художественной литературы.

Междометия могут выступать и в роли модальных слов; они выражают чаще всего насмешку, иронию, сарказм, сожаление.

Изучение грамматики междометий разрушает также предрассудок об изолированности языка мысли от языка эмоций. Ленинское положение о том, что «без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания* истины» (В. И. Ленин. Рецензия на книгу Н. А. Рубакина «Среди книг») оправдывается и при изучении языка в целом, и при изучении междометий.

Субстантивация, адъективация, адвербиализация междометий, функционирование их в роли разных членов предложения обогащает синонимику стилей разговорного языка, создаёт новые возможности для выражения тончайших оттенков мыслей и переживаний. Наблюдениями установлено, что в современном русском языке эмоциональные междометия выступают в роли членов предложения чаще, чем изолированно.

5. Прочными ассоциациями междометий с выражаемыми ими реакциями на всевозможные раздражения обусловлено и словообразование от междометий. Морфология междометий (повторы, некоторая аффиксация их, словообразование на основе междометных корней) подтверждает положение о том, что междометия не изолированы от других частей речи, а входят в мудрую и целенаправленную систему языка, выполняя в ней свои специфические функции.

Слова, образованные от междометий, являются иногда средством выражения юмора, насмешки, сарказма (ср. «нукать», «тпрукать» в поговорках), а иногда и ласки, неги («байньки», «бай-бай» и др.). Заключая в себе определённый экспрессивный заряд, слова, образованные от междометий, часто выражают и отношения модальности (ср. «айкала», «ахала», «хихикать», «подхихикивать» и т. п.).

6. Междометный словарь, как и словарный состав языка вообще, подвижен. Изучение истории междометий в языке художественной литературы показывает, как пополнялся литературный язык междометиями после победы в нём народного начала. Перелом наступил в XVIII в., когда в разные стили литературного языка, особенно в стили драматических произведений, вовлекалось большое количество междометий разговорного языка.

Практика употребления междометий определяется стилями эпохи, личным стилем художника, характером персонажей, изображаемых автором. Вышли из употребления междометия старшей поры литературного языка «исполать», «оле», «гой» и др., исчезли пришедшие вместе с галломанией русского дворянства «пардон», «мерси» и др., не характерны для современной лирики «о», «чу», «увы», «ах», «ох» и др.

В творчестве писателей-классиков раскрываются значительные стилистические возможности междометий. Междометия служат средством речевой характеристики персонажей, средством выражения их отношений к окружающему (как и в авторской речи), в стилях социальной сатиры они служат целям образной характеристики отрицательных явлений действительности. Междометия, с которыми обращаются к животным, используются для обличения отрицательных типов, отрицательных поступков.

Наблюдения над междометиями в языке художественной литературы подтверждают, что некоторые междометия фор-

мировались путём переходности из других частей речи (*ишь, скажите* и др.).

7. Термин «междометие» в настоящее время обобщает ряд довольно различных языковых категорий. Традиционные группы междометий (эмоциональные междометия, императивные междометия, звукоподражательные слова, междометные глаголы) настолько далеки друг от друга, что есть все основания для пересмотра существующей классификации.

К современным представлениям о междометиях больше всего подходят эмоциональные междометия.

Имеет серьёзные структурно-смысловые основания деление эмоциональных междометий на две группы: на а) междометия, значение которых определяется не столько составом фонем, сколько характером интонации, и на б) междометия с устойчивым значением (Ш а х м а т о в).

Первые с трудом поддаются семантической классификации, так как путём изменения интонации они могут выражать самые разнообразные значения. В составе второй группы намечается ряд разрядов, отличающихся структурными особенностями, этимологией, иногда значением и синтаксическими свойствами (гл. II).

8. Междометия императивные также являются словами отношений, выражающими волеизъявления. С эмоциональными междометиями их объединяет то, что они способны выражать эмоции, отношения к действительности, не имеют номинативного значения, образуются путём переходности из других частей речи.

По своему значению, структуре, синтаксическим и стилистическим особенностям императивные междометия отличаются от междометий эмоциональных.

Значение их определяется составом и порядком фонем, как и в словах других грамматических категорий. Интонация их приближается к интонации других грамматических категорий, например, к повелительной форме глагола.

В составе императивных междометий выделяется ряд структурно-семантических групп (гл. III).

9. Изучение междометий — важная глава истории языка и общего языкознания. Цепь непрерывных реакций человека на всё окружающее обусловила появление этой своеобразной категории языка, значение которой выражается интонацией, мимико-жестом. В прошлом это иногда слова большой древности, иногда слова иноязычные, слова, осев-

шие лишь в диалектах. Этот процесс сложной языковой трансформации от лексического к интонационно-жестовому, от логического к эмоционально-модальному совершается и на наших глазах в различных языках мира. Исследования должны продолжаться силами лингвистов, историков, теоретиков театра, иногда зоологов, когда вопрос касается слов, направляемых к животным (поскольку междометия призыва и отгона животных — это часто обломки их старых названий).

10. К междометиям обычно относят и звукоподражательные слова. Но принимая во внимание их особенности, следует признать научно оправданным предложение Л. В. Щербы о выделении звукоподражательных слов в особую категорию.

УКАЗАТЕЛЬ МЕЖДОМЕТИЙ

А. Эмоциональные междометия

А, аа, а-а, ааа, а! а! а!, а-а-а-а! — 17—21, 73, 84, 95, 112, 114—118, 120, 145, 148, 152.
 Ага, ага-а — 20, 24, 112, 117, 122, 123, 145, 146, 149.
 Ад и проклятье — 126.
 Ай, ай-ай, ай-ай-ай, аяй, аяйяй, аяйяйяй — 8, 17, 18, 35, 46, 75, 78, 82, 88, 94, 95, 100, 101, 103, 105, 112, 117, 140.
 Ай да, ай-да, ай-да-да — 46, 101, 112, 125, 126.
 Амба — 34.
 Атанде, атанде-с — 34, 99.
 Ау, уж ау — 100, 135, 136.
 Ах, а-ах, а-а-ах, ах-ах, ах-ах-ах, ах-ха-ха, а-ха-ха — 14, 18, 29, 46, 73, 75, 77, 78, 84, 85, 89, 90, 94—96, 99, 101, 103, 105, 110, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 119—121, 125, 128, 129, 139, 146, 149, 150, 154.
 Ахти, ахти мне, ахти-хти — 75, 76, 78, 87, 112, 115, 116, 117.
 Ба — 5, 12, 34, 75, 91, 112, 115—117, 120, 122, 124, 135.
 Баста — 6, 34, 46, 70, 75, 126.
 Батюшки — 21, 22, 113, 124, 126, 147.
 Батюшки мои, мои батюшки, ах мои батюшки, батюшки светые — 96, 125.
 Беда — 22, 34, 94, 113, 116, 117, 120, 124, 130, 139.
 Бис — 6, 32, 149.
 Боже, боже мой, боже праведный, боже правый, ах боже мой, о боже, о боже мой, и боже

мой и под. — 19, 22, 73, 93, 112, 113, 115, 120, 121, 125, 126, 131, 140, 146.
 Боже упаси, упаси бог, боже защиты, боже сохрани — 89, 93, 94, 121, 126.
 Брр, бррр — 27, 29, 37, 73, 75, 93, 152, 153.
 Браво, брависсимо — 32, 73, 113, 117, 132, 136, 149.
 Была не была — 35.
 В-в-в-в — 31.
 В-ва — 137.
 Владыко — 125.
 Воле — 109, 111.
 Вот, вот еще — 35, 85, 87, 126.
 Вот как — 35.
 Вот на — 35, 87, 112, 113, 115—117, 120, 124.
 Вот поди ж ты — 35.
 Вот так-ай-яй — 143.
 Вот так клюква — 35, 73.
 Вот так раз, вот те раз, вот тебе раз — 35, 113, 117, 146, 149.
 Вот так так — 35, 138.
 Вот так фунт — 35.
 Вот так штука — 35, 85.
 Вот те и здравствуй — 35.
 Вот те на, вот тебе на — 35, 48, 113, 116, 117, 141.
 Вот то-то и оно — 35.
 Вот то-то-с — 122.
 Вот ты куда — 35.
 Вот ужо — 125.
 Вот это да — 35.
 В рот те дышло — 36.
 Га, га-га, га!.. га!.. га!.. — 30, 115, 132, 133, 136.
 Где наша не пропадала — 141.
 Ге, ге, ге — 131.
 Ги-ги — 30.

Гм, гем, м, мм — 24—27, 79, 89, 93, 95, 122, 123, 128, 134, 137, 140.
Го, го-го-го — 17, 89, 131—133, 136, 148.
Гой — 32, 154.
Горе — 87, 110, 111, 113.
Господи, и господи, о господи — 17, 21, 22, 28, 92, 113, 115, 125, 128, 146, 148.
Господи боже, господи боже мой, ах господи боже мой, и господи боже мой, и господи прости, о господи, прости господи — 28, 92, 93, 97, 113, 116, 120, 125, 146.
Гох — 149.
Да! — 121.
Да и ну — 100.
Да чего — 22.
Да что — 22, 127, 141.
Дело — 22, 124.
Дело табак — 92.
Держи карман — 35.
Добро — 34, 113, 115, 117, 124.
Дудки — 7, 22, 34, 73, 129, 148.
Дьявольщина — 22.
Еще бы — 35.
Здорово — 116, 117, 120, 124.
Здравствуй, здравствуйте, здравствуйте-с, — 22, 23, 32, 73, 99, 115, 117, 149.
И, и-ини, и-и — 18, 84, 94, 95, 97, 112, 115, 117, 124, 125, 126, 139.
И дело — 118.
Извините — 117.
И-их, их — 18, 88, 94.
И куды — 124.
Или-ля-ля — 148.
Исполать, исполать тебе — 32, 87, 117, 132, 150, 154.
История, эка история — 22, 34.
Их-хи-хи, и-хи-хи — 75, 88.
Ихм, ихм — 79, 122.
Ишь — 24, 25, 146, 149, 155.
Ишь ты — 25, 35.
Как — 117.
Как не так — 126.
Какой чёрт — 126.

Камуфлет — 34.
Канальство — 22.
Капут — 34.
Кахи-кахи — 108.
Каюк — 34, 73.
Кой чёрт — 35, 116.
Комиссия — 21, 22.
Кр-р-расота — 86.
Крышка — 22, 24.
Куда, куды, куда там, куда тебе — 22, 35, 103, 104, 124, 126.
Кх-кх-кх — 137.
Лафа — 6, 34.
Лю-лю — 89.
Люте — 110, 111.
Магушки — 22, 113, 147.
Мать честная — 35.
Мерси — 129, 154.
Мое почтение — 35.
На, на-ко, накося, вот тебе на, на поди, нате, на тебе, натко, натко выкуси — 22, 34, 35, 48, 76, 96, 130, 133, 149.
Н-да — 146.
Небо — 113, 117.
Ни боже мой — 35, 93, 99.
Ну, ну-ну; ну, ну, ну; ну-с, ну-ты, просто ну, только ну — 17, 25, 35, 47, 48, 75, 87, 91, 99, 100, 111, 112, 115, 116, 119, 120, 121, 128.
Ну вот — 122.
Ну да что — 141.
Ну и ну — 35, 48, 75.
Ну то-то же — 123.
О, о-о-о, о-о-о-о, о-о-гу — 16, 18, 73, 84, 85, 87, 92, 95, 101, 102, 109, 110, 112—114, 116, 117, 120, 125, 126, 128, 138, 139, 140, 145, 146, 147, 148, 149, 152, 154.
Ого, ого-го, о-го-го, о-го-го-го, о-г-го-го-о, ого-го-го-го, просто ого-го — 75, 86, 90—92, 116, 117, 126, 132, 133, 143—145.
Ой, оёй, оёёй, оёёёй, ой-ой, ой-ой-ой, ой! ой! ой гой, ой-ой-ошеньки, ой ты гой еси — 8, 18, 46, 75, 78, 88, 89, 92, 93, 94, 95, 98, 100, 112, 116, 117, 121, 132, 140.
Оле, оле злых врагов — 87, 109, 110, 112, 154.
Олл-ля-ля — 148.
О мой создатель — 126.

Оревуар — 129.
 Осанна! — 149.
 Ох, ох-ох, о-ох, ох-охо, охо-хо,
 ох-ох-ох, ох-хо-хо (о-хо-хо),
 охо-хонюшки, охохонюшки, ох-
 ти, охти-ахти, охти мне, ох-с,
 ох мне, охо, о-хм — 16, 17, 18,
 30, 35, 73, 75, 76, 77, 84, 87, 88,
 89, 91, 95, 96, 97, 98, 100,
 105, 109, 110, 111, 112, 115, 116,
 117, 120, 121, 124, 137, 138, 139,
 146, 150, 154.
 Поди, поди-ка-сь, поди-кось,
 поди-тка ты, поди-тко-с, наподи—
 22, 35, 129, 130, 150.
 Подумаешь, ну подумаешь,
 подумайте, подумать только —
 22, 23, 35, 73, 83, 86.
 Полно — 22, 116, 125, 126.
 Помилуй, помилуйте — 22,
 120, 127.
 Прах его возьми — 121.
 Провались ты совсем — 28.
 Пропадай моя голова, пропад-
 дай моя телега — 35.
 Пропасть — 22, 113, 116.
 Пх — 146.
 Святители, святые отцы — 22,
 126.
 Скажите, скажи(те) на ми-
 лость, скажите пожалуйста —
 21, 22, 25, 35, 155.
 Слава богу — 93, 99, 113, 115,
 117, 124.
 Славно — 117.
 Смерть, просто смерть — 22,
 34, 100.
 Смотрите — 22.
 Создатель мой, господи — 113.
 Спасибо, спасибаста, спаси
 бог, спаси царица небесная —
 32, 76, 87, 92, 93, 95, 115—117,
 150.
 Страх — 22, 34, 126.
 Та-та-та-та — 112, 117.
 Табак — 34.
 Так — 117, 146.
 Те-те-те — 34, 68, 74, 75.
 То-то — 22, 35, 87, 94, 116,
 117, 120, 121, 125, 128.
 Точка — 34.
 Труба — 34.
 Тс, тсс — 40, 41.
 Тс, тц — 31, 137.
 Ту-ру — 131.
 Тьфу, тьфу, Тьфу на тебя,
 тьфу пропасть, тьфу ты, прах
 побери — 27—29, 35, 37, 73, 89,
 91, 92, 93, 94, 97, 112, 113, 115,
 116, 118, 120, 121, 139, 146,
 152, 153.
 Тэ-тэ-тэ — 34.
 Тю-тю — 74, 76.
 У, у-у, у-у-у — 16—18, 35,
 73, 84, 89, 93, 95, 97, 98, 100, 102,
 109, 111, 126, 148, 152.
 Уа — 109, 111.
 Ува — 111.
 Увы, увы мне, увы нам — 34,
 73, 79, 85, 87, 89, 95—97, 109—
 113, 115, 117, 125, 126, 139, 146,
 149, 154.
 Ужас — 7.
 Ужо — 149.
 Уй — 18.
 Ура, урра, уррра, урраа,
 уррааа — 32, 33, 73, 79, 85, 92,
 95, 96, 97, 117, 131, 132, 136,
 146, 149.
 Уф — 117, 146.
 Ух, ух ты — 8, 12, 18, 45, 78,
 84, 89, 93, 94, 95, 97, 101, 111,
 112, 115, 117, 120, 126, 144, 146,
 148, 149.
 Ффф — 31.
 Фа — 93.
 Фи — 79, 89, 91, 117, 139.
 Фить — 46.
 Фррр, фр, фр... фр... фр —
 137, 143.
 Фу — 12, 87, 115, 120, 121,
 129, 146.
 Фуй — 116.
 Фу-ты — 35, 70.
 Фу-ты, ну-ты — 35, 91.
 Фу ты пропасть — 85.
 Фу ты, прочь поди — 130.
 Фу чёрт возьми — 129.
 Фу-фу, просто фу-фу — 91
 Фью — 31, 35, 37.
 Фю... фю... фю... — 138.
 Фюить (фюить) — 46, 47,
 134, 135, 136.
 Ха — 100, 108, 115, 116.
 Ха-ха, ха-ха-ха, ха-ха-ха-ха,
 ха, ха, ха — 17, 27, 29, 73, 74,
 75, 78, 79, 88, 89, 90, 95, 97, 99,
 115, 126, 131, 136, 147, 153.

Х-хе, хе-хе-хе, хе-хе-хе-хе, хе,
хе; хэ-хэ-хэ — 15, 29, 30, 31, 73,
75, 78, 79, 115, 129, 147.

Хи, хи-хи, хи-хи-хи, хи-хи-
хи-хи, хихи-с, хи да ха — 29,
78, 88, 89, 95, 99, 100, 108, 126,
131, 147.

Хм, хм... хм — 12, 26.

Хо — 115.

Хо-хо — 86.

Хреновина — 34.

Христос с тобой — 129.

Царь небесный — 121.

Ще-ще — 31.

Чёрт, чёрта, чёрт возьми, чёрт
дери, чёрт знает что, чёрт побей,
что за чёрт — 22, 35, 36, 73, 79,
85, 86, 100, 105, 113, 115, 116,
126, 128, 129, 140, 146, 149,
150.

Шабаш — 34, 75.

Шах — 113.

Штука, вот так штука — 22,
23, 73.

Шутка, шутка сказать — 22,
35, 73, 121, 126.

Э — 18, 46, 49, 84, 95, 102,
112, 116, 117, 120, 127, 128.

Эввива — 149.

Эвоа — 113.

Эге, эге-ге, эге-ге-ге, — 34,
75, 95, 134, 144.

Эй — 38, 53, 112, 120, 121,
124, 148, 149.

Эк — 76, 94, 115.

Эка — 103.

Эк-гм — 25.

Эко — 94.

Экста — 76.

Эх, эх-х, эхе, эхехе, эхе-хе,
ээх-хе-хе — 15, 18, 34, 75, 85,
86, 89, 95, 96, 98, 112, 117, 120,
121, 125, 126, 129, 141, 143, 145,
146, 148.

Э-хм, а-хм, и-хм, о-хм, у-хм —
122.

Эхма, э-хма, эхма-хма-хма,
эх-ма-хма-хма — 34, 75, 82, 88,
89, 141, 144.

Эхо-хо — 34.

Эхти, эхтихти — 34.

Эх ты — 141, 142.

Б. Императивные междометия

Абазь — 59.

Абир — 59, 74.

Аванс — 52, 113.

Агу — 38, 46, 60, 123, 126.

Адзусь — 60, 74.

Айда, айда, айда, айда, айда — 46,
76, 136, 146, 149.

Акось — 74.

Акота — 60.

Акур — 60.

Акуть — 55.

Акызь — 74.

Акырь — 60.

Алё — 62.

Алло — 6, 38, 39, 85, 146,
149.

Алуча, алучки, а-луч-луч,
а-луч — 67.

Аля — 53.

Аппорт — 52.

Апсик — 8.

Арьер — 52.

Аря — 53.

Атанде — 136.

Ату, а-ту — 53, 56, 69, 70,
80, 92, 136, 146.

Ату-туга — 53.

Ау — 38, 39, 81, 85, 95, 112,
117, 141, 142.

Ашкерь — 60.

Базь, базю-базю — 58, 59.

Бар-бор; бар-борь; барь-барь;
барь-барь-барь; бер, бер-бер;
бир, бир-бир — 7, 56, 57, 59,
60, 61, 74, 151.

Бараш-бараш — 50.

Бась, баська-баська-баська —
61, 74.

Баю, бай-бай, баю-бай — 38,
46, 70, 81, 82, 126, 154.

Бинь, бинь-бинь, биц-биц,
бицю-бицю, бысь-быня, бынь,
быць-быць — 58, 67.

Бириньки-бир-бир, бириньки-
бириньки, бирю-бирю — 57, 58,
74.

Бр-бр, бра-бра, брашка-браш-
ка, бреш-бреш, брца-брца, бры-
бры, брыц-брыц, бруш-бруш,
брыш-брыш, брышки-брышки —
57.

Брысь-брысь-брысь — 6, 57, 62, 69, 70, 76, 80, 85, 126, 136.
Быра-быра, бырка-бырка, быри-быри, бырка-бырка-бrr, быронька-быр-быр, бырочка-быр-быр, бырца-бырца, бырю-бырю, быря-быря, бырь-бырь, бырочки—57, 58, 74.
Ващо-ващо — 58.
Вечь-вечь, вец-вец — 59.
Взы, взы-взы — 52, 136.
Вира — 44.
Воле — 109.
Вса — 64, 74.
Вуж, вужа — 53.
Вуль — 74.
Выть, выч, выч-выч — 7, 56, 59, 62.
Вяч-вяч — 59.
Гей — 87, 117, 126.
Гиджа, гуджа, гуджда, гудь, гуж, гужа — 52, 53.
Гуль, гуль-гуль, гулю-гулю — 49, 54, 58, 68, 74.
Гусь, гусь-гусь — 62, 68.
Гути-гути, кути-кути — 68
Гуч — 53.
Гысь — 62.
Да полноте сь — 122.
Дась — 74.
Даун — 52.
Да ух — 45.
Дбруц — 53.
Деги-деги, дига-дига — 68.
Джий, джи, джу, джуй — 53, 59, 61.
Дюх-дюх, дюха-дюха, дюшка — 62.
Есть — 45, 75, 149.
Ецы-ецы, ечи-ечи, ечк-ечк — 59.
Зю, зю-зю, зюрка, зютка — 62.
Иджа, ижа — 53.
Иси — 52, 113, 129.
Кабась, кабась-кабась — 61, 74.
Казя — 61.
Караул — 38, 39, 97, 99, 113, 117, 126, 136, 146, 149, 150.
Кать — 60.
Ках-ках — 53.
Кей-кей — 53.
Кекуш-кекуш — 59.

Кеть — 59.
Кеч — 60.
Кизь — 60.
Кис, кис-кис — 7, 51, 62.
Кит, кить, киц, кич, коть, куць — 59, 60, 62.
Киш — 50, 56.
Кокш — 51, 68.
Коняш — 64.
Кось, косю, ксю, сюк косянь, косяют — 56, 64, 67, 74.
Кур — 51, 60, 68, 71.
Кусь (куси) — 52, 69, 72, 79.
Куть-куть, кутю, кутю-кутю, кутют, кутяшк, куц, куць-куць, куцю-куцю, куч, кучу-кучу — 51, 54—56, 61, 62, 71, 74.
Кутика — 54.
Куш — 52, 113, 129.
Кызь — 60.
Кыря — 60.
Кыть, кыч — 56, 59.
Кыш — 6, 56.
Лё — 62.
Либа-либа — 59.
Луч, лучи-лучи, лучки, люшки — 67.
Майна — 44, 73.
Марш; марш, марш — 46, 70, 122, 126, 136.
Мась-мась, мись-миль — 59.
Мах-мах, маха-маха — 61, 62.
Мэе... мэе — 151.
На — 6, 8, 47, 56, 76.
Нака, нате — 76, 149.
Нах — 56.
Никшни, нишкни — 41, 75.
Но, но-о — 64, 69, 83.
Наоой — 64.
Ну, нуте, ну-ка, нуте-с, нумо, нутка, нумте, ну-ну-ну — 8, 38, 47, 53, 64, 75, 76, 80, 81, 87, 116, 117, 118, 136, 149.
Нэ — 64.
Ня-ня, няг-няг, нях-нях — 56.
Ой раз, еще раз, эх раз — 45, 46.
Окся-окся — 62.
Отрышь — 53.
О-ух — 45.
Пади — 126.
Пас — 46.
Пиль — 52, 73, 113.
Пли — 45.

Полундра — 45.
 Порсь — 61.
 Пррр, тпру, тррр, тпррр,
 тпрусь-тпрусь, пррр, т-р-р —
 6, 7, 37, 60, 64, 65—67, 69, 80,
 85, 91, 151, 152.
 Псёлъ-псёлъ — 151.
 Псик — 63.
 Пссс — 39, 40.
 Пуль — 74.
 Пырь, пыль, пыреньки-пырь-
 пырь — 69, 74.
 Рох, рюх-рюх-рюх — 61, 74.
 Рытик-рытик — 61.
 Ря-ря — 59.
 С!, сс!, ссс!... ш-ш!..., ш-ш-
 ш!..., тсс..., тссс..., т-ш-ш-ш,
 чш..., чшшш, пссс, сссс — 38,
 39—41, 63, 74, 75, 117, 121,
 139, 146, 149.
 Соб, собэ — 68, 74.
 Соте — 129.
 Стоп — 46, 149.
 Сы, сыно — 67.
 Сыго, сыга, сыгыр, сыйыр,
 сыхыр — 67, 68.
 Сым, сыма — 53.
 Сюк — 74.
 Тась, тасеньки-тась-тась — 74.
 Тега-тега, теги, те-те-те, теш-
 теш-теш, тяги-тяги, тига-тига,
 тя-тя-тя — 68, 74.
 Тель — 64, 67.
 Теш-теш — 68.
 Тип, типа-типа, типу-типу,
 ти-ти-ти — 68, 74.
 Товсь — 45, 75.
 Тубо — 52, 113.
 Тю-тю, тють, тють-тють, тють-
 тють — 54, 68, 74.
 Узё — 62.
 Узы, узы-узы — 52, 69.
 Улю-лю — 53, 80.
 Усь — 52, 79.
 Уть-уть, утеньки-уть-уть, утю-
 утю, вуть-вуть, вую-ую —
 6, 7, 49, 58, 68, 74.
 Фу — 52, 56.
 Фюить — 37, 46, 47, 134,
 135, 136.
 Хоз, хось — 62.
 Хрю, хрю-хрю-хрю — 61, 74,
 108.
 Ца — 62.
 Цеп-цеп — 68.
 Цима — 53.
 Цоб, цобэ — 68, 74, 85.
 Цу, цу-цу-цу — 54, 61.
 Цуц — 74.
 Цыба — 60.
 Цыги, цыли — 59.
 Цыре — 67, 68.
 Цып-цып, цыш, цып — 6, 37,
 49, 68, 69, 74, 136, 141.
 Цыщ — 6, 38, 41, 63, 68, 75,
 76, 87, 136.
 Чекуш-чекуш — 59.
 Чига — 59.
 Чу, чука — 41, 42, 61, 117,
 125, 126, 136, 149, 154.
 Чуку, чох, чуй-чуй, чуф, чуш,
 чух, чушк, чхе, чух-чух — 51,
 53, 59, 61.
 Чур, чур меня — 42, 43, 44,
 92, 116, 120, 136.
 Шабаш — 46.
 Шей — 68, 74.
 Шень, шинь — 67.
 Шерш — 52, 113.
 Шкирь, шкре, шкырь — 60.
 Эй — 38, 53, 85, 101, 102, 116,
 117, 124.
 Юс, юс цу — 61.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Л. В. Щерба, О частях речи в русском языке, сб. «Русская речь», 1928, № 2.
2. А. П. Романов, Лингвистические лишены, «Русский язык в советской школе», 1931, № 2—3.
3. В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, изд. 5, М.-Л., 1935, стр. 198—199.
4. А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6, М., 1938, стр. 372.
5. Д. Н. Овсянко-Куликовский, Синтаксис русского языка, изд. 2, СПб, 1912, стр. 49.
6. А. Л. Погодин, Язык как творчество, «Вопросы теории и психологии творчества», т. IV, Харьков, 1913.
7. Д. Н. Кудрявский, О происхождении языка, «Русская мысль», 1912.
8. Д. Н. Кудрявский, Введение в языкознание, Юрьев, 1912.
9. Ш. Балли, Общая лингвистика и вопросы французского языка, русск. перевод., М., 1955, стр. 146.
10. M. Grammont, Le vers français, ses moyens d'expression, son harmonie, 2 ed., Paris, 1913, стр. 195 сл.
11. Н. И. Ашмарин, О морфологических категориях подражаний в чувашском языке, Казань, 1928.
12. С. И. Абакумов, Современный русский язык, М., 1942, стр. 115.
13. Н. Ю. Шведова, Очерки по синтаксису русской разговорной речи, изд. АН СССР, М., 1960.
14. А. Б. Шапиро, Очерки по синтаксису русских народных говоров, М., 1953.
15. Л. П. Якубинский, О диалогической речи, сб. «Русская речь», I, Пг., 1923.
16. Б. А. Ларин, Разговорный язык Московской Руси, сб. «Начальный этап формирования национального языка», изд. ЛГУ, 1961, стр. 29—34.
17. Аннотации и библиографию работ Б. А. Ларина о разговорной речи см. в сб. «Вопросы теории и истории языка», изд. ЛГУ, 1963, стр. 23, сл.
18. М. В. Ломоносов, Полное собр. соч., т. VII, изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 396.
19. Ch. Vallu, Traite de stylistique française, v. I, ed. 2, Heidelberg, 1921, стр. 7.

11. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, в. II, изд. АН СССР, Л., 1927, стр. 100—101.
12. Г. В. Дагуров, О лексическом составе русских междометий, сб. «Славянское языкознание», изд. АН СССР, М., 1959.
- Г. В. Дагуров, Междометия как особый разряд слов, автореферат канд. диссертации, М., 1961.
- Г. В. Дагуров, Особенности употребления междометий в речи, «Русский язык в школе», № 6, 1958.
- Г. В. Дагуров, О междометиях бурятского языка, Труды Бурятского комплексного н.-и. института Сибирского отделения АН СССР, № 3, Улан-Удэ, 1960.
13. Н. В. Касаткин, Смысл междометий, Уч. записки Томского пед. института, т. XI, Томск, 1954.
14. Р. П. Рогожникова, Наречные и междометные значения некоторых существительных, «Лексикографический сборник», в. II, М., 1957, стр. 73.
15. В. А. Артёмов, К вопросу об интонации русского языка, МГУ, 1953.
- В. А. Артёмов, Об интонации, Труды военного института иностранных языков, 3—4, «Вопросы интонации», под ред. В. А. Артёмова, М., 1953.
16. А. И. Бельский, Побудительная речь. Уч. записки, «Экспериментальная фонетика и психология речи», т. VI, МГУ, 1953, стр. 81 сл.
17. З. Р. Разилова, Типы волеизъявительных предложений в современном русском языке, М., 1954.
18. И. О. Степанян, Структурно-неоформленные (синтаксически нерасчленённые) предложения в современном русском языке, образованные от междометий, частиц, модальных слов. Автореферат, МГУ, 1956.
19. Д. С. Светлышев, Состав и функции эмоционально-экспрессивных частей в современном русском литературном языке. Автореферат, М., 1955.
20. А. И. Германович, Междометие как часть речи, «Русский язык в школе», № 2, 1941. Звукоподражательные слова и звукоподражания русского языка, «Известия Крымского пед. института», т. XII, 1947. Синтаксис и стилистическое значение междометий русского языка, «Известия КПИ», т. XIV, 1949. Глаголы типа «толк», «шась», «Известия КПИ», т. XIV, 1949. Слова клича и отгона животных в русском языке, «Известия КПИ», т. XIX, 1953. Междометия и звукоподражательные слова в стиле Н. В. Гоголя, «Известия КПИ», т. XIX, 1953. Заметки о морфологии междометий русского языка. Словообразование от междометий, «Известия КПИ», т. XXIII, 1956. Синтаксические свойства междометий, «Русский язык в школе», № 6, 1957. Междометие, интонация и жест, «Известия КПИ», т. XXVIII. Симф., 1957 г. Междометие. Материалы для грамматики русского языка, изд. АН СССР, 1952. Междометия и звукоподражательные слова в стиле М. Горького, Сб. «Словоупотребление и стиль М. Горького», ЛГУ, 1962. Междометия в стиле сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина, сб. «Мовознавство і літературознавство», Киев, 1963. Заметка о разговорной речи (интонация, мимика, звуковые жесты). Печатается во втором сборнике, в честь проф. Б. А. Ларина, изд. ЛГУ. Об интонации междометий русского языка. Тезисы докладов межвузовской конференции «Синтаксис и интонация» (27—31 марта 1962 г.), М., 1962. Доклад

- печатается. Междометия и звукоподражательные слова русского языка. Автореферат диссертации, Симферополь, 1961.
21. Ю. Ф. К а с и м, Вигуки української мови, Одесса, 1953. Кандидатская диссертация.
- Ю. Ф. К а с и м, Междометия украинского языка. Автореферат, Одесса, 1954.
22. Р. Д. Ш в е ц, Грамматическая характеристика глагольно-междометных форм в современном русском и украинском языке, Одесса, 1954. Автореферат кандидатской диссертации.
23. С. А. Г р и г о р ь е в, Междометные глагольные формы в витебских говорах белорусского языка и смежных с ними переходных смоленских говорах. Автореферат кандидатск. диссертации, М., 1952.
24. С. Я. Л у р ь е, Неизменяемые слова в функции сказуемого в индоевропейских языках, изд. Львовского университета, 1955.
25. Ш. Ш. С а р ы б а е в, Междометия в казахском языке Алма-Ата, 1959.
26. М. Х у д а й к у л и е в, Подражательные слова в системе, словопроизводства туркменского языка, «Труды института языка и литературы АН Туркменской ССР, в. 2, 1957, стр. 82—103. Синтаксические функции подражательных слов в предложении (на материале туркменск. яз.), «Известия АН Туркменск. ССР», № 6, 1958, стр. 111—114.
- С. К у д а й б е р г е н о в, Фонетические особенности образных и звукоподражательных слов в киргизском языке, «Уч. записки филологического факультета Киргизского университета», в. 3, 1957.
27. С. А. К о ч а р я н, В поисках живого слова, изд. ВТО, М., 1960, стр. 76—77.
28. К. С. Ст а н и с л а в с к и й, Работа актера над собой, ч. II, Собрание сочинений в восьми томах, т. 3, изд. «Искусство», М., 1953, стр. 31—132.
- С. А. К о ч а р я н, В поисках живого слова, М., 1960, стр. 75—79.
- С. И. М и х о э л с, Статьи, беседы, речи, «Искусство», М., 1960, стр. 124, 153.
29. Ф. И. Ш а л я п и н, т. I, изд. «Искусство», М., 1959, стр. 220, 246, 263.
30. К. С. Ст а н и с л а в с к и й, Собр. соч. в восьми томах, т. II, ч. I, стр. 265—266, М., 1954.
31. С. М. В о л к о н с к и й, Человек на сцене, СПб, 1912, стр. 27.
32. С. М. В о л к о н с к и й, Выразительный человек, СПб, 1913.
33. В. В. В и н о г р а д о в, О языке художественной литературы, М., 1957, стр. 215.
34. Е. М. Г а л к и н а - Ф е д о р у к, Об экспрессивности и эмоциональности в языке. Сб. статей по языкознанию, посв. акад. В. В. Виноградову, МГУ, 1958, стр. 103—124.
35. И. Е. Т и м о ш е н к о, Литературные первоисточники и прототипы трёхсот русских пословиц и поговорок, Киев, 1897, стр. 87—90.
- Л. Н. М а й к о в, Великорусские заклинания, СПб, 1869, стр. 455, 467, 561.
- Н. Я. Н и к и ф о р о в с к и й, Простонародные приметы и поверья, Витебск, 1897, стр. 37, 43—44.
- В. Г а в р и л о в, Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда. Труды 4-го арх. съезда в Казани, т. 2.
- К с е н о ф о н т о в, Легенды о шаманах, Иркутск, 1915.
- А. А ф а н а с ь е в, Поэтические воззрения славян на природу, т. I, М., 1865, стр. 398.

- Золотая ветвь, изд. «Атеист», 1928, в. II, стр. 80—81.
- Л. Я. Штернберг, Первобытная религия, Л., 1936, стр. 422, 461.
- Никольский и Бердоносков, Религия наименее культурных племен, сб. этнографических материалов, М.-Л., 1931, стр. 256, 266.
- Джанашия, Религиозные верования абхазов, Хр. Восток, 1915, т. IV, в. I, стр. 82.
36. Срезневский, Мат. I, 541. Преображенский, 138.
37. Ф. Ключе, Etymol. Wörterbuch der deutschen Sprache, II изд., Berlin und Leipzig, 1934, стр. 259—260.
38. Н. Шанский, В. Иванов, Т. Шанская, Краткий этимологический словарь русского языка, Учпедгиз, М., 1961, стр. 351.
39. Н. Горяев, Сравнительный этимологический словарь русского языка, Тифлис, 1896.
- Вамбери, Etymologisches Wörterbuch der turco-tatarischen Sprachen, Leipzig, 1878.
40. А. Е. Кулаковский, Материалы для изучения верований якутов, Якутск, 1923, стр. 96—97.
41. В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, СПб., 1893.
42. Д. К. Зеленин, Терминология старого русского бурлачества, сб. «А. А. Шахматов», под ред. С. П. Обнорского, М.-Л., 1947, стр. 396—397.
43. В. И. Чернышёв, Разыскания и замечания о некоторых русских выражениях. «Доклады и сообщения института русского языка», в. I, М.-Л., 1948, стр. 9—10.
44. В. А. Артёмов, Об интонации, Труды военного института ин. яз., в. 3—4, М., 1953, стр. 8.
45. Н. Яновский, Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, ч. I, СПб., 1803.
- С. Неустроев, Словарь волжских судовых терминов, Н. Новгород, 1904, стр. 6.
46. А. Соболевский, Лекции по истории русского языка, М., 1907, стр. 235.
47. В. Белинский, Полное собр. соч., изд. АН СССР, М., 1955, т. VIII, стр. 433.
48. Gauthiot, Deux mots turcs en russe, «Memoires de la société de linguistique de Paris, tome seizieme, Paris, 1909, стр. 88—89.
49. А. Н. Веселовский, Beiträge zur Erklärung der russischen Heldenepos, «Archiv für slavische Philologie», т. III, 1879, стр. 573.
- Д. Зеленин, Табу слов у народов Восточной Европы и Сев. Азии. Сб. музея антропологии и этнографии, т. IX, стр. 14.
- А. Афанасьев, Повтические воззрения славян на природу, М., 1865, т. II, стр. 89—94.
50. Леже, Славянская мифология, пер. с французского, Воронеж, 1908.
51. А. Соболевский, Заметки о собственных именах в великорусских былинах, «Живая старина», в. II, СПб., 1890, стр. 95—96.
52. И. А. Износков, Список населённых мест Мамадышского уезда, «Труды 4-го арх. съезда в 1873 г.», гл. I, 1884, Казань.

53. Н. Тупиков, *Словарь древнерусских личных собственных имён*, СПб, 1903.
54. М. Морошкин, *Славянский именовослов или собрание славянских личных имён*, СПб, 1867, стр. 208.
55. Карл Бюхер, *Работа и ритм*, перевод с нем. Заяцкого, 1923.
56. D. Šarlić, *Slovenske cestice na i nu i njihova indoevropska srodnost* «Rad jugoslovenske Akademije znanosti i umjetnosti», Kh. 242 (107), 1931.
- С. Я. Лурье, *Неизменяемые слова в функции сказуемого в индоевропейских языках*, Львов, 1955, стр. 9 сл.
- А. М. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении*, 6 изд., М., 1938, стр. 174.
57. С. Боголюбский, *Происхождение и эволюция домашних животных*, М., 1940, стр. 19.
58. В. Соловьёв, *Особенности говора донских казаков*, сб. отделения русского языка и словесности АН, т. LXVIII, № 2, СПб, 1900, стр. 19.
59. В. В. Виноградов, *Значение работ И. В. Сталина для развития советского языкознания*, сб. МГУ, 1952, стр. 44—45.
60. С. Боголюбский, *Происхождение и преобразование домашних животных*, М., 1959, стр. 504.
- О. Трубачёв, *Происхождение названий домашних животных в славянских языках*, изд. АН СССР, М., 1960, стр. 3 сл.
61. В. Гольмстен, *К вопросу о древнем скотоводстве в СССР*, сб. «Проблема происхождения домашних животных», в. I, Л., 1933, стр. 83—84.
62. Л. Булаховский, *Дезтимологизация в русском языке*, «Труды института русского языка АН СССР», в. I, М.-Л., 1949, стр. 187.
63. Б. Гринченко, *Словарь української мови*, К., 1907, т. I, стр. 336—337. Собственные наблюдения.
64. Ю. Касім, *Вигуки української мови*, диссертация, Одесса, 1954, стр. 152 (Рукопись).
65. В. Добровольский, *Смоленский областной словарь*, 1914, стр. 992.
66. Л. Сабанеев, *Иллюстрированный охотничий календарь*, М., 1885.
- В. Даль, *Толковый словарь*, т. II. 779.
67. В. Богораз, *Областной словарь Колымского русского наречия*, СПб, 1901, стр. 73.
68. Б. Гринченко, *Словарь української мови*, т. IV, стр. 438.
- И. Носович, *Словарь белорусского наречия*, СПб, 1870, стр. 694.
69. С. Чукалов, *Болгарско-русский словарь*, изд. 2, София, 1957, стр. 351.
70. Л. Мичатек, *Дифф. сербско-русский словарь*, СПб, 1903, стр. 257, 645, 646.
71. Л. Мичатек, *Дифф. словенско(словацко)-русский словарь*, 1900, стр. 18.
72. E. Weipkeg, *Slavisches etymologisches Worterbuch*, Heidelberg, 1908—1913, стр. 636—637.
73. *Чешско-русский словарь Чехословацко-советского института*, Прага, 1958, стр. 776—777.

Т. Жбанкова, Подзывные и подобные им слова в рязанских говорах, «Учёные записки кафедры русского языка Рязанского педагогического института», Рязань, 1959, стр. 416.

74. А. Погдин, Следы корней-основ в славянских языках, Варшава, 1903, стр. 263—266.

75. J. M. Korinek, Studie z oblasti. opomatopje. V Praze, 1934, стр. 18.

76. А. Подвысоцкий, Словарь областного архангельского наречия, СПб, 1885, стр. 80.

77. М. Халанский, Народные говоры Курской губернии, СПб, 1904, стр. 17.

78. В. Миллер, Значение собаки в мифологических верованиях, М., 1876.

79. В. Чернышёв, Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда, СПб, 1900, стр. 89.

80. Д. Зеленин, Этимологические заметки, IV, ИОРЯС, т. VIII, кн. 4, 1903, стр. 262—265.

81. А. Сахаров, Язык крестьян Ильинской волости Болховского уезда Орловской губернии, СПб, 1900, стр. 46.

82. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. II, Харьков, 1888, стр. 79.

83. В. Никитин, Птицеводство, М.-Л., 1957, стр. 13.

Культурные растения и домашние животные в их переходе из Азии в Грецию и Италию, а также в остальную Европу. Историко-лингвистические эскизы Виктора Гена, СПб, 1872, стр. 179—190.

84. Ernst Schwentner, Die primären Interjektionen in den indogerm. Sprachen, Heidelberg, 1924.

Р. Смалъ-Стоцький, Примітивний словотвір, Варшава, 1929, стр. 32 сл.

85. Д. Н. Садовников, Загадки русского народа, СПб, 1901, стр. 38.

86. В. Мигирин, Соотносительные слова, «Известия КПИ», кафедра русского языка, т. XIV, 1949, стр. 114—115.

87. Н. Шведова, Очерки по синтаксису русской разговорной речи, М., 1960, стр. 257—262.

Ю. Касім, Вигуки як слова, що супроводять речення, Наукові записки, т. XVIII, Одесса, 1957, стр. 52—59.

88. Л. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX в., изд. 2, Киев, 1957, стр. 480.

89. Выготский и Лурья, Этюды по истории поведения, Обезьяна, примитив, ребёнок, ГИЗ, М.-Л., 1930, стр. 193 сл.

90. С. Обнорский, Очерки по истории русского литературного языка, М.-Л., 1946, стр. 179.

И. Ерёмин, Слово о полку Игореве как памятник политического красноречия, сб. «Слово о полку Игореве», изд. АН, 1950, стр. 116.

91. Русские сатирические журналы XVIII века, Учпедгиз, 1940.

92. Н. Верков, История русской журналистики XVIII века, изд. АН СССР, 1952, стр. 458—459.

93. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка 17—19 вв., М., 1938, стр. 211.

94. Б. Томашевский, Стиховая система «Горе от ума», сб. «А. С. Грибоедов», Гос. лит. музей, М., 1946, стр. 81.

95. Более подробно см. нашу статью «Заметки о языке и стиле Н. В. Гоголя», Известия КПИ, т. XIX, 1954, Симферополь, стр. 215—234.

96. А. Ефимов, Язык сатиры Салтыкова-Щедрина, МГУ, 1953, стр. 490.

97. В. Ермилов, Драматургия Чехова, М., 1951, стр. 414.

98. П. Стрелков, Речевые стили в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад», Известия АН СССР, Отделение лит. и яз., т. X, в. 2, 1951, стр. 148.

99. Подробнее в моей статье «Междометия и звукоподражательные слова в стиле М. Горького» в сб. «Словоупотребление и стиль М. Горького», ЛГУ, 1962. Там же, на стр. 104, библиография работ Б. А. Ларина и Б. В. Неймана.

СОКРАЩЕНИЯ

1. Даль, Сл.— В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, изд. II, СПб, М., 1880.
2. Н. Горяев, Сл.— И. В. Горяев. Сравнительный этимологический словарь русского языка, Тифлис, 1896.
3. Срезневский, Мат.— И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, СПб, 1890.
4. Бернекер Е. W.— Slavisches etymologisches Wörterbuch, von E. Berneker, Heidelberg, 1908—1913.
5. Клюге Е. W.— F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Elfte Auflage, Berlin und Leipzig, 1934.
6. Носович, Сл.— И. Носович, Словарь белорусского наречия, СПб, 1870.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. История изучения междометий в русской грамматике	3
II. Междометия эмоциональные	13
III. Императивные (повелительные) междометия	37
IV. Морфология междометий. Словообразование от междометий	73
V. Синтаксис междометий	85
VI. Междометия в языке художественной литературы	108
Указатель междометий	157
Указатель литературы	163
Сокращения	170